

Понимание Троицы

Алистер МакГрат

**Одесская богословская семинария
«Богомыслие»
1995**

© 1987 Alister McGrath

Originally published in English under the title *Understanding the Trinity* by Kingsway Publications
All rights reserved.

Перевод с английского Полторацкой Н.Ф.

© Русское издание. Одесская богословская семинария, «Богомыслие», 1995.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

ГЛАВА 1. КРИТИКА БОГА

ГЛАВА 2. ВСТРЕЧАЮЩИЙ БОГ

ГЛАВА 3. РАЗМЫШЛЕНИЕ О БОГЕ

ГЛАВА 4. БИБЛЕЙСКИЕ ОБРАЗЫ БОГА

ГЛАВА 5. ЛИЧНЫЙ БОГ

ГЛАВА 6. ВОПЛОЩЕННЫЙ БОГ – ИИСУС ХРИСТОС

ГЛАВА 7. ПУТЬ К ТРОИЦЕ

ГЛАВА 8. БОГ КАК ТРИ И БОГ КАК ОДИН

ГЛАВА 9. БОГ – ТРОИЦА

ГЛАВА 10. ВСЕСИЛЬНОЕ ИМЯ ТРОИЦЫ

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Августин справедливо заметил, что «если Бога можно понять, то это не Бог». Ни один человеческий ум никогда не мог до конца постичь Бога, но мы должны, по крайней мере, попытаться понять, что такое Бог. Христианское понимание Бога, приведшее к учению о Троице, является очень глубоким и объемным, и надо сразу же предупредить читателя, что, в лучшем случае, эта книга может только поверхностно коснуться этого вопроса. Но она написана с надеждой, что может быть полезной тем, кто столкнулся с трудностями в размышлениях Боге, и особенно в учении о Троице. Я надеюсь, что она, по крайней мере, прольет свет на эти вопросы и, возможно, даже заставит читателя больше над ними задуматься. Читатель, который счел более полезной мою предыдущую книгу, «Понимание Иисуса», может сделать правильный вывод, что настоящая книга поможет ему в дальнейшем как понять свою собственную веру, так и объяснить ее другим. Если она сможет выполнить хоть одну из этих задач, то я достигну своей цели.

Слишком часто книги, касающиеся учения о Троице, предполагают, что их читатели уже знают, почему они признают это учение, так что остается только его объяснить. Настоящая книга написана с надеждой, что лучшим способом понять, о чем идет речь в этом учении, является попытка прежде всего понять, почему христиане признают его. Книга начинается с обсуждения, почему мы знаем, говорим и думаем о Боге, и показывает, что идея триединства Бога предполагается даже на этой стадии. С каждой страницы этой книги становится все более ясным, что учение о Троице – это просто последнее слово верующего о Боге, Которого он знает, любит и Которому поклоняется.

Алистер МакГрат

Критика Бога

Как-то известная лондонская газета напечатала некролог о знаменитом политике. В то же утро редактору позвонил сам этот человек и с возмущением обрушился на незадачливого редактора: «Только что я прочел собственный некролог в Вашей газете». «Понимаю, – последовал ответ, – а могу я узнать, откуда Вы звоните?» Также всем известна знаменитая телеграмма Марка Твена, посланная из Европы в «Ассошиейтэд пресс»: «Слухи о моей смерти несколько преувеличены». В 1960-е годы появилось множество статей и книг, заявлявших, что «Бог умер». Если оглянуться назад, на те годы, то может создаться впечатление, что эта смерть была событием, выдуманном средствами массовой информации. Сила средств массовой информации (как прессы, так и телевидения) изменять события, а не только сообщать о них, уже стала легендой.

Например, одному известному редактору газеты приписывают слова, сказанные им своим сотрудникам: «Подготовьте материал о войне на Кубе». «Но на Кубе нет никакой войны», – ответили изумленные сотрудники. «Ничего, – парировал редактор, – мы можем быстро изменить ситуацию». Рекламуя книгу Джона Робинсона «Быть честным перед Богом», газета «Санди Обзервер» заявила: «С нашим представлением о Боге пора покончить». Книга Робинсона была не более чем путаным описанием того, что, по его мнению, говорят некоторые современные богословы, но «Обзервер» хотел покончить с этим представлением так, как будто само существование христианства зависело от него. Подобная ситуация была когда «Тайм Мэгэзин», а за ним «Нью-Йоркер» и «Нью-Йорк Таймс», подыскивая подходящий заголовок в своих религиозных разделах для описания идей нескольких возмущенных богословов, использовал первый попавшийся под руку штамп и заявил о существовании школы «Смерть Бога». Любопытная американская публика была втянута в напряженную, изнурительную дискуссию о пути, по которому пойдет богословие «после смерти Бога».

Однако эти сообщения о смерти Бога оказались «несколько преувеличены» и теперь считается, что дебаты по поводу «смерти Бога» говорят нам намного больше о североамериканском и европейском обществах 1960-х годов, чем о Боге. Лозунг «Бог умер», так хорошо известный тем, кто жил 1960-е годы, на самом деле означает, что «я больше не считаю Бога личной реальностью», либо же что «общество, в котором я живу, больше не нуждается в Боге». Но если этот критерий определяет, жив Бог или нет, то распространение христианства после этого времени несомненно показывает, что Бог более чем жив. Разговоры о том, что мир вступил в век, который больше не нуждается в Боге, выглядят странными и неуместными в наши дни здравого реализма, столь сильно отличающегося от оптимизма 60-х. Мы много слышали от школы «Смерть Бога», что «современный человек» не может понять значения слова «Бог». Но кто этот современный человек? Слишком часто он представляется нам, как Оксфордский преподаватель, рассуждающий в своем кабинете за стаканом вина о бессмысленности слов – тот, кто никогда лично не познал Бога, а просто читал о Нем в книгах. Для того же, кто лично познал живого Бога, крайне трудно думать о Нем как о «мертвом».

На заре Просвещения XVIII в. «некролог» о Боге часто сочинялся теми, кто считал, что они уже окончательно избавились от Бога. Но подобно мальчику, который часто кричал – «волки», чем вызывал у окружающих лишь скептическое недоверие, так и нам следует более скептически относиться к этим заявлениям о смерти Бога. «Что? Бог опять умер?», – можем мы спросить. В ответ нас заверят, что на этот раз Он действительно умер, и снова допустят ошибку – и так до следующего раза. Создается впечатление, что Бог находится в

своего рода коме, так что Его смерть – это только вопрос времени, но на самом деле Он проявляет все признаки жизни. По сути дела признаки эти означают то, что некролог школы «Смерть Бога» был уже написан и напечатан, тогда как отнюдь не умерший Бог продолжает волновать и пробуждать к жизни новое поколение верующих.

Но что же мы имеем в виду, когда говорим о Боге? Среди многих людей, – особенно с более философским мышлением, существует тенденция говорить о Боге, как о своего рода понятии. Но гораздо правильнее думать о Боге, как о Том, Кого мы знаем по личному опыту и Кого лично встречаем. Бог – это не идея, о которой можно спорить в дискуссионных клубах. Он – живая реальность, которая становится частью нашего опыта и преобразует его. Наше познание Бога – это то, о чем мы можем говорить с другими, а наша встреча с Ним – это то, что мы можем пытаться выразить словами, но за нашими идеями и словами лежит великая реальность Самого Бога.

Например, предположим, что вы были с Наполеоном Бонапартом, когда он начал свои триумфальные «100 дней» во Франции после побега с острова Эльбы, куда был сослан. Из всего, что мы знаем об этом периоде современной французской истории видно, что Наполеон оказывал сильное влияние на всех, с кем он встречался. Возможно, что он оказал бы такое же влияние и на вас. И если вы попытаетесь выразить это влияние, эту встречу словами, то, подобно столь многим биографам, вы будете постоянно чувствовать, что не можете полностью описать все величие этой фигуры. Несмотря на все ваши попытки, вы всегда будете мучительно осознавать, что не способны точно описать, что вы испытали от соприкосновения с реальной личностью Наполеона. Слова не могут этого ни выразить, ни полностью передать. Но если предположить, что потом вы встречаете человека, который также был с Наполеоном в эти богатые событиями «100 дней», и можете поделиться друг с другом своими впечатлениями. Вам уже не надо описывать все то, что вы пережили от встречи с этой личностью. Вы можете поделиться пересказом тех событий, помогая этим самым друг другу лучше понять, что происходило в то время. Теперь уже слова могут выразить ваше впечатление, чего они не могли сделать сначала.

То же самое происходит и с важным жизненным опытом, который действительно имеет большое значение и который изменяет людей. Вы можете обменяться впечатлениями с другими людьми, но описать его очень трудно. Помню, как я однажды спросил своего старшего товарища, что он чувствовал, находясь в Лондоне во время бомбежки во Вторую Мировую войну. После нескольких попыток описать это чувство он сдался и сказал: «Это бесполезно. Если вы сами не пережили всего этого, вы не сможете понять, что это такое». Это же можно сказать и о встрече, и познании Бога. Их очень сложно описать, но ими легко поделиться с теми, кто испытал их на своем собственном опыте. Именно потому так трудно говорить о Боге. Христиане считают, что описать свое познание Бога друзьям, которые не являются христианами, трудно потому, что у них нет с ними общих точек соприкосновения, общего фундамента, на котором можно строить.

Это напоминает ситуацию, когда вас приглашают на вечеринку, где вы вынуждены разговаривать с незнакомыми вам людьми. Разговор сначала не клеился и каждый старался придумать о чем бы поговорить. Потом оказалось, что вы оба хорошо знаете одного и того же человека, и внезапно разговор становится намного легче. Каждый из вас видит его в ином свете, и то, что говорит о нем другой, связано с тем, что вы уже знаете об этом человеке. Это даже помогает вам лучше понять или узнать его.

Подобным образом, когда христиане говорят о Боге, они обсуждают не идею или понятие, а неожиданную встречу с Ним, опыт, который они пережили. Это как бы разговор об общем друге. Даже если их опыт и несколько отличается, то нет сомнения, что они говорят об одном и том же опыте, одной и той же встрече, и то, что говорит один, может помочь другому глубже понять, что такое Бог.

Мы постараемся объяснить, что имеем здесь в виду. Когда мы говорим, что «чувствуем присутствие Бога», это не значит, что то, что мы сейчас чувствуем, – это Бог. Мы говорим о возможности чувствовать присутствие Бога, а не о необходимости отождествлять

наши чувства с Богом. Либеральное богословие имеет тенденцию не только обнаруживать Бога, но и определять Его в выражениях нашего чувства Его присутствия. Так, богослов XIX в. Шлейермахер говорил о Боге, как об источнике «чувства абсолютной зависимости», тогда как известный американский либерал Пауль Тиллих говорит о Нем, как об «опыте безусловного». Недавно один нью-йоркский богослов сказал, что его ощущение «энергии, которой нет названия», когда он вышел из ванны, было чувством присутствия Бога (а не, конечно же, высокого качества нью-йоркской воды).

Как может и как смеет этот богослов отождествлять Бога со своим ощущением при выходе из ванны? Говоря это, он и подобные ему, делают существование Бога фактически зависимым от сиюминутного чувства и личного суждения. И когда такие либеральные богословы не ощущают этой «энергии, которая не имеет названия», при выходе из ванны, они начинают писать о «смерти Бога» или «чувстве отсутствия Бога», в то время как они должны были бы писать об абсолютной несостоятельности либерального богословия говорить о том, что такое Бог! Потому что существование Бога известно и не зависит от нашего чувства Его присутствия. Псалом 41 – это глубоко трогательное описание уверенности псалмопевца в существовании Бога, даже если он не всегда и не везде чувствует Его присутствие. Священное Писание утверждает, что Бог встречается нас и мы чувствуем эту встречу, а не то, что наш повседневный опыт определяет, что такое Бог. Наш опыт встречи Бога – это также и не личный, а общий опыт, наш и других людей. Их опыт подтверждает и расширяет наш опыт. Для ясности приведем один пример.

Вспоминаю, как однажды я читал книгу о британской научной разведке во время Второй мировой войны. Это была очень увлекательная книга, и мне было интересно читать ее. Хотя я почти ничего не знал о поставленных на карту научных принципах, я понимал, о чем идет речь, и многое почерпнул из этой книги. В одном месте автор пишет, что ему пришлось лететь самолетом из одной части Англии в другую, чтобы присутствовать на особом заседании, и я внезапно начал читать эту книгу более внимательно, так как увидел, что знаю пилота этого самолета. После войны он начал преподавать в Оксфорде, и я знал его как очаровательного, но несколько легкомысленного преподавателя. Автор описал несколько безрассудных выходов этого пилота, и я, помнится, подумал: «Он все еще такой же!» Я обратил внимание на два момента. Во-первых, книга вдруг стала мне более интересной, потому что в ней говорилось о человеке, которого я знал. Во-вторых, то, что в ней описывалось, как подтвердило, так и расширило то, что я уже знал об этом пилоте: оно соответствовало моим знаниям о нем и дополняло их.

Во многих отношениях этот маленький эпизод является иллюстрацией к тому, как христиане думают о Боге. Читая Библию, они встречаются с Тем, Кого они знают, Кто предстает с ее страниц как живая реальность их опыта. И то, что они читают, расширяет и развивает их знание Бога. Надо заметить, что христиане всегда говорили о *познании*, не просто о *знании* Бога. Мы можем много знать о ком-то, но еще не знать лично его самого, как и можем знать кого-то, но при этом мало знать о нем. Я могу открыть Британскую энциклопедию и очень многое узнать о какой-нибудь исторической личности, например, о Наполеоне или Вашингтоне, но это еще не значит, что я знаю их лично. Многим из нас приходилось встречаться на вечеринке с человеком, которого мы знали, но о котором знали очень мало. Еще более удивительно, как мало мужей действительно знают своих жен! Я постоянно замечаю этот парадоксальный факт.

Можно указать на два основных пути познания человека. Во-первых, нам могут много рассказать о нем, так что при встрече с ним мы уже точно знаем, что он собою представляет. Во-вторых, мы можем встретить человека, о котором ничего или мало что знаем, но вскоре обнаруживаем, что можем иметь с ним близкие отношения. По мере развития наших отношений мы все больше узнаем его. Подобное происходит и в наших отношениях с Богом. Многие люди много знают о Боге. Они могут читать Библию и говорить о Нем с другими людьми, которые глубоко и реально почувствовали присутствие Бога. Но пока это только их личные чувства, им еще надо встретить Бога. И потом, когда эта встреча произошла, и они

точно знают, что именно случилось, – с этого момента они могут вступить в связь с Богом. «Познание» означает встречу и знание кого-то, знание о Боге и знание Бога соединяются, как фактическое знание и встреча, вместе и составляют наше познание Бога и связь с Ним.

Или же мы можем встретить Бога и все же не вполне осознать, что произошло. Помню, когда я был ребенком, мне рассказали о Золушке, которая пришла тайно на бал к Принцу, и там они влюбились друг в друга. Хотя Принц не знал, кто она, в этом нет никакого противоречия: влюбленность зависит не от полного знания предмета любви, а от того, что вы чувствуете к нему. И очень часто то же происходит с Богом. Мы встречаем Его, иногда совершенно неожиданно, и возникает связь с Ним. И, как это часто бывает, «вера захватывает, ей не учатся». После этой первой встречи мы затем начинаем больше узнавать о Боге.

Вернемся еще раз к сказке о Золушке. После того как Принц влюбился в нее, он, несмотря на то, что она убежала с бала в полночь, решил больше узнать о ней, например, кем она была в действительности. Ему надо было узнать имя этой девушки. Такого рода чувство подробно описывается как в Ветхом, так и Новом Завете. Самуил услышал зов Господа, но не понял, что это было (1Цар.3.1–18). Ему надо было сказать, что это Господь говорил с ним. Савл Тарсянин пережил чудесное событие на пути в Дамаск (Деян.9.1–6), но ему надо было сказать, Кого он встретил на этой дороге: «Я Иисус, Которого ты гонишь» (Деян.9.5). Многие пережили встречу с кем-то или с чем-то, и они сами знают, что это была реальная встреча, но все же им надо узнать, что это был никто иной, как живой Бог. И тогда они захотят больше узнать о Нем. Об этом нельзя забывать, когда выдвигаются бесконечные и в значительной мере бесполезные аргументы в пользу существования Бога. Как и в случае довольно утомительной игры в шахматы, некоторые из этих аргументов обычно заканчиваются неизменным матом, тупиком. Во всяком случае важно понять, что есть разница между построением абсолютного аргумента в пользу существования Бога и уверенностью, что Бог существует. Многие великие философы с мировым именем считают, что существование Бога можно легко доказать, но в конечном счете, существование Бога не зависит от этих аргументов. Уверенность, что Бог существует, может быть следствием целого ряда факторов, – таких как личный религиозный опыт, чтение Священного Писания, размышления о воскресении, – из которых решающим является только один.

В конечном счете, христианская вера в Бога не зависит ни от какого аргумента, она зависит от опыта. Конечно же, это не значит, что нельзя привести аргументов в пользу существования Бога. Многие считают, что надо раньше доказать, что Бог существует, прежде чем принимать Его всерьез. Так как большинство аргументов в пользу существования Бога обычно заканчиваются «неизменным матом», то как атеисты, так и христиане в равной степени стоят на позиции веры. Здесь надо подчеркнуть этот момент, так как его часто упускают из виду. Атеист именно верит, что Бога нет, и эта его позиция является вопросом веры, а не факта. Он не может доказать, что Бог не существует, как и христианин не может доказать, что Он существует: обе эти позиции – это позиции веры. Любая философия жизни, которая основывается на вере, что Бога нет (как марксизм во всех его формах), является в той же мере вопросом веры, как и само христианство.

Остановимся на этом вопросе подробнее. Как мы увидим дальше, одной из причин, почему христиане верят в Бога, является их уверенность в самооткровении Божиим, и прежде всего в Иисусе Христе. Эта основа веры в Бога является дополнением к любому аргументу, который, возможно и может доказать существование Бога. Но позиция атеистов основана исключительно на таких аргументах. Однако, если Бога нет, то возможность этого несуществующего Бога, активно показывающего Свое несуществование, – это что-то маловероятное. Атеизм, по сути дела, является не более «научным», чем христианская вера, несмотря на попытки атеистов убедить нас в обратном. В наш век атеисты использовали целый ряд аргументов, пытаясь дискредитировать христианство. Но ни один из них не является убедительным, хотя некоторые достаточно важны с точки зрения своего влияния.

Дальше мы рассмотрим два основных аргумента в пользу атеизма, которые сегодня часто выдвигаются.

1. БОГ – ПРОЕКЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ИДЕАЛОВ

Эта идея особенно связана с мыслителем начала XIX в. Людвигом Фейербахом, который, как известно, оказал влияние на Карла Маркса. Согласно Фейербаху, «Бог», по существу, – проекция человеческих идеалов и желаний на воображаемую плоскость. Иными словами, мы «проектируем» наши желания: иметь вечную жизнь, смысл жизни, любовь и так далее до бесконечности, и называем воображаемый результат «Богом». На самом же деле Бог не существует, существуем мы. Если применить технический гегелианский язык, который Фейербах употребил для развития этой темы, то «Бог» – это объективация наших собственных желаний и устремлений. Таким образом, если истинное христианство всегда утверждало, что «Бог есть любовь» (1Ин.4.8), то Фейербах утверждает, что «любовь есть Бог», понимая под этим, что человеческий идеал любви объективируется в идее Бога.

Развивая эту идею, Фейербах утверждает, что атеизм является единственным путем освобождения людей от заблуждения. Если мы только представим себе, что Бога нет, то поймем, что мы сами являемся Богом, потому что наши идеалы и желания мы принимаем за Бога. На этом основании Фейербах утверждает, что атеизм – это реальная основа гуманизма. И чтобы по достоинству оценить человеческую природу, надо отвергнуть существование Бога.

Этот аргумент оказал довольно сильное влияние на определенные круги в XIX—XX вв. Например, отрицание Зигмундом Фрейдом религии как своего рода «исполнения желаний» – это просто психологическая адаптация идей Фейербаха. Но эта точка зрения ставит серьезные проблемы, самой очевидной из которых является следующее: как может Фейербах доказать правильность своего мнения о том, как мы думаем о Боге? По существу же, Фейербах утверждает, что мы выдумали Бога, потому что Он нам нужен. Но это только гипотеза, предположение, которое, по самой своей природе, не может быть показано. Предположение, что «Бог существует потому, что христиане хотят этого», столь же нелогично, как и предположение, что «Бог не существует потому, что атеисты не хотят этого». Это не доказательство, а просто утверждение, что Бог не существует.

Вторая проблема, которая заслуживает внимания, заключается в том, что аргумент Фейербаха в пользу атеизма, по-видимому, основывается на довольно элементарной логической ошибке. Аргумент Фейербаха, как уже много раз отмечалось, звучит так:

- (1) Ничто не существует, или не нуждается в существовании, именно потому, что мы хотим, чтобы оно существовало.
- (2) Мы хотим, чтобы Бог существовал.
- (3) Следовательно, Бог не существует.

Но это совсем не вывод из предпосылок, а прекрасный пример «непоследовательности». Вещи не существуют именно потому, что мы этого хотим. Но из того, что мы желаем их существования, отнюдь не следует, что они не существуют! И единственно правильным выводом будет только то, что существование Бога не может быть доказано просто потому, что мы хотим, чтобы Он существовал.

И далее, совершенно абсурдно думать, что существование Бога можно считать просто утешением в жизни, чем-то, что облегчает нам переносить тяготы жизни. Священное Писание не раз повторяет, что Бог предъявляет к нам большие требования. Он даже требует предать Ему наши жизни! Тот исторический факт, что было много христианских мучеников, которые знали, что Бог призвал их умереть за Него, показывает несостоятельность этого аргумента. Этот Бог отнюдь не конфетка, о которой мы могли бы мечтать. Как мы показали выше, такая же нелогичность может привести к следующему аргументу:

- (1) Ничто не существует, не нуждается в существовании, только потому, что мы не хотим, чтобы оно существовало.
- (2) Атеисты не хотят, чтобы Бог существовал.
- (3) Следовательно, Бог существует.

Желание – это самая ненадежная основа для решения о существовании или несуществовании Бога.

Аргумент Фрейда просто добавляет психологическую теорию к «теории проекции», которую он слепо считает правильной. Однако, как и Фейербах, Фрейд может только принять за гипотезу предположение, что религия – это иллюзия, основанная на незрелости, но эта гипотеза требует доказательства. Религиозные идеи, по Фрейду, являются исполнением самых старых, самых сильных и самых глубоких желаний человечества, но это не значит, что религия обман. Идея того, что мы хотим, чтобы что-то существовало, отнюдь не позволяет сделать вывод, что оно существует. И здесь, конечно, христианское богословие сказало самое важное слово: мы сотворены по образу Божию (Быт. 1.26—27), так что надо ожидать своего рода соответствия между нашими желаниями и реальностью Бога. Фрейд, конечно, не услышал этого христианского утверждения: исторически его атеизм сложился до того, как он развил свою психологическую теорию религии, чтобы поддержать свое отвержение христианства. Он как бы отказался от христианства не из-за своей психологии, а потому, что его психология позволила ему оправдать свое отвержение христианства. Но и логика, и богословие позволяют христианину отнестись к его отвержению Бога точно с тем же неуважением, которое он раньше проявил к христианству.

И, наконец, остановимся на более прагматичном вопросе. Фейербах писал в начале XIX в., когда оптимизм в отношении человеческой природы и потенциала был очень велик. Позже, в этом веке, развитие эволюционной теории укрепило этот оптимизм. Для Фейербаха человек сам является Богом, и атеизм дает ему средство освободиться от ложного Бога христианства. Но Фейербах не предвидел ужасов Второй Мировой войны, Освенцима, истребления человеком человека в таких масштабах и с такой силой, о которых раньше даже нельзя было помыслить. Этот, более века продолжающийся, опыт человека, ставшего «богом», показывает, что он просто не в состоянии нести ответственности, возложенной на него Богом. «Освободившись» от единого Бога, мы оказались поработанными другим, более низким богом значительно более сомнительного нравственного характера. Этот прагматический результат подтверждает слабость теории атеизма Фейербаха, показывая ее реальные последствия.

Что же остается от этого атеистического аргумента в пользу несуществования Бога? Очень мало. Едва ли можно ожидать, чтобы христиане отказывались от своей веры только из-за недоказанного и недоказуемого предположения, которое построено на элементарной логической ошибке и пренебрегает христианским пониманием сущности Бога и нас самих. Атеистический аргумент не доказывает несуществования Бога, как и не делают это аргументы в пользу существования Бога. Это в лучшем случае, только умозрительное наблюдение. Неверие в Бога на основании этого аргумента требует такой же веры в то, что Он существует на основании аргумента, построенного на предположении. Но фактическое значение Фейербаха заключается во влиянии, которое он оказал на атеизм Карла Маркса.

2. БОГ – ОПИУМ ДЛЯ НАРОДА

Критика Карлом Марксом христианства оказала большое влияние как на секулярную, так и христианскую мысль на Западе, но и сама она была подвергнута сильной критике. Выше мы показали, что в представлении Фейербаха «Бог» – это исполнение наших желаний и идеалов. Маркс развил эту идею в несколько другом направлении: наши религиозные идеи, такие как Бог – являются результатом нашей социальной и экономической ситуации. Иными

словами, именно природа самого общества – ее социальная и экономическая система, которая поддерживает его, – определяет наше представление о Боге и т.д.

Для Маркса западноевропейское общество было продуктом капиталистической экономической системы. Эта система, и особенно приватизация собственности, лишила людей их социальных прав и привела, по выражению Маркса, к их отчуждению от них. Это отчуждение, по Марксу, привело к ряду последствий, одним из которых является религиозная вера в Бога. Таким образом, вера в Бога является одним из результатов несправедливых социальных условий, и если изменить эти социальные условия, то вера в Бога в принципе исчезнет. Коммунистическое мировоззрение Маркса основано на фундаментальном атеизме – некритическом и догматическом утверждении, что грядущая революция ликвидирует веру в Бога вместе с несправедливыми социальными условиями.

Отвергая точку зрения, что человек по своей природе подвластен злу, которое вызывает эгоцентризм, или, по выражению Маркса, «эгоизм», Маркс утверждает, что именно капитализм является источником всех проблем человека. Уничтожьте капитализм, и тогда человеческое отчуждение и, следовательно, религия, будут устранены. Путем изменения социально-экономической системы можно преодолеть человеческую дилемму. Здесь важно заметить, что Маркс ставит эту проблему на социальный, а не на индивидуальный уровень, т.е., чтобы освободить человека, надо изменить общество.

Поэтому Маркс считает христианство «опиумом народа», средством, усугубляющим социальную нищету угнетенных масс (и тем отдаляющим неизбежную революцию), которая является прямым результатом их социальных и экономических условий. Если эти социальные и экономические условия будут изменены коммунистической революцией, то исчезнет необходимость в христианстве: оно станет пережитком.

Однако Маркс совершенно не проявляет никакого интереса к христианству как таковому – он касается социальной функции религии, будь то христианство или иудаизм. Он даже не пытается критиковать специфические доктрины христианства или его притязания на истину вообще: его критика основывается на его понимании религии как, в лучшем случае, симптома человеческого отчуждения, а в худшем – как пути сохранения статуса кво путем угнетения. Таким образом, враждебность Маркса к христианству является часто результатом его наблюдения поведения отдельных пасторов, которых он считал угнетателями масс, а не результатом попытки понять, что говорит само христианство.

Критика Марксом христианства не проникает или даже не пытается проникнуть, в сущность христианской веры. Религия для него, в лучшем случае, бесполезна, а в худшем – позитивно вредна. И он утверждает, что, так как христианство является религией, оно также бесполезно и вредно. Его не интересует личность Иисуса Христа или значение Креста и Воскресения для мира. Христианство должно быть отвергнуто, потому что оно стоит на пути его идеи коммунистического общества. Оно отдаляет неизбежную революцию. Для него социализм был исторической неизбежностью, и потому устранение христианства было в равной мере неизбежным, но, как и со столь многими теориями начала XIX века, разрыв между теорией и реальностью оказался непреодолимым. С течением времени читатель конца XX века стал глубоко сомневаться в правильности социальных суждений Маркса, не говоря уже о религиозных воззрениях, на которых он их основывает. «Историческая неизбежность социализма» была дискредитирована самим существованием и падением социалистической системы.

Ленин развил изречение Маркса «религия есть опиум народа», заявив, то христианство является «духовной сивухой», которая одурманивает сознание масс. Абсурдно враждебное отношение Ленина к христианству как к «духовной сивухе» основывается на его убеждении, что христианская религия обманывает трудящиеся массы и препятствует коммунистической революции. Только уничтожением христианства и установлением атеистического государства можно прийти коммунизму.

Всего того, что мы сказали о марксистской критике христианства, достаточно, чтобы увидеть ее слабость. Во-первых, Маркс прямо не критикует специфические доктрины

христианства, такие, как существование Бога или христианское понимание Бога. Религия вообще, и христианство в частности, критикуются с точки зрения их социальных функций. Существование Бога не опровергается, а просто заявляется, что оно препятствует осуществлению марксистских политических и социальных идей. Правильность же этих идей теперь сама по себе вызывает большое сомнение просто потому, что марксистское утверждение необходимости атеистического общества все больше признается утопией. основополагающая догма, что религия является следствием социального отчуждения, подвергается сильному сомнению благодаря очевидному факту, что религия никогда не исчезала ни в одном коммунистическом обществе. Чтобы соединить теорию с реальностью в таких обществах, предпринимались попытки насильственно ликвидировать христианство, но это ни к чему не привело и только вызывало обратную реакцию. Даже в этих обществах люди оставались по своей природе порочными, какими они всегда были и всегда будут, и никакие предлагаемые социальные средства не могут преодолеть человеческого эгоцентризма.

Марксизм является примером бесчисленных теорий, которые пытаются объяснить трагическую историю и положение человечества под влиянием каких-то внешних факторов, – таких, как социальные или экономические условия, низкое образование или сексуальное подавление и т.д. Но разве не верно, что в самой природе человека заложен порок, что мы подвержены греху, который не может изменить никакая борьба с внешними факторами? Как и многие неуспешные средства прошлого преодолеть человеческие страдания, марксизм смешивает причины и следствия, не касаясь реального источника человеческой нищеты, который находится в нас самих. Именно здесь христианство бросает вызов марксизму, утверждая, что необходимы именно возрождение и обновление человечества, чтобы с корнем устранить реальный источник отчуждения. Подобно врачу-любителю, Марксизм лечит симптом, принимая его за болезнь.

Что же остается от марксистской критики христианства? Может быть, самым важным является то, что слишком часто Церковь некритически поддерживала правящие классы, игнорируя свою ответственность перед бедными и угнетенными. Но это – критика применения христианства, а не самого христианства. Церковь призвана как изнутри, так и извне, показать свою социальную и этическую необходимость, а не просто ублажать власть имущих. Маркс же постоянно проявлял крайне поверхностное понимание христианства, критикуя его социальную роль, а не его специфические верования. Несуществование Бога выдвигается им просто как аксиома, самоочевидность и нигде не подтверждается аргументами, которые были бы доказательствами. Для Маркса Бог не существует в социальном обществе, и Он не нужен ему. Но, как показывает история, никакая социально-экономическая система не привела к добровольному и самоочевидному атеизму, который предполагает Маркс. Слишком очевидно, что Бог переживает своих могильщиков – как фрейдизм, так и марксизм.

В последние два века Бог был подвергнут сильной критике. Но, как выразился Уильям Каллен, «Истина, повергнутая в прах, снова возродится». Голословные «доказательства» несуществования Бога оказываются паутиной, которая при прикосновении к ней рвется, несмотря на то, что выглядит столь красивой и прочной в утренней дымке. Для христиан живой Бог присутствует и действует в Своем мире, совершенно независимо от того, признается или отрицается Его существование. Христианин верит в Бога не только потому, что кто-то убедил его в том, что Он есть, а потому, что он познал Бога, встретил реальность живого Бога. В следующей главе мы разовьем эту мысль дальше.

Встречающий Бог

Большинство людей подходят к христианству с предубеждениями, которые мешают им понять, что это такое. Одним из этих предубеждений является то, что вам надо поверить в Бога еще до того, как вы узнаете, что такое христианство. Эта идея основывается на том, что христианство в основном дает знания о Боге: мы признаем, что если Он существует, то мы можем говорить о Нем. Но все это приводит к концепции Бога, идее Бога. Читая исторические книги (что мы обычно делаем в юности), мы начинаем с предположения, что адмирал Нельсон или Джордж Вашингтон существовали, а затем стараемся узнать о них больше. То же самое можно сказать о христианстве: вы начинаете с предположения, что Бог существует, и затем стараетесь узнать о Нем больше, читая такие соответствующие книги, как Библия.

Какие же можно привести аргументы в пользу обоснованности предположения, что Бог существует? Однако, прежде чем даже поставить этот вопрос, мы должны заметить, что для многих людей он не важен. Бог есть, и этого достаточно. По собственному опыту мы знаем, что Он присутствует и реален. Зачем пытаться доказать, что Бог есть, если мы уже знаем это из нашего собственного опыта? Во всяком случае, ни один библейский писатель не считал нужным приводить доказательства существования Бога, потому что все они прекрасно знали, что Он существует. Но можно возразить, что эти аргументы нужны не тем, кто знает и познал Бога как личную реальность, а тем, для кого они могут быть отправной точкой в размышлениях о Боге и потому, являются полезными. Ниже мы кратко изложим три линии аргументации существования Бога. Мы назовем их «аргументом нравственности», «аргументом рациональности» и «аргументом желания».

1. АРГУМЕНТ НРАВСТВЕННОСТИ

Все мы иногда высказываем нравственные суждения. И даже если мы считаем, что нравственная философия только приводит к тупику, все же в некоторых случаях мы вынуждены судить о том, что правильно и что неправильно. Когда были опубликованы первые фотографии того, что произошло в Освенциме, большинство людей искренне ужаснулись и возмутились тем, что там произошло. Они интуитивно знали, что это было злом, без всяких ориентиров на нравственные принципы или аргументы. Но откуда идут эти интуитивные нравственные идеи? И являются ли они обоснованными или важными для понимания, что правильно и что неправильно? Или же это просто инстинкты, берущие корни в далеком прошлом, или запреты, наложенные обществом, которые, как в одном, так и в другом случае можно нарушить, если признать их таковыми? Во всяком случае, мы же нарушаем другие запреты, когда они мешают нам сделать то, что мы хотим.

Однако мы не считаем, что палачи Освенцима нарушили обществом придуманные запреты или освободились от примитивных сил инстинкта – мы совершенно уверены, что они поступали неправильно, чего совершенно определенно не должны были делать. Так, некоторые могут возразить, что «правильно» означает «согласно закону данной страны». Однако все мы прекрасно знаем, что законы могут быть несправедливыми, могут быть неправильными. Палачи Освенцима, во всяком случае, поступали по закону, но едва ли это означает, что они поступали «правильно». И опять же, некоторые могут возразить, что основа нравственности – это «наивысшее благо большинства». И палачи Освенцима скажут, что они просто уничтожали меньшинство, например, евреев, чтобы повысить благосостояние

большинства. И можно еще привести много разных «натуралистических» объяснений нравственности. Но, во всяком случае, они никак не могут удовлетворить нас, потому что все они предполагают, что нравственность условна, придумана людьми.

Глубоко в человеческой природе укоренены идеи «добра» и «зла», которые таким образом объяснить нельзя. В человеческой природе как бы существуют идеи, которые диктуют нам: как мы смеем или как не смеем себя вести. Но откуда они идут? Что стоит за этими естественными идеями «добра» и «зла»? Может быть, ничего – просто слепые и иррациональные силы эволюции. Тогда нравственность становится законом джунглей, инстинктом выживания и потому лишается своей силы. В таком случае «добро» и «зло» – это просто биологический образец поведения. На самом же деле все гораздо сложнее. Зная, что хорошо, мы часто делаем то, что плохо. Пытаясь жить согласно нашим нравственным идеалам, мы обнаруживаем, что не можем следовать им. Мы признаем их, но осуществить их не можем. Есть что-то в человеческой природе, что позволяет нам видеть, что есть добро, и в то же время не дает нам силы делать его.

Объяснить эти наблюдения может христианское понимание Бога и человеческой природы. Бог есть основание и основа нравственного порядка, и Он сотворил людей по Своему образу (Быт.1.26—27). Поэтому мы можем надеяться, что какие-то следы Духа Божия запечатлены в нашей природе. Однако грех противоборствует нашей возможности жить по нравственным законам (Рим.7.15—25). Именно понимая, что мы знаем, что такое зло, и в то же время не можем его не делать, мы начинаем понимать необходимость в покаянии. Христианское понимание Бога и человеческой природы, которое основывается на таких аргументах, является очень важным.

2. АРГУМЕНТ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Чтобы решить, существует или не существует Бог, мы должны обратиться к нашему уму, нашему разуму. Он является средством, которое мы считаем подходящим для выполнения этой задачи. Признание способности разума решить, существует Бог или нет, является обязательным предположением любого аргумента в пользу или против существования Бога. Но это предположение означает на самом деле гораздо большее, чем может показаться на первый взгляд. Предположим, что вам надо определить рост населения страны по последней переписи. Вы закладываете программу в компьютер для анализа отдельных данных и приходите к какому-то выводу. Точность связи данных с выводом определяется исключительно тем, как вы программируете компьютер. Непродуманная программа даст, в лучшем случае, ненадежные результаты. Уверенность в способности компьютера обрабатывать данные является, в конечном счете, уверенностью в компьютерной программе и, отсюда, в программисте. Если большой группе обезьян дать личные компьютеры, то вполне возможно (даже в самой малейшей степени!), что при наличии достаточного времени и достаточного количества обезьян одна из них составила бы программу, которая могла бы надежно обработать эти данные. Но все же это весьма маловероятно. Хорошая программа требует хорошего программиста.

Такую же ситуацию мы имеем с человеческим разумом. Не слишком настаивая на сходстве между умом и компьютером, все же отметим, что в чем-то они похожи – в способности обработать данные для получения определенного вывода. Но на каком же основании мы доверяем разуму эту работу? Очевидно, что все наше знание зависит от обоснованности нашего интеллектуального процесса, и любые элементы иррациональности на любой стадии этого процесса могут потенциально нарушить его. Может быть, человеческий разум появился случайно, вследствие слепых сил эволюции, точно так же, как группа обезьян могла бы составить компьютерную программу. Либо же мы можем предположить, что за нашим разумом лежит разум кого-то другого, точно так же, как за хорошей компьютерной программой лежит человеческий интеллект. Выше мы сказали, что

христианское понимание человеческой природы предполагает неразрывность между Богом и нами, и то, что верно в области нравственности, так же верно и в области рациональности. Человеческая рациональность происходит от Божественной рациональности, и ее способность понять природу является отражением того, что она была сотворена рациональным Богом.

И надо еще раз подчеркнуть, что это не доказывает существования Бога, а просто показывает, что христианское понимание основы рациональности позволяет нам анализировать то, что мы знаем по опыту. Оно предполагает, но не решает поставленную задачу.

3. АРГУМЕНТ ЖЕЛАНИЯ

Большинство из нас знает по личному опыту, что значит желать чего-то, что требует удовлетворения. Мы все знаем чувство голода, которое соответствует психологической потребности в нас самих и тому, что объективно находится вне нас (пища). Чувство жажды – это то же самое: что-то естественное в нас указывает на потребность, которая может быть удовлетворена внешней субстанцией (водой). То же самое можно сказать и о сексуальном желании. Все эти желания в нас соответствуют реальной человеческой потребности, которая может быть удовлетворена. Само наше выживание зависит от этих желаний и от того, что может удовлетворить их. Оно отражает нашу физиологическую структуру, показывает, как мы построены.

Большинство людей знает особое, глубокое желание, которое трудно выразить словами. Может быть, лучше всего его описал Льюис в своей знаменитой проповеди «Бремя славы». Это глубокое желание чего-то, что ни один конечный объект не может удовлетворить: это духовное беспокойство, желание бессмертия, поиск смысла. Мы могли бы продлить этот перечень дальше. Большинство же из нас знает это основное чувство, даже если его трудно выразить словами. Это чувство духовной пустоты, осознание, что физические вещи не могут удовлетворить все наше существо. Это чувство хорошо известно многим, и экзистенциалисты приклеили ему довольно неудачный ярлык «выброшенность». Мы как бы все находимся в «дальней стороне» (Лк.15.13), отрезанные от радости, которую никогда реально не знали, но которую как бы помним. Это подобно эху тона, который мы никогда практически не слышали, или вести из страны, в которой никогда не были, и все же как бы уже знаем ее. Но на что же направлено это желание?

Конечно, можно возразить, что оно ни на что не направлено, а просто является продуктом эволюции. В ответ можно сказать, что это означало бы отвергнуть или обесценить огромное число человеческих эмоций. Христиане говорят, что это глубокое желание в человеческой природе является следствием нашего сотворения. Мы сотворены по образу Божию с данной нам возможностью связаться с Богом; и это духовное желание в нас указывает на отсутствие этой связи. Как сказал Паскаль, «в нас существует пропасть между Богом и нами», пропасть, которая реально существует, и заполнить которую не может никто, кроме Бога. Как голод свидетельствует о потребности в пище, так и эти духовные желания в нас свидетельствуют о потребности в Боге. Всю силу этой потребности хорошо знают христиане, которые действительно считают невозможным представить себе жизнь без Бога. Без Бога была бы такая огромная пустота, нищета в человеческом существовании, что жизнь едва ли имела бы смысл. Но даже и для нехристианина должна быть понятна сила этой потребности. Если мы не хотим обесценить наши переживания, мы должны спросить, что же означает эта духовная пустота. Может быть, она ничего не означает или не является важной; а может быть, она свидетельствует о реальной потребности, которую никто иной не может удовлетворить, кроме как живой Бог; может быть, она свидетельствует о нашем духовном отечестве, «дальней стороне», в которой мы призваны жить.

Здесь надо отметить, что Священное Писание часто сравнивает познание Бога с удовлетворением физических потребностей. «Вкусите, и увидите, как благ Господь», – говорит псалмопевец (Пс.33.9). Иисус Христос часто называется «хлебом жизни» или «живой водой». «Я есмь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда» (Ин. 6.35); «А кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек» (Ин.4.14). Осознание духовного голода или жажды, по аналогии с физическим голодом и жаждой, ставит вопрос о возможности удовлетворения этого голода и жажды. И христианин заявляет, что они могут быть с избытком удовлетворены через встречу с живым Богом.

И надо снова подчеркнуть, что такой аргумент только предполагает, но не утверждает. Однако здесь, как и в отношении других двух аргументов, надо заметить, что наше христианское понимание Бога и нас самих связано с личным опытом. Вера освещает опыт и, в свою очередь, утверждается опытом. Христианская религия считает наши опыты потребностью вступить в связь с Богом и заявляет, что эта связь реально возможна через смерть и воскресение Иисуса Христа.

Для чего же тогда выдвигать такие аргументы, которые только предполагают, но не доказывают, существование Бога? В конечном счете, единственным убедительным доказательством является встреча и связь с Богом, как с реальностью. Приведем два примера одной и той же ситуации на небе, один из которых возьмем из Нового Завета, а другой из астрономии.

Даже самый поверхностный читатель Нового Завета и практически каждый, кто посылает и получает рождественские открытки, знает, что вскоре после рождения Иисуса к Нему пришли мудрецы, таинственные волхвы с востока (Мф.2.1—12). (Мы точно не знаем, сколько их было, даже если традиционно считается, что их было трое. Точно же мы знаем, что они принесли три дара (Мф.2.11), и мы всегда думаем, что каждый принес по одному!). Что же указало им путь к Иисусу? Слишком часто нам говорят, что эти волхвы, которые, почти несомненно, были астрономами своего времени, были приведены прямо в Вифлеем появлением знаменитой звезды. На самом же деле все обстояло иначе. Они увидели появление звезды, которая заставила их подумать о существовании новорожденного царя, и они отправились в Иерусалим, чтобы получить более подробные указания; и именно из Иерусалима они пришли в Вифлеем. Событие в естественном мире – звезда – заставило их отправиться на поиски Мессии и указала им часть пути к Нему. Но что касается последней части этого пути, то они положились на великое ветхозаветное пророчество (Мф.2.2-8). Священное Писание подтвердило естественное предположение – что родившегося Царя надо искать в Вифлееме.

Подобно Вифлеемской звезде, аргументы в пользу существования Бога указывают нам на что-то, но не ведут нас до конца. Они показывают существование чего-то, но точно не говорят, что это такое и где это надо искать. Важным здесь является идти дальше, искать Бога. Как и волхвов, нас также приводят к Священному Писанию, чтобы знать больше об этом Боге, а также где Его можно найти. И, как всегда говорит христианин, самым надежным местом, где можно найти и познать Бога, это место, где Его впервые нашли волхвы – в личности Иисуса Христа. Аргументы в пользу существования Бога, как и Вифлеемская звезда, могут указать нам только часть пути, нам нужно руководство тех, кто уже знает, где Его можно найти, или, кто уже нашел Его. Мы возвратимся к этому несколько позже. А сейчас обратимся от Вифлеемской звезды к другому, более близкому нам событию, связанному с нашими знаниями о небе.

В 1781 г. английский астроном Вильям Гершель вызвал сенсацию, обнаружив таинственную зеленую планету Уран. До этого обычно считалось, что вся солнечная система была уже известна, и открытие этой таинственной новой звезды в солнечной системе поставило под сомнение много традиционных предположений об этой системе. К 1820 г., однако, было обнаружено, что эта новая планета ведет себя совершенно необычно. Ее орбита оказалась совсем иной, чем предполагали. Было предложено несколько объяснений

возмущений ее орбиты: возможно, что планета Сатурн была тяжелее, чем это обычно считалось, либо за ней существовала еще одна неизвестная планета за ее пределами, которая своим гравитационным притяжением вызвала возмущения орбиты Урана. И хотя эти гипотезы точно не объясняли изменения орбиты, они, конечно же, многое предполагали.

В 1843 г. Джон Кауч Адамс в Кембридже и Огюст Леверье в Париже одновременно начали работать над гипотезой существования неизвестной планеты за пределами Урана. Хотя до этого ее никто не видел и не признавал ее существования, они примерно вычислили, где ее надо искать. В Англии и Берлине телескопы начали искать эту гипотетическую планету, и наконец берлинская обсерватория ее обнаружила. Эта новая планета была названа Нептуном. Через некоторое время были обнаружены возмущения орбиты этой новой планеты, что предполагало существование планеты, расположенной еще дальше от Солнца. Так в 1930 г. была открыта планета Плутон.

Итак, на основании данных, которые предполагали, но не доказывали существование планеты за пределами Урана, были предприняты серьезные поиски этой планеты, которые привели к ее открытию.

Так и с Богом. Свидетельства о существовании Бога реальны, и они предполагают, но не доказывают, что Бог существует. Существование Бога является одним из возможных путей объяснения опытных свидетельств, но не единственным. Как и в случае планеты Нептун, когда к гипотезе о ее существовании отнеслись серьезно и начали искать предполагаемое место ее нахождения, так и «гипотеза о существовании Бога» может быть подтверждена, если отнестись к ней серьезно и искать Его там, где христианство всегда предполагало, что Его можно найти. Где же надо искать Бога? Как и планету Нептун, на небе? Возможно (Пс.8.4; 18.2). Но христианин всегда ссылается на библейские Писания с их кульминацией в Иисусе Христе, и особенно на Его смерть и воскресение как на наивысшее указание на существование и характер Бога. Христианство всегда считало, что именно здесь Бог открыл Себя; и именно здесь Его можно найти. Теперь посмотрим, как библейское свидетельство о Боге подтверждает и расширяет наше знание Бога, которое дает нам сама природа.

Для ясности приведем один пример. Некоторые философы утверждают, что представление о Боге как о Творце мира, в котором мы живем, и о нас самих исходит из самой природы. Эта тема знакома большинству читателей классических философских произведений. С другой стороны, как заметил Цицерон в своей книге «О природе богов», представления о Боге, основанные на природе, были фрагментарными и часто противоречивыми. Знание о Боге, основанное на природе, имеет предел; например, природа свидетельствует, что Он Творец и что Он благ и премудр. Эта мысль была развита дальше в XVIII в. епископом Батлером в его знаменитом труде «Аналогия религии». Батлер подчеркивал ненадежность природы как источника знания Бога: природа отмечена насилием, пороками и кровопролитием; место, где льется кровь и где действует нравственный закон «съесть или быть съеденным», едва ли самое подходящее, чтобы в нем искать Бога! Чтобы получить более достоверное знание о Боге, нужен более надежный источник, чем природа.

Здесь христианин скажет, что Священное Писание подтверждает знания, полученные из природы; например, то, что Бог есть Творец, и что Он благ и премудр. Исаак Уоттс написал гимн, который заслуживает особого внимания:

Небеса возвещают Твою славу, Господи!
В каждой звезде сияет Твоя премудрость;
Но когда мы видим Твое слово,
Твое имя читается в этих строках.

Здесь акцент делается на том, что библейское свидетельство о Боге соответствует и подтверждает то, что мы уже знаем, или думаем, что знаем по своему личному опыту, и оно как подтверждает, так и развивает наше знание дальше. Священное Писание дает надежные рамки для вашего размышления и разговора о Боге, которые расширяют то очень скромное знание Бога, которое может дать природа. И Священное Писание строит эти рамки вокруг

центрального события, о котором оно свидетельствует: вокруг жизни, смерти и воскресении Иисуса Христа.

Важность библейского свидетельства для всякого разговора о Боге, который претендует быть христианским, нельзя переоценить. Нам надо сказать, что такое Бог. Предоставленные самим себе, мы только приходим к путаным и противоречивым представлениям о том, каким может быть Бог. Священное Писание ставит наш разговор о Боге в определенные рамки. Дальше мы увидим, что именно Священное Писание предлагает нам самооткровение Бога. Христиане всегда признавали, что они развивают самооткровение Бога, а не просто придумывают идеи о том, кто Он есть. Самооткровение Бога, достигшее кульминации в смерти и воскресении Иисуса Христа, передается нам через библейское свидетельство. Итак, именно Священное Писание является изначальным источником христианского размышления о Боге. Как мы видели, библейское свидетельство о Боге вплетается в наш личный опыт, но и превосходит его, дополняя его важными проникновениями, получить которые иначе мы не могли надеяться.

Для многих людей размышлять о Боге очень трудно, потому, что это кажется им крайне абстрактным занятием. Мы можем видеть, слышать, прикасаться к Богу совершенно иначе, чем это происходит с окружающими нас предметами. Мы часто чувствуем, что нам надо что-то более конкретное, более осязаемое, на чем можно было бы основать наш разговор о Боге. Одно из самых сильных проникновений, которые предлагает христианская религия, касается прежде всего пути, которым мы узнаем о Боге. Согласно христианской религии, самое надежное знание Бога, которое мы получаем в этой жизни, надо искать в личности Иисуса Христа. В моей книге «Понимание Иисуса» я касаюсь именно этого проникновения, и мы возвратимся к этой теме в следующих главах. Но история Иисуса также важна для вопроса существования Бога. Воскресение Иисуса сразу же вызывает у нас вопрос: с кем или с чем связано это событие?

Как мы видели в «Понимании Иисуса», первые христиане были убеждены, что Воскресение не только показало существование Бога, но явилось Божиим подтверждением миссии Иисуса. Его слова и дела имели на себе, так сказать, печать Божественного одобрения через Воскресенье. Воскресение опровергло суд мира – что Иисус потерпел поражение – и вместо этого учредило суд Божий над всем, что говорил и делал Иисус. Воскресение показало, что Бог одобрил и оправдал Иисуса, тогда как мир думал, что Бог осудил Его. Значение Воскресения не только в том, что оно дает ответ на вопрос: кем точно был Иисус и почему Он так важен, но и в том, что оно очень важно для нашего познания Бога. Для христианина существование Бога подтверждается воскресением Иисуса Христа.

Это также важно для тех, кто считает аргументы о существовании Бога совершенно абстрактными. Вместо того, чтобы рассуждать о таких абстрактных идеях, как нравственность и разум, мы можем начать с очень специфических и очень определенных вещей: что точно произошло в первый день Пасхи? Что изменило личный опыт учеников? Что означал пустой гроб? Все это исторические, а не абстрактные философские вопросы. Христианская религия отвечает на эти вопросы, что Бог воскресил Иисуса из мертвых. Другие ответы представляются настолько сомнительными, что мы постоянно должны возвращаться к христианскому ответу как к самому убедительному. Реальность Бога выражается в изменении ситуации Великой Пятницы в ситуацию Пасхального Воскресенья, в котором смерть отступила перед новой жизнью, отчаяние перед радостью, тьма перед светом. И точно так же Евангелие предлагает обетование изменения нашей собственной ситуации здесь и сейчас. Тот же Бог, Который воскресил Иисуса Христа из мертвых, обещает превратить нашу смерть в новую жизнь, превратить отчаяние в радость, тьму в свет. И христиане по личному опыту знают, что именно это Бог уже сделал и продолжает делать для тех, кто к Нему приходит.

Такого рода аргументы, однако, могут предполагать, что единственным путем стать христианином является необходимость поверить в существование Бога и только потом спрашивать, какие именно факты должна христианская религия добавить к этой вере. На

самом же деле это совсем не так. Если вернуться к историческим аналогиям, то можно сказать, что христианское понимание Бога можно лучше всего сравнить с исторической фигурой, которая предстает перед нами со страниц исторической книги. Идея, что мы должны открыть, что такое Бог, совершенно чужда христианству, которое основывается на признании, что Бог проявил инициативу и пришел встретить нас в истории. Нам предлагается не просто информация о Боге, но Сам живой Бог. Этот фактор очень важен, и мы остановимся на нем несколько дальше, после того как рассмотрим другие вопросы.

Многие люди, по-видимому, считают, что предпосылкой для того, чтобы стать христианином, является вера в Бога, и что христианство дополняет эту основную веру такими идеями, как то, каким должно быть наше поведение и т.д. На самом же деле большинство людей игнорирует или отвергает христианскую религию на основании своего представления о ней, а не на основании того, что фактически предлагает христианство.

Христиане считают, что не они сами ищут Бога, а что Бог нашел их, и ожидают того Бога, Который приходит к ним. Как Ветхий, так и Новый Заветы, говорят о Боге, Который ищет нас, Который приходит встретить нас там, где мы находимся, и берет нас с Собой в Свою обитель. Библия предлагает нам обратный порядок для схемы, с которой многие из нас привыкли работать, т.е., для понимания, что мы ищем Бога. Она призывает нас думать, что Бог ищет нас. Бог приходит, чтобы найти нас, встретить нас там, где мы находимся и предлагает нам признать или отвергнуть Его. И сделать именно этот шаг многие считают трудным, главным образом, потому, что они продолжают считать Его понятием, чем-то, что существует в мире идей. Я еще раз подчеркиваю, что христиане думают о Боге, как о личности, о Том, Кто (а не что) может Сам открыться нам и установить с нами связь.

Встретить Бога – это значит встретить личную реальность, а не просто иметь интересную (даже если и не новую) идею. Идея Бога должна быть дополнена личной встречей с живым Богом, на которую она указывает и о которой свидетельствует. Для некоторых людей идея Бога остается идеей, тогда как для христиан она является одной из возможных отправных точек, для достижения реальной цели – личной связи с живым и любящим Богом. Таким образом, христианская вера – это не столько вера в идею Бога, сколько вера в личность Бога. Конечно, мы не можем обойтись без идеи Бога, и никто не станет этого отрицать. Мы хотим здесь только подчеркнуть, что личное христианское познание Бога гораздо богаче и глубже, чем просто идея!

Мы можем встретить человека, о существовании которого до этого момента не помышляли. Вы постоянно читаете в журналах и газетах, что кто-то воссоединился со своим давно потерянным братом или сестрой, о существовании которых он совершенно не знал. Вы можете прочесть о ком-то, скажем о президенте Соединенных Штатов, и затем встретить его, и все мы знаем, что совершенно нормально встретить человека, о котором мы никогда раньше не слышали. Нередко, именно так завязывается дружба. То же происходит и с Богом. Не только возможно, но и совершенно естественно для людей встретить Бога, даже если раньше они и не верили в Него. Точно так же, как новый или ранее неизвестный человек может войти в нашу жизнь, точно так и Бог может это делать.

Встреча с Богом и обретение веры в существование Бога могут произойти почти одновременно. Это составляет неотъемлемую часть христианского опыта. Но бывает и так, что не всегда эта встреча с Богом признается таковой, и здесь можно вспомнить случай с пророком Самуилом (1Цар.3.1—10), но крайне мало таких людей, которые в своей жизни не почувствовали бы чего-то странного, чего-то благоговейного, чего-то волнующего, чего-то необъяснимого, что вызвало у них ощущение реальности и расширяло в них духовные горизонты. Об этом чувстве, глубоко укорененном в человеческом религиозном опыте, говорил Павел в своей проповеди в ареопаге в Афинах (Деян.17.16—34). «Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам» (Деян.17.23). Иными словами, христианская религия дает имя той реальности, о которой мы не знали, и открывает путь к полному пониманию богатства и глубине общения с Богом.

В этой главе мы рассмотрели пути, которыми мы приходим к познанию Бога. Основная идея заключается в том, что природа дает нам частичное и несовершенное знание о существовании и природе Бога, которое подтверждается, дополняется и развивается библейским свидетельством, достигающим кульминации в Иисусе Христе. Слово Божие было сказано пророками, но Слово Божие воплотилось в Иисусе Христе. Тот же Бог, Который говорил через закон и пророков, стал подобен нам: смертным и слабым человеком, чтобы сказать непосредственно нам Слово Божие. «Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках, в последние дни сии говорил нам в Сыне» (Евр.1.1—2). Реальное познание Бога – это не просто перечень главных идей о Боге, а это реальная и искупительная встреча с живым Богом, в которой Бог, так сказать, «выходит из» страниц Священного Писания, чтобы встретить нас и показать нам Свое присутствие.

Когда я некоторое время тому назад занимался молекулярной биологией, развитие новой технологии, позволившей нам исследовать животные и растительные клетки, никак не разрушая их, вызвало большую сенсацию. Этот метод был назван «неагрессивным», потому что он не разрушал и не вмешивался в изучаемую систему. И многие любят использовать «неагрессивные» свойства Бога – Бога, Который совсем не волнует нас и не воздействует на нас. Бог рассматривается ими как книга, которую, когда надо, можно снять с полки, а потом забыть о ней. Здесь можно привести остроумное стихотворение Джона Оуэна, написанное в XVII в.:

Мы в одинаковой мере обожаем и Бога, и врача,
Но только, когда находимся в опасности, а не раньше;
Когда опасность проходит, оба получают одинаковое вознаграждение.
Бога забывают, врачом пренебрегают!

Никого нельзя убедить в существовании Царства Божия именно потому, что христианство интересуют не идеи, а живая реальность. Убедить кого-то в существовании Бога отнюдь не означает сделать его христианином, а вот встретить живого Бога и ответить Ему – это уже совсем другое дело. Например, я могу убедить своего друга, в существовании какой-то девушки, но это совсем не то, что если мой друг встречает эту девушку, и они обнаруживают, что могут общаться друг с другом, и влюбляются. Христианская религия – это не своего рода урок религиозного воспитания, на котором в наши головы вдалбливаются факты; это скорее любовная связь – что-то сильное, призывающее и обладающее смыслом для обеих сторон. И именно о таком познании Бога свидетельствует христианская вера. Это «познание», которое не требует высокой научной квалификации или университетской степени, а это личное знание Бога, которое доступно каждому. Это познание захватывает наше сердце, а не только нашу голову. Это познание, которое появляется через встречу с кем-то, через встречу живого Бога, а не через чтение пыльных учебников.

Для подтверждения приведем один пример. Все мы перед кем-то преклоняемся. Это может быть историческая фигура прошлого или кто-то из наших современников. Вы можете многое узнать о нем. Вы можете изучить все книги и статьи, написанные о нем, послушать все теле- и радиопрограммы о нем, и вскоре узнаете об этом человеке почти все. Почти то же самое сделал и я, когда хотел все узнать о Мартине Лютере, который является одним из самых почитаемых мною людей. Я прочитал почти все, что он писал, и узнал даже больше, чем о нем было написано. Но Лютер – это мертвая фигура прошлого, тот, кого я никогда не узнаю как человека, с кем я никогда не смогу установить дружеских отношений. Он остается далеким человеком, о котором вы много знаете, но которого лично не знаете.

Теперь представьте себе, что кто-то постучал к вам в дверь и вы обнаруживаете, что это человек, перед которым вы так сильно преклоняетесь, и он (или она) просит вас впустить, чтобы познакомиться с вами. Вы, наверное, понимаете, что эта ситуация совсем иная, чем когда вы узнаете о человеке по книгам: теперь вы встречаете живую реальность, о которой ранее вы знали только факты. Вы узнаете этого человека совершенно иначе. И то же происходит с христианским познанием Бога. Если вам надо, то вы можете все узнать о Боге из книг. Но христианское познание Бога означает то, что Он стучится в дверь вашей жизни,

прося впустить Его, чтобы Он мог узнать вас и иметь общение с вами (Отк.3.20—22). Он не разбивает дверь молотком, но дает вам возможность не впустить Его. Реальное познание Бога приходит к вам через открытую вами дверь и никаким иным образом; то есть только тогда, когда вы открываете Ему дверь и впускаете Его. После этого вы читаете о Нем в другом свете и иным образом, потому что теперь вы можете иметь с Ним общение совершенно иным путем.

Это, следовательно, не просто теоретическое знание из учебников, а что-то живое, практическое, что-то волнующее, что дает смысл жизни. Это не мертвая буква, а живая реальность. Чтобы познать Бога, надо встретить живого и любящего Бога, что приводит вас к настоящей жизни и настоящей любви. Христианская религия – это встреча, которая становится связью любви между вами и живым Богом, который приходит, чтобы найти вас, и проявляет инициативу, чтобы встретить нас. Вся полнота любви Бога к нам открывается через Крест Иисуса Христа (Ин.3.16; Рим.5.8). Быть христианином – это принять протянутую Богом руку и идти к вечной жизни, не до конца понимая, что это такое, но будучи уверенным, что куда бы мы ни шли и что бы ни произошло с нами при этом, Он никогда не оставит нас.

Размышление о Боге

Поэт XIX в. Теннисон как-то сказал, что большинство англичан представляют себе Бога как священника-старца с большой бородой. Насколько верно такое представление о Боге, не известно, но это, несомненно, показывает, что нам необходимо мысленно видеть Бога. Некоторые богословы предпочитают говорить о Боге в абстрактных выражениях, часто создавая впечатление, что это единственно правильный путь для разумного человека думать о Боге. Многим из нас приходилось сталкиваться с их несколько риторическими рассуждениями об «основе нашего бытия», «конечном бытии» и т.д., и так, они часто сами не понимая, пытаются говорить о Боге. Поэтому мы с радостью обращаемся к Священному Писанию, которое предлагает нам несколько хорошо понятных образов Бога (как Бог Отец, Бог Пастырь и др.), взятых из повседневной жизни и дающих нам понятное, визуальное представление о Боге. Хотя ни один из этих образов сам по себе не создает правильной картины, вместе же они дают нам достаточно надежное и удовлетворительное представление о Боге.

В следующей главе мы рассмотрим эти модели Бога и увидим, что каждая в отдельности и все они вместе помогают нам правильно думать о Боге. Но прежде мы должны остановиться на некоторых вопросах, которые возникают в связи с использованием этих образов или моделей. По-видимому, самым очевидным из них является простой вопрос: почему вообще нам надо использовать эти модели? Почему мы не можем дать точное описание или точное определение Бога? В конечном счете, эти модели несколько элементарны, и мы можем обойтись без них и обратиться к более сложным путям размышления о Боге.

Прежде всего надо указать на конечность и греховность человека. Как можно надеяться, чтобы падшие люди могли оценить и понять, что такое Бог? Если только учесть, что значит слово «Бог», то совершенно абсурдно надеяться, что мы можем полностью описать или определить Его. Мы можем видеть только «очертания» Бога, как если бы мы смотрели на Него «через тусклое стекло» (1Кор.13.12). Для человеческого ума представить себе Бога во всей Его полноте – это все равно, что влить весь Атлантический океан в ведро!

Древние отцы христианской Церкви обычно сравнивали понимание Бога со смотрением прямо на солнце. Человеческий глаз просто не в состоянии выдержать интенсивный свет солнца. Точно так же, как человеческий глаз не может выдержать яркость солнца, так и человеческий ум не может вместить славу Божию. Здесь можно привести хорошо известные слова епископа Реджинальда:

Свят, свят, хотя и тьма скрывает Тебя,
Хотя глаз грешника
Не может видеть славы Твоей.

Также можно вспомнить рассказ о языческом императоре, который посетил еврейского раввина Иешуя бен Анания. Языческий император попросил показать ему Бога Иешуи. Раввин ответил, что это невозможно, но такой ответ не удовлетворил императора. Тогда раввин вывел императора во двор и попросил его посмотреть на полуденное солнце. «Невозможно!», – возразил император. «Если вы не можете смотреть на солнце, которое создал Бог, – сказал раввин, – то как вы можете увидеть славу Самого Бога?»

Однако, смотреть на солнце можно через тусклое стекло или ранним утром через дымку, которые сильно снижают яркость солнечного диска. В подобных случаях человеческий глаз может воспринять предмет, который иначе он никак не воспримет. Почти таким же образом библейские модели или Бога позволяют думать о Боге, Который открывает

Себя в доступных образах, чтобы человеческий ум мог воспринять Его. Великий реформатор Жан Кальвин часто считается довольно ортодоксальным богословом, но и у него были слабости. Одним из таких слабых моментов было его знаменитое утверждение, что «Бог приспособляется к нашей немощи», иными словами, Бог знает предел нашему интеллекту и преднамеренно открывается нам так, чтобы мы могли воспринять Его.

Именно в этом отношении очень важно учение о воплощении (см. книгу: Алистер МакГрат. «Понимание Иисуса», стр. 91-119, о воплощении и понимании Бога). Мы могли бы сказать, что Иисус Христос – это Бог «уменьшенного масштаба», или, по выражению Чарльза Уэслея, «наш Бог уменьшился до пяти». Основная идея здесь в том, что что-то или кто-то является столь обширным и сложным, что предстает перед нами таким образом, чтобы мы могли воспринять и понять его. Бог пришел к нам в таком облике, который соответствовал человеческим условиям, в такой форме которую, можно было видеть и осязать (1Ин.1.1).

В молодости я пытался понять значение чисел. Что, например, означает понятие «три»? Я применил умозрительный образ мышления, глядя на три полки, три стула, три стола, и увидел, что понятие «три» присутствовало в каждом случае. Привыкнув к такому образу мышления, я вскоре научился представлять себе «три», не думая в то же время о столах или стульях. И во многих отношениях такой путь помогает понять Воплощение. Абстрактные идеи трудны для нашего восприятия, и Бог знает это. Поэтому Он открывается нам в форме, которая доступна для нашего понимания. Он открывается в образе человека, в образе того, кто подобен нам, кого мы можем мысленно видеть и с кем можем общаться. Так и в отношении Бога; мы можем научиться думать о Нем в образе Иисуса Христа. Как сказал знаменитый писатель II в., «Об Иисусе Христе вы должны помышлять, как о Боге и седее живых и мёртвых» (Второе послание Климента к Коринфянам 1.1). Конечно, воплощение – это значительно больше, чем путь, помогающий нам познать истину, как мы это видели в «Понимании Иисуса», но одна из его функций позволяет нам думать о Боге с трепетом и волнением.

Во многих областях жизни мы сталкиваемся с проблемой, когда пытаемся выразить или описать что-то значительное и глубокое и обнаруживаем, что доступные нам средства выражения очень ограничены. Так, предположим, что однажды вы пошли погулять и перед вами предстает изумительная картина, панорама, от которой вы не можете оторвать глаз и которую хотите запечатлеть в какой-то определенной форме. Возвратившись домой, вы берете простой карандаш и альбом и зарисовываете то, что увидели. Вы сразу же обнаруживаете, что не имеете средств изобразить на гладком листе бумаги трехмерный мир. Реальность имеет третье измерение, которое вы просто не можете изобразить на двухмерном листе бумаги. Вы можете попытаться изобразить иллюзию третьего измерения, но это не будет точное изображение. И хотя вы можете передать теневые и световые эффекты, но все равно вы рисуете черным карандашом по белому фону, создавая одноцветный вариант многоцветной реальности. Подчеркиваю, мы не можем точно передать цвет одной краской, даже если используем все имеющиеся у нас материалы и методы. То же самое можно сказать, когда мы думаем о Боге. Бог имеет особое измерение, которое мы точно не можем передать. Так же, как мы не можем точно передать многоцветный предмет одним цветом, так мы не можем точно выразить природу Бога в человеческих словах. Как заметил австралийский философ Людвиг Уиттгенштейн, человеческие слова абсолютно не в состоянии описать столь земную вещь, как аромат кофе. Как же трудно, следовательно, описать Бога! Ничто не может представить Бога таким, каким Он на самом деле является, и мы должны научиться лучшим образом использовать все, что нам доступно.

Вернемся еще раз к нашей аналогии альбома для рисования. Предположим, что всю жизнь вы жили в подземелье и были отрезаны от контактов с внешним миром. Вы ничего не знаете о деревьях, солнце или небе. Вы знаете только темную комнату, в которой оказались запертыми на всю жизнь. И вот однажды к вам в подземелье приходит незнакомец и говорит, что за пределами вашего жилища существует внешний мир, которого вы до сих пор

совершенно не знали. Вас можно убедить в том, что должен быть лучший мир, чем тот, который вы уже знаете, но вы не можете быть уверены в его существовании. И, может быть, первое, что вы спросите, будет: на что он похож?

Тогда незнакомец вынимает карандаш и альбом и начинает рисовать. Он рисует пейзаж с солнцем, деревьями и небом; он рисует животных, растения и реки. Вы удивлены, потому что видите только карандашные линии на бумаге. Вам трудно понять, что перед вами рисунок, черно-белый рисунок, двухмерное изображение цветной, трехмерной реальности. Вам действительно трудно представить себе, что перед вами уменьшенных размеров картина реальности, которая простирается за пределами вашего жилища. Реально понимать это вы начнете, только когда осознаете, что рисунок является неадекватным и частичным изображением большей реальности, которая не может быть передана такими средствами. Конечно, если вы сами сможете выйти из вашего подземелья и увидеть внешний мир, то поймете, что рисунок изображает реальность. Но предположим, что вы не можете вырваться из вашего подземелья. Ваше знание внешнего мира останется таким, как он и отображается на этом рисунке.

Во многих отношениях мы оказываемся в аналогичной ситуации, когда пытаемся представить себе и изобразить Бога. Основная надежда здесь в том, что мы, которые никогда не покидали нашего собственного мира времени и пространства, все же обладает способностью предположить существование иного мира, который находится вне нас. Но наше знание иного мира дается нам посредством человеческих слов. Однако, хотя это и лучшее средство, которое мы имеем, оно не может адекватно описать Бога. Наше знание Бога имеет форму вербальных картин, т.е. форму словесного описания Бога. И мы должны знать, что эти словесные описания, хотя и никогда адекватно не передают славу, величие и красоту Бога, тем не менее могут дать нам представление о том, что такое Бог, точно так же, как карандашный рисунок незнакомца дает обитателю подземелья представление о том, что такое внешний мир.

Это еще раз показывает, что средство, которым мы пользуемся, не может адекватно передать все аспекты как деревьев, так и Бога. Бело-черный рисунок дерева показывает, что представляет собой реальная вещь и позволяет нам узнать эту реальную вещь, когда мы с ней встречаемся. Но этот карандашный рисунок не может адекватно отобразить каждый аспект дерева. Представим себе две ситуации. Предположим, что вы показываете этот рисунок тому, кто уже видел дерево. Он сразу же узнает, что вы нарисовали, потому что, как и вы, он видел деревья. Теперь предположим, что как обитатель подземелья, вы никогда в жизни не видели дерева. И когда вы в первый раз видите его, вы понимаете, что это. Вы видите явное сходство между карандашным рисунком и реальной вещью.

То же самое мы можем сказать и о средстве, описывающем Бога. Это человеческие слова. Но они не могут передать всего, что мы хотели бы сказать о Боге. Фактически, даже трудно себе представить, с чего начать. Единственное, что мы можем сделать – это дать словесный эквивалент карандашному рисунку, представить себе; что такое Бог. Мы можем использовать притчи, своего рода модели, о которых мы будем говорить ниже. И тот, кто уже знает Бога, поймет, что мы говорим о том же Боге, Которого он знает по личному опыту. Наши слова соответствуют этому его опыту, и он может провести параллель между нашими словами и своим опытом.

Теперь предположим, что вы разговариваете с человеком, который никогда раньше не знал Бога по своему личному опыту. Он «чувствует», чему должен быть подобен Бог, даже если никогда не встречал и лично не знал Его. И когда он встречает Бога, он понимает, кого и что он встретил. Он может провести параллель: «То, что я только что почувствовал, соответствует тому, о чем вы говорите». Важным здесь является то, что хотя человеческие слова не могут адекватно выразить богатство и глубину христианского опыта и знания Бога, они свидетельствуют о Боге точно так же, как рисунок дерева свидетельствует о самом дереве.

Можно провести еще одну аналогию с подземельем. Христиане всегда утверждали, что Священное Писание дает нам видения природы Бога, которые подтверждаются и развиваются Самим Богом, Который приходит к нам. В рождении, жизни, смерти и воскресении Иисуса Христа мы можем видеть Самого Бога, Который приходит к нам в нашей человеческой ситуации точно так же, как незнакомец пришел в подземелье. Бог «посещает» (Лк.1.68) свой народ, давая ему возможность представить себе Его. Эти представления принимают форму словесных картин, моделей Бога в форме слов, которые дают нам возможность мысленно представить себе, чему Он подобен. Но самой главной картиной, или образом Божиим, является Иисус Христос, Которого вера признает никем иным, как воплотившимся Богом, живым Богом, Который пришел жить среди нас, как один из нас.

Эти словесные картины в Священном Писании и в памяти Церкви даются нам для того, чтобы мы могли на их основании в наше время и в наш век начать думать о Боге. Конечно, они не могут адекватно передать реальность живого Бога, но они указывают нам правильное направление и помогают нам думать о Боге единственно правильным путем. Христиане верят, что однажды они увидят Бога таким, каков Он реально есть, так что все эти вспомогательные пути размышления о Боге останутся навсегда в прошлом. Но до наступления этого дня мы должны полагаться на богатство библейского свидетельства о Боге, подтвержденного в личном христианском опыте, как на основу для наших размышлений о Нем. Мы должны признать ограниченность этого свидетельства, но мы радуемся, что мы имеем эти словесные картины, на которых можем основывать наше понимание Бога.

Как нам лучшим образом использовать эти словесные картины или модели Бога? Мы можем провести аналогию между нашим пониманием «моделей» Бога с моделями, используемыми учеными для углубления нашего знания естественного мира. Для ученого модели являются частичным, конкретным путем воображения или мысленного представления о том, что само по себе невидимо. Иными словами, это путь размышлений о том, что иным образом трудно увидеть и что позволяет нам проникнуть в сущность естественного мира. И действительно, столь успешными оказались некоторые из этих моделей, что многие считают их адекватным отображением реальной вещи. Этот момент столь важен, что мы должны остановиться на нем подробнее.

Представим себе ситуацию, знакомую многим, кто изучает науку в высшей школе. Если вы сжимаете газ в баллоне, то видите, что по мере увеличения сжатия объем газа становится меньше. Это наблюдение, выраженное в математической форме, известно как закон Бойля. Если представить себе молекулы газа в виде бильярдных шаров, постоянно сталкивающихся друг с другом, то вы обнаруживаете, что можете предсказать этот закон. Чем меньше пространство, в котором двигаются бильярдные шары (иными словами, объем), тем чаще они сталкиваются друг с другом и со стенками баллона (иными словами, они оказывают большее давление). Эту модель иногда называют кинетической теорией газов.

Никто не говорит, что газовые молекулы – это то же самое, что бильярдные шары. Прежде всего они в миллиарды и миллиарды раз меньше. Мы же говорим, что бильярдные шары являются хорошей моделью газовых молекул. Во-первых, они позволяют нам представить себе, что такое молекулы. Мы не можем видеть молекулы – они слишком малы, – но модель их позволяет нам представить себе их, создать мысленную форму, на что они похожи. Это не идеальная картина, но она позволяет нам думать о молекулах, представить себе их форму. Во-вторых, модели позволяют нам понять и изучить по крайней мере один аспект поведения этих молекул. Хотя это не позволяет нам объяснить каждый аспект их поведения, но помогает нам, по крайней мере частично, понять, что происходит, и позволяет попытаться предсказать некоторые другие свойства этой системы. Это напоминает аналогию, а мы хорошо знаем, что аналогии полезны при условии, если мы не забываем, что каждая аналогия в какой-то момент теряет силу. Так и с моделями. Они помогают нам думать о вещах, которые совершенно не могут быть видимыми, и позволяют нам опять хотя

бы часть того, что происходит. Возвращаясь к кинетической теории газов, мы имеем в виду то, что «сложное поведение газов можно частично понять, если будем считать, что газовые молекулы похожи на твердые неэластичные сферы, как, например, бильярдные шары».

Интересно отметить, что многие члены университетских христианских групп, а часто и большинство, изучают естественные, а не гуманитарные и математические науки. Почему это? Может быть, одной из причин является то, что они видят творение Божие таким, как оно есть в природе, тогда как студенты гуманитарных и математических факультетов изучают творения других людей. Но, может быть, другое и более важное – это то, что ученые привыкли говорить и думать о реальности посредством моделей, частичных и конкретных изображений реальности, и потому им нетрудно применять такие же средства, когда они говорят или думают о Боге.

Можно привести еще много примеров научного использования моделей, но мы полагаем, что основная мысль, которую мы здесь пытались развить, достаточно понятна. Мы также можем использовать такого же рода модели и для размышления о Боге. Например, мы можем представить себе Бога на модели пастыря, точно так же, как газовые молекулы – на модели бильярдных шаров. Здесь мы берем за модель то, что мы уже знаем (пастырь), и говорим, что она дает нам мысленную картину Бога и помогает понять Его поведение. В следующей главе мы подробнее остановимся на библейских моделях или образах Бога и на том, что они говорят нам о Нем. Но сначала надо указать на некоторые важные моменты, касающиеся моделей, чтобы избежать элементарных ошибок при их использовании.

Во-первых, мы можем случайно принять за модель то, что она моделирует. Возвращаясь к кинетической теории, мы можем случайно предположить, что газовые молекулы являются бильярдными шарами. Ведь говорится, что во многих отношениях газовые молекулы ведут себя так, как если бы они были бильярдными шарами. Когда мы предполагаем, что подходящей моделью для Бога является пастырь, мы говорим, что в определенных отношениях о Боге можно думать, как если бы Он был пастырем, например, когда Он заботится наставляет Своих овец. Мы всегда должны помнить, что модель как похожа, так и непохожа на то, что моделируется, и здесь важно видеть, в чем они схожи.

Многие отвергают христианство потому, что путают мысленные картины и визуальные средства с реальностью, которую они пытаются описать. Эти модели, однако, не являются реальностью, в которую верят христиане. Большинство христиан слишком хорошо понимают огромные трудности, с которыми они сталкиваются, когда пытаются описать Бога, и глубоко благодарны Богу, что Он «приспособился к нашим немощам» (Кальвин), дав нам такие полезные важные средства представления о Нем. Однако мы можем правильно использовать эти картины только тогда, когда понимаем, что сами они не то, во что верят христиане; христиане верят в Бога, Которого эти картины изображают. Мы можем часто слышать, как люди говорят: «Я не могу верить в какого-то пастыря на небе», или: «Вы не можете надеяться, что я серьезно поверю во всю эту чепуху о старом человеке, сидящем на облаке». Эти люди, однако, просто путают средство описания Бога с реальностью Самого Бога. Для ясности приведем еще одну аналогию.

Предположим, мы попросили трех художников нарисовать вазу с фруктами. Вы приглашаете их в студию, ставите перед ними вазу с фруктами и оставляете их работать. Спустя некоторое время, вы возвращаетесь и обнаруживаете три очень разные картины. На одной из них – очень точное изображение вазы с фруктами, которая сразу же узнается как таковая. На другой картине гораздо труднее определить, что это ваза с фруктами: все плоды непонятно почему имеют форму кубов и цвет их имеет разные оттенки синего. Третья картина совершенно непонятна: художник принадлежит к более абстрактной школе толкования, и рисунок его отдаленно напоминает что-то вроде стеганного одеяла из разных кусков. Затем мы приглашаем нескольких наших друзей посмотреть эти картины. Сначала показываем им третью картину и просим сказать, что на ней изображено. Через несколько минут томительного молчания мы показываем им вторую картину. Здесь молчание становится короче, так как некоторые начинают видеть очертания вазы с фруктами. Когда же

они подходят к первой картине, то сразу узнают, что на ней изображено. И когда мы показываем им оригинал, они сразу же узнают, что нарисовано на первой картине.

Теперь проведем эту аналогию дальше. Означает ли, что на третьей картине не была узнава ваза с фруктами потому, что она была написана не с оригинала или же не изображала эту вазу? Оба вывода, конечно же, неверны. Их можно сделать, но они нелогичны. Единственно правильным выводом будет то, что не было сразу же понятно, что на картине изображена реальность – ваза с фруктами.

Почти такую же ситуацию мы имеем с моделями и визуальными картинами Бога. Нам может быть трудно понять их и даже признать их таковыми, но это не имеет никакого отношения к реальности, которую они изображают. Мы можем порвать третий рисунок и выбросить его в мусорное ведро, но ваза с фруктами из-за этого не перестанет существовать. Как в случае рисунков вазы с фруктами, так и в случае моделей Бога, мы должны избегать смешивания изображения реальности с самой реальностью.

Во-вторых, мы должны помнить, что объяснение сложных вещей может потребовать больше одной модели. Хорошим примером является свет. В начале XX в. стало совершенно ясно, что поведение света можно объяснить только предположив, что одни аспекты поведения надо объяснять на модели волны, а другие – на модели частицы. Иными словами, надо использовать две разные (и противоречивые) модели, чтобы объяснить всю сложность поведения света. Позже была выдвинута теория (знаменитая «квантовая теория»), которая позволила примирить эти модели. Каждая из них объясняла одни аспекты поведения света, но не могла объяснить другие. Но они были дополняющими друг друга, а не противоречивыми. Шире говоря, чем сложнее ситуация, тем большее число моделей требуется для ее объяснения. Время от времени появляются книги с таким названием, как «Модели человека», показывающие, как много разных моделей необходимо, чтобы только начать пытаться объяснить всю сложность людей. Итак, когда мы обращаемся к моделям Бога, неудивительно, что находим много этих моделей в Священном Писании, каждая из которых объясняет один аспект Бога, а все вместе, дополняя друг друга, они позволяют создать впечатляющую и притягательную картину Бога.

В-третьих, можно предположить, что то, что необходимо для модели, также необходимо и для того, что моделируется. Формально говоря, по логике вещей какие-то черты модели неправильно проектируются на моделируемую систему. Для ясности приведем один пример.

Во второй половине XIX в. стало ясно, что в каких-то отношениях свет можно рассматривать, как если бы он был движением волны. Один пример движения волны хорошо известен – это звук. Таким образом звук рассматривался как модель света. Он помог ученым понять многие аспекты поведения света, если предположить, что свет ведет себя точно так же, как звук. Но для прохождения звука необходима среда. Иначе говоря, ему для этого нужно что-то вроде воздуха или воды. В школе нам показали эксперимент, как, создав вакуум вокруг колокольчика, можно остановить движение звука. Колокольчик был помещен в большой стеклянный сосуд, из которого постепенно выкачивался воздух. По мере того, как выкачивался воздух, звук колокольчика становился слабее и слабее, пока совсем не заглох. Так мы поняли, что для прохождения звука необходима какая-то среда.

На этом основании было предположено, что для распространения света также нужна какая-то среда, и так появилось слово «эфир» для описания среды, через которую проходят световые волны. Если вы почитаете старые радиожурналы или слушаете старые радиопрограммы, то встретите такое выражение, как «волны проходят через эфир». Но в конце века стало совершенно ясно, что для прохождения света не надо никакой среды. Логическая необходимость модели (звука) была применена к тому, что моделировалось (свет), но это предположение постепенно было признано неправильным на основании экспериментальных данных.

Так и с моделями Бога. Например, мы часто используем слово «Отец» в качестве очень хорошей модели Бога, подчеркивая тем самым зависимость нашего существования от

Бога. Но каждый человеческий ребенок имеет человеческую мать, как и человеческого отца. Это, по-видимому, должно предполагать, что должна быть небесная мать, как и небесный отец. Но такое предположение основывается на неправильном перенесении логической необходимости аспекта модели (отца) на то, что моделируется (Бог), точно так же, как необходимость одного аспекта (необходимость среды для прохождения) модели (звука) переносилась на то, что моделировалось (свет). Это трудно, но это нужно понять, так как это помогает нам избежать ошибок, которые обычно возникают при библейском употреблении моделей при разговоре о Боге. Может быть, надо себя спросить, что данная модель, как «Бог Царь», не только говорит, но и не говорит.

И, наконец, надо заметить, что в этой главе мы подчеркнули, как можно, по крайней мере частично, передать всю сложность природы и характера Бога через простые визуальные образы, которые столь просты, что и ребенок может их понять, точно так же, как можно передавать научные истины. Однако людям часто, по-видимому, трудно таким образом думать о реальности. Когда вы говорите им: «Почему вы не можете представить себе атом как своего рода мяч для гольфа?», они отвечают: «Это слишком просто. Я не могу поверить в это. Предложите мне что-то более сложное». И тогда вы пытаетесь представить атом иным образом. Вы берете лист бумаги, пишете сложную математическую функцию и говорите: «Вот другой путь представить себе атом». А они тогда заявляют: «Это очень сложно. Вы просто заводите меня в тупик вашей наукой. Объясните мне это более простым путем».

Во многих отношениях это показывает, что вы не можете одновременно удовлетворить всех. Но это также показывает, как трудно для многих людей – и фактически для большинства – понять способ описания и изображения сложных вещей. Гольфовый мяч и функция волны («сложное математическое выражение»), приведенные выше, в одинаковой мере законные и правильные способы описания атомов, каждый из которых имеет свое применение. Так же и с Богом. Когда мы говорим, что «Бог похож на отца, такой же строгий и добрый к своим детям», мы очень часто слышим: «Не могу поверить. Это слишком просто. Мне не шесть лет. Объясните более сложным способом». Но когда вы говорите о «необходимости признать творческую диалектику между строгостью и добротой в парадоксе спасения», в ответ вы слышите: «Это слишком сложно. Если Бог действительно существует, то я уверен, что Он, конечно же, объяснил бы все гораздо проще, чем эта ваша абстрактная чепуха». Это почти что, как если бы христианство было придумано людьми и зависело от сложного или простого объяснения! Но на самом же деле мы стараемся описать Бога, как можно лучше на нескольких уровнях. Ребенок может представлять себе Бога, как любящего пастыря, а профессор университета как – «основу радикального творения», но оба они думают об одном и том же Боге разными путями на разных уровнях.

Одной из самых замечательных вещей в христианской религии является то, что она позволяет описать и представить Бога совершенно разными путями, каждый из которых позволяет и помогает нам глубже и правильнее понять Его. Критик, который не признает христианскую религию только потому, что она слишком простая или слишком сложная, уже, очевидно, составил свое мнение о христианстве и не хочет, чтобы его предубеждения оказались неправильными. Но для тех, кто хочет ее понять, но сталкивается с трудностями, использование научных моделей является очень полезным путем показать, что простые картины и модели могут передать самые глубокие истины.

В следующей главе мы рассмотрим богатство, живость, непосредственность и драматическую силу библейских моделей Бога, чтобы начать разговор о Боге.

Библейские образы Бога

Предположим, что вы смотрите какую-то пьесу по телевизору, скажем «Ромео и Джульетта». Действующие лица появляются на экране, и вы видите, какие они. Вы также видите декорации, среди которых развивается действие. Теперь представьте себе, что вы слушаете эту же пьесу по радио. Вы не видите изображения и должны представить себе, как выглядят действующие лица и декорации. Именно поэтому многие предпочитают радио, так как оно стимулирует воображение.

Во многих отношениях библейское свидетельство о Боге очень напоминает радиопьесу. Вам дается словесная картина Бога, а не визуальная. Вы должны получить представление о Боге посредством данных вам словесных образов, каждый из которых может дать бесценное видение Бога. И точно также, как вы должны стараться представить себе, как реально выглядит человек, которому принадлежит голос, так и мы должны стараться представить себе реальность, которая скрывается за этими словесными библейскими образами. Как Ветхий, так и Новый Завет использует образы, чтобы стимулировать и направить наше размышление о Боге, – словесные картины Бога, которые мы можем помнить и о которых можем размышлять.

Прежде чем рассматривать некоторые из этих образов, надо остановиться на двух особенностях.

Во-первых, в предыдущей главе мы показали, что модели, или образы, являются «частичными и конкретными изображениями реальности». Не означает ли это, что Библия дает нам только частичную и, следовательно, неадекватную картину Бога? Конечно же, нет! Священное Писание дает нам огромное множество образов, или моделей, которые все вместе, подобно детским игрушечным кубикам, создают полную понятную картину Бога. Каждый из этих образов, взятый в отдельности, конечно, не может сделать этого, как, например, Бог-Пастырь, но о Боге можно и надо сказать еще много, кроме того, что Он Пастырь. Библейские образы Бога – это кирпичи, которые, соединяясь, дают полную картину Бога.

Во-вторых, надо заметить, что нам позволено использовать только определенные образы Бога, те, которые даются в Священном Писании. Как мы уже подчеркивали, изначальным источником нашего знания Бога является Священное Писание. И мы могли бы сказать, что Бог предписывает нам как о Нем мыслить. Это значит, что мы не можем взять любой образ и утверждать, что он адекватно представляет Бога; нам надо сосредоточиться на тех образах, которые нам даны, и представить себе, что они говорят нам о Боге. На основании этих представлений мы можем найти современные эквиваленты, которые дают нам такие же представления – например, Бог, как управляющий. Но мы должны помнить, что наши попытки составить современные образы всегда вторичны и зависят от библейского свидетельства. Самый лучший проповедник это тот, кто, глубоко изучив библейские образы, находит для них самые удачные современные аналогии, читая газеты и смотря телевидение. Но это только современное подтверждение оригинальных образов. Они не имеют статуса Богом данных и утвержденных образов, которые нам дает Священное Писание. Проповедник должен, поэтому, постоянно стараться связать библейские образы с современным миром, никогда не допуская, чтобы последние имели преимущество перед первыми.

В этой главе мы рассмотрим некоторые библейские образы Бога, чтобы увидеть, как, соединяясь, они дают полную картину Бога. Библейские образы Бога являются живыми, взятыми из повседневной жизни того периода. Эти образы отражают силы природы, неодушевленные предметы и людей, и все они позволяют нам начать думать о Боге как о

реальности. Хотя со временем некоторые из них стали менее живыми, чем они были когда-то, но совсем не надо прилагать много усилий, чтобы увидеть всю их силу и живность. Мы начнем с самого известного из всех библейских образов Бога, Бога, как пастыря.

1. БОГ КАК ПАСТЫРЬ

Одним из самых знаменитых стихов в Библии является Пс.22.1 – «Господь – Пастырь». Этот образ Бога, как пастыря, часто встречается как в Ветхом Завете (например, Пс.79.2; Ис.40.11) так и в Новом Завете применительно к Иисусу Христу, Который есть «пастырь добрый» (Ин.10.11). Но что же говорит нам этот образ о Боге?

Во-первых, это нежная забота пастуха о своих овцах. Пастух отдавал все время тому, что пас свое стадо овец. И в Израиле пастух считался социально отверженным, так как почти все свое время он должен был проводить со своим стадом, что мешало ему участвовать в нормальной общественной деятельности. Так, образ Бога, как пастыря, предполагает полную отдачу Бога Своему народу. Этот образ получил большое развитие в Новом Завете, особенно в притче о потерянной овце (Лк.15.3—7). Здесь пастух ищет пропавшую овцу, чтобы вернуть ее домой. Окончательное развитие этого образа мы находим в Евангелии от Иоанна, где подчеркивается, что добрый пастырь, в котором мы сразу узнаем же Иисуса, добровольно отдаст жизнь за спасение своих овец (Ин.10.11—16).

Во-вторых, образ Бога, как пастыря, говорит нам о водительстве. Пастух знает, где надо искать пищу и воду, и ведет туда своих овец. Именно он находит «злачные пажити и тихие воды» (Пс.29.2) для своих овец. Я вырос в ирландской деревне, где бесцельно блуждало стадо овец, создавая впечатление заблудившегося стада. Предоставленные самим себе, овцы обычно теряются и заходят в опасные места, останавливаясь на склонах гор. И именно пастух удерживает овец в безопасных местах и обеспечивает их едой и водой. Уподобление Бога пастырю подчеркивает Его постоянное присутствие среди Своего народа и Его руководство, когда Он старается защитить его от опасностей жизни и ведет его в место изобилия и безопасности. «Как пастырь Он будет пасти стадо Свое; агнцев будет брать на руки и носить на груди Своей и водить дойных» (Ис.40.11).

В-третьих, образ Бога, как пастыря, говорит нам и о нас самих. Мы овцы паствы Божией (Пс.78.13; 94.7; 99.3). Подобно овцам, мы не можем сами позаботиться о себе и постоянно теряемся. Мы не зависим сами от себя: как овцы полагаются на пастыря, так и мы должны научиться полагаться на Бога. Нам хотелось бы думать, что мы можем сами заботиться о себе, но реальность требует, чтобы мы признали, насколько мы полностью зависим от Бога и от момента своего рождения и до смерти.

Человеческая греховность часто сравнивается с отвращением от Бога, подобно заблудившей овце: «Все блуждали как овцы, совратились каждый на свою дорогу» (Ис.53.6; ср. Пс.118.176; 1Пет.2.25). Как пастух идет искать свою заблудившую овцу, так и Бог пришел найти нас в нашей потерянности, чтобы привести нас домой. Здесь можно провести параллель с притчей о блудном сыне (Лк.15.11—32) В Лк.15 три притчи о «потерянности», и все они выражают идею, что мы потерялись, потом кто-то ищет нас и затем мы радуемся, когда нас находят и приводят домой. Пастух находит пропавшую овцу (Лк.15.3—7); женщина находит потерянную драхму (Лк.15.8—10); отец находит блудного сына (Лк.15.11—32). И во всех этих аналогиях мы видим тот же постоянный акцент Евангелия: мы потерялись, но Бог пришел в мир в Своем Сыне Иисусе Христе, чтобы нас спасти и вернуть домой.

И наконец, образ Бога, как пастыря, особенно ясно говорит нам о природе связи верующего с Богом. Пастырь не просто показывает своим овцам правильный путь, ведущий к «злачным пажитям и тихим водам», а приводит их туда, беря на руки слабых, которые не могут дойти без посторонней помощи (Ис.40.11). Бог христианской религии это не тот Бог, который говорит нам куда идти и что делать, если мы хотим спасения, а потом предоставляет

нас самим себе, а это тот Бог, Который сопровождает нас, поддерживает и заботиться о нас, когда идет с нами и ведет нас. Так и Иисус говорит нам, что Он есть «путь и истина и жизнь» (Ин.14.6). Он не только поставит нас на этот путь, но идет с нами, пока мы идем. Великая тема «Еммануил, что значит: с нами Бог» (Мф.1.23), постоянно звучит в христианской жизни, когда мы вспоминаем, что Бог с нами, и даже в самые тяжелые моменты нашей жизни Он ведет нас к вечному покою.

2. БОГ КАК ДУХ

«Бог есть дух» (Ин.4.24). Но что это говорит нам о Боге? Здесь надо помнить, что в русском, как и в английском, языке для перевода еврейского слова «раух» есть три слова: «ветер», «дыхание» и «дух». Это важное еврейское слово имеет глубокое значение, которое действительно невозможно адекватно перевести. Так, если мы хотим до конца понять глубину значения, связанного с образом Бога, как духа, нам надо постараться понять богатство этого важного образа. Более того, нам надо помнить, что, переводя еврейское слово «раух» как «дух», многие переводы Ветхого Завета теряют богатство первоначального образа. В этой главе мы постараемся раскрыть богатство этого очень важного размышления о Боге.

Во-первых, идея духа ассоциируется с жизнью. Когда Бог сотворил Адама, Он вдунул в него дыхание жизни, в результате чего он стал живым существом (Быт.2.7). Главное различие между живым и мертвым человеком заключается в том, что первый дышит, а последний не дышит. Это привело к идее, что жизнь зависит от дыхания (и здесь вспомним, что «дыхание» это одно из значений еврейского слова «раух»). Бог – это Бог, Кто вдохнул дыхание жизни в пустые оболочки и таким образом делает их живыми. Точно так же, как Бог вдунул в Адама жизнь, так и сегодня Он может дать жизнь отдельным людям и Церкви через Своего Духа. Итак, первая идея, что образ Бога, как духа, заключается в том, что Бог это Тот, Кто дает жизнь, Тот, Кто может даже воскресить мертвых.

Во-вторых, образ Бога, как духа, предполагает силу. Здесь надо вспомнить, что еврейское слово «раух» имеет также значение ветра. Все мы привыкли видеть, что вещи двигаются под воздействием ветра. Мы часто видим, что ветер несет куски бумаги по дороге или сгибает деревья. И в тех частях мира, где обычно бывают ураганы, целые города могут быть разрушены этой невидимой силой, которую мы называем ветром. Ветхозаветные писатели, видя действие ветра, едва ли могли не видеть явной параллели с действием Бога. Бог подобен ветру – невидимой силе, которая воздействует на вещи и людей.

Мы можем развить эту мысль дальше. Предположим, что вы хотите разжечь костер. Сначала вы бросаете зажженную спичку на сухие ветки, которые затем начинают дымиться. Если вы подуете на ветки, то сначала загорается небольшая кучка тлеющих веток и затем огонь охватывает все ветки. Так и Бог дует на нашу веру, чтобы укрепить ее и зажигает в нас огонь любви к Нему. Если же вы будете столь легкомысленны, что разожжете костер в лесу, когда дует сильный ветер, то искры от вашего костра могут зажечь весь лес. И надо достаточно только одной маленькой искры, чтобы, под действием ветра разгорелся пожар. Так и Бог может обратить искру нашей веры в огонь, который может зажечь весь мир. Идея Бога, как ветра, помогает понять нам, что Бог может сделать из столь маленького столь большое.

Мы знаем ветер по его действию, но не знаем его самого. Мы могли бы сказать, что ветер это «молекулы воздуха, двигающиеся с большой скоростью». Но все мы считаем, что гораздо легче говорить о ветре с точки зрения того, что он делает, а не того, что он такое. Ветер – это то, что несет куски бумаги по улице. Ветер-это то, что заставляет столб дыма наклоняться в определенном направлении. Ветер – это сила, сгибающая огромные деревья. Так и Бог. Многие считают, что легче говорить о Боге с точки зрения того, что Он делает, а не того, что Он такое. Бог – это то, что изменило всю жизнь моего друга, приведя его к вере.

Бог – это то, что воскресило Иисуса Христа из мертвых. Мы можем развить эту мысль еще дальше.

Предположим, что в вашей местности недавно пронесся сильный ветер, и когда вы вышли потом погулять, то увидели огромное дерево, лежащее на земле. Как же это произошло? Почти несомненно, что оно было вырвано ветром. Мы так привыкли видеть, что вещи сдуваются ветром, что редко отдаем себе отчет, почему это происходит. Как могут бесконечно маленькие молекулы воздуха повалить огромное дерево? В конечном счете воздух – это то, чем мы постоянно дышим, и никому это не приносит вреда. Но поваленное дерево является свидетельством присутствия и действия ветра. То, что ветер сейчас не дует, не означает, что он не дул раньше и не подует снова в будущем. Вырванное с корнем дерево является символом непредсказуемости и силы ветра.

Можно привести много параллелей, каким образом Бог присутствует и действует в Своем мире. Бывают моменты, когда мы ощущаем огромную и волнующую силу присутствия Бога в нашей жизни и в истории, однако за этим наступают периоды спокойствия, когда Бог не подает никаких признаков Своего присутствия. Подобно кораблю, попавшему в шторм, мы можем оказаться в духовной депрессии. Однако затем Божественная сила снова начинает внезапно действовать, когда ветер Божий снова дует в нашей жизни и в истории. Эта непредсказуемость ветра показывает, что Бог действует таким образом, который мы до конца не понимаем и не можем предсказать.

В-третьих, образ Бога, как духа, помогает нам понять, каким образом мы ощущаем действие Бога. Иногда мы воспринимаем Бога как судью, как Того, Кто наказывает нас, чтобы смирить нас; иногда же мы воспринимаем Его как того, кто дает нам новые силы, подобно воде в пустыне. Библейские писатели уже знали, что одну и ту же вещь, как ветер, можно воспринимать по-разному. Для ясности приведем два основных типа ветра, которые знали ветхозаветные писатели.

Надо помнить, что Израиль граничит с Средиземным морем с запада и пустынями с востока. Когда ветер дул с востока, он ощущался как облако мелкого песка, которое выжигало растительность и иссушало землю. Путники рассказывали, что этот ветер имеет огромную силу. Даже солнце затуманивалось этими песочными бурями, поднимаемыми ветром. Библейские писатели видели в этом ветре образ, через который Бог показывал конечность и временность своего творения. «Засыхает трава, увядает цвет, когда дунет на него дуновение Господа» (Ис.40.7). Как жгучий восточный ветер, сирокко, губил растения и траву, так считалось, и Бог искореняет человеческую гордость (Пс.102.15—18; Иер.4.11 и далее). Как растения возрастают, свежие и зеленые, только для того, чтобы завянуть под воздействием жгучего ветра пустыни, так и человеческие империи возникают только для того, чтобы пасть перед лицом Бога.

В то время, когда писал пророк Исаия, Израиль был пленен Вавилоном. Многим казалось, что великая Вавилонская империя будет стоять вечно и ничто не может погубить ее. Однако временность человеческих достижений, когда «дуновение Господа» дунет на них, подтверждается пророком, возвестившим неминуемую гибель империи. Только Бог вечен, а все остальное находится в состоянии изменения. «Трава засыхает, цвет увядает, а слово Бога нашего пребудет вечно» (Ис.40.8). Возникновение и падение Римской империи, а позднее Британской, должны напомнить нам об образе Бога, как об жгучем ветре пустыни.

Западные же ветры совсем другие. Зимой дующие с моря западные и юго-западные ветры приносят дождь на засохшую землю. Летом же они приносят прохладу. Жар пустыни ослабевает благодаря этим прохладным ветрам. Как этот ветер приносит свежесть, увлажняя сухую землю зимой и ослабляя жару летом, так и Бог, считалось, удовлетворяет духовные потребности человека. Ветхозаветные писатели сравнивали Бога с освежающим землю дождем, который приносит западный ветер (Ос.6.3). Один мой друг, который некоторое время работал в Восточной Африке, рассказывал мне, что одно из замечательных явлений, которые он там наблюдал, было действие дождя на сухую землю. Вся высохшая и неплодородная земля зазеленела неизвестно откуда появившимися растениями. Во многих

отношениях это объясняет важность и значение библейского образа Бога, как западного ветра, который приносит дождь на высохшую землю. Подобно странникам, идущим по сухой земле, мы внезапно находим оазис. В наших заботах и волнениях Бог дает нам новые силы.

3. БОГ КАК РОДИТЕЛЬ

Как в Ветхом, так и Новом Завете образ Бога, как родителя, используется очень часто. Хотя сильная патриархальная структура общества того времени предполагала акцент на Боге, как Отце, (например, Иер.3.19), некоторые библейские отрывки позволяют нам думать о Боге, как о матери, (например, Втор.32.18). Мы рассмотрим два образа вместе и посмотрим, что они нам говорят о Боге.

Во-первых, и это самое очевидное, Бог понимается как Тот, Кто призвал нас к жизни, сотворил нас. Как наши человеческие родители дали нам жизнь, так и Бога надо считать Творцом и Источником нашего существования. Так, в какой-то момент своей истории Израиль осуждается за то, что «забыл, и не помнил Бога, создавшего тебя» (Вт.32.18).

Во-вторых, образ Бога, как родителя, отражает естественную любовь Бога к Своему народу. Бог любит не за наши достижения, а просто потому, что мы Его дети. «Не потому, чтобы вы были многочисленнее всех народов, принял вас Господь и избрал вас; ибо вы малочисленнее всех народов; но потому, что любит вас Господь» (Вт.7.7—8). Как мать никогда не может забыть или оставить своего ребенка, так и Бог никогда не забудет и не оставит Свой народ (Ис.49.15). Между Богом и Его детьми существует естественная связь любви и сострадания просто потому, что Он дал им жизнь. Бог возлюбил нас, задолго до того как мы возлюбили Его (1Ин.4.10,19). Пс.50.3 говорит о «великой милости» Божией, и здесь интересно заметить, что еврейское слово «рахмин» (милость) происходит от слова «рахмен» (чрево). Милость Божия к Своему народу – это милость матери к своему ребенку (ср. Ис.66.12—13). Милость исходит из чрева.

Ветхий Завет особенно часто сравнивает отношение Бога к Своему народу с отношением отца к своему малолетнему сыну. Когда сын еще очень маленький, он полностью зависит от своего отца, и связь между ними очень тесная. Но когда сын вырастает, он постепенно проявляет свою независимость и уходит от отца; связь между ними становится более отдаленной. Пророк Осия использует этот пример, чтобы подчеркнуть, что Израиль фактически стал чужим Богу, Который дал ему жизнь:

«Когда Израиль был юн, Я любил его и из Египта вызвал Сына Моего. Звали их, а они уходили прочь от лица их; приносили жертву Ваалам и кадили истуканам. Я Сам приучал Ефрема ходить, носил его на руках Своих, а они не сознавали, что Я врачевал их. Узами человеческими влек Я их, узами любви» (Ос.11.1-4).

Этот образ, конечно же, особенно ярко развит в притче о блудном сыне (Лк.15.11—32). Акцент в ней делается на естественной любви отца к сыну, которая страдает от возрастающей независимости и отчуждения сына. Подобно блудному сыну, мы выбираем собственный путь, игнорируя Бога. Однако тот же Бог, Который сотворил нас, также и искупает нас, когда приходит в человеческую историю в лице Иисуса Христа, чтобы найти нас, встретить нас и вернуть нас к Себе. Во многих отношениях всю Библию можно читать как повествование о стараниях Бога вернуть к Себе творение.

Третий аспект этого образа касается молитвы. В Нагорной проповеди Иисус сравнивает молитву верующего к Богу с просьбой ребенка дать ему то, что он хочет (Мф.7.7—11). Основная идея этого сравнения заключается в том, что, несмотря на то, что мы грешны, мы хотим блага своим детям. Ребенок может попросить что-нибудь очень плохое, что отец отказывается дать ему это в интересах самого же ребенка. Помню, как, будучи еще совсем маленьким, я попросил отца дать мне охотничий нож. Отец совершенно естественно отказался дать мне его, что в то время я считал неправильным. Через несколько месяцев один

наш родственник (зная, что я хотел такой нож) подарил мне его, и я вскоре ухитрился сильно порезаться им.

Совершенно очевидна параллель между отцом и Богом, с одной стороны, и ребенком и нами, с другой. Ребенок имеет несколько искаженное и нереалистичное представление о своих возможностях и потребностях, и его просьбы к отцу показывают эту незрелость. Отец старается помочь ребенку стать более реалистичным и зрелым, отказываясь выполнить такие его просьбы. Он может дать ему то, что тот даже не подумал бы попросить его. Но основная идея здесь в том, что связь просить-давать между отцом и сыном мотивируется любовью отца к сыну и его желанием блага своему ребенку. Такая же связь существует между Богом и верующим. Наши просьбы к Богу слишком часто отражают нашу незрелость и нашу нереалистичскую оценку наших потребностей. Подобно мудрому отцу, своим ответом на такие просьбы, Бог старается помочь нам стать более зрелыми и реалистичными. Но вся Его любовь и невыполнение им всех наших просьб не ставит под сомнение Его любовь и преданность нам.

4. БОГ КАК СВЕТ

«Бог есть свет» (1Ин.1.1—5). Ветхий и Новый Завет часто использует образ света и тьмы, чтобы помочь нам понять, что такое Бог. Но что же говорит нам образ Бога, как света, о Нем Самом? Начнем с образа, который часто встречается в Ветхом Завете, образа стражи, ожидающей рассвета (например, Пс.129.6). Ночь считалась временем потенциальной опасности, когда стража выставлялась по всему Иерусалиму, чтобы предотвратить угрозу городу, которая становилась опаснее под покровом темноты. Наступление рассвета считалось концом угрозы, по крайней мере, на какое-то время. Таким образом рассвет стали связывать с надеждой или чувством облегчения. «Надеюсь на Господа, надеется душа моя; на слово Его уповаю. Душа моя ожидает Господа более, нежели стражи-утра» (Пс.129.5—6). Конец ночи часто рассматривался как образ конца периода отчаяния и несчастий, начала нового периода жизни и света, и особенно начала «Дня Господня», мессианской эры.

Восход солнца знаменует это начало, и поэтому было естественным считать, что солнце надо рассматривать как аналогию Бога (хотя надо помнить, что Ветхий Завет всегда отвергал ее, когда она приводила к поклонению солнцу). Так в книге пророка Малахии, последней книге Ветхого Завета, говорится об ожидании времени, когда Бог придет и искупит Свой народ (Мал.3.1—4; 4.1—2). Это пришествие Бога к Своему народу сравнивается затем с восходом солнца: «взойдет Солнце правды и исцеление в лучах Его» (Мал.4.2).

Та же идея лежит в знаменитом мессианском стихе Ис.9.2. «Народ, ходящий во тьме, увидит свет великий». Эту мысль, конечно, можно развить и в других направлениях. Например, как мы раньше говорили, попытки увидеть Бога, все равно что прямо смотреть на солнце. Это невозможно, мы просто не в состоянии этого сделать.

Во-вторых, свет показывает вещи такими, какими они реально являются. Когда я учился в Оксфорде, на втором курсе меня поместили в очень плохую комнату. Стены были грязными, ковер весь в дырах, окна такие грязные, что через них фактически ничего не было видно! Днем эта комната выглядела ужасно, но скоро я обнаружил, что ночью ничего этого не было видно! При слабом освещении комната выглядела почти прилично. Не было видно, что стены и окна грязные, дыры в ковре трудно было найти, если вы точно не знали, где их искать. Это была та же комната, но отсутствие яркого света делало все незаметным. Конечно, при дневном свете я не мог не видеть всего этого безобразия!

Итак, свет показывает вещи такими, какими они на самом деле есть. При свете мы видим все, что скрывается от нашего взора в тени и полусвете. В свете слова Божия (Пс.118.105) мы предстаем такими, какими мы реально есть – далеко заблудшими грешниками, которым надо вернуться к Богу. Слово Божие подобно прожектору, который

снова находит нас и показывает, какие мы на самом деле: блуждающие во тьме наших представлений о себе. В Евангелии от Иоанна Иисус Христос отождествляется со «светом миру» (Ин.8.12; ср.12.46). Иисус Христос показывает вещи, какие они на самом деле, точно так же как это делает свет. «Если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха: а теперь не имеют извинения в грехе своем» (Ин.15.22). В свете Иисуса мы осознаем, как низко мы пали и как нам нужна милость Божия, если хотим спастись.

Идею об Иисусе как «свет миру» можно развить дальше. Предположим, вы находитесь в море на маленькой лодке у скалистого берега. Когда опускается ночь, вы обнаруживаете, что уже не видите берега и не знаете, как плыть к своему порту. И затем вы видите вдали свет, загорающийся с одинаковыми интервалами, – маяк. Хотя ветхозаветные писатели мало что знали о маяках, у них был подобный пример – город на горе, освещенный так, что путники могли спастись от опасности заблудиться ночью. Здесь идея света показывает нам путь домой. Евангелие от Иоанна особенно подчеркивает эту мысль, а именно, что Сам Иисус есть свет, показывающий нам путь домой к Богу. Иисус «есть свет миру» (Ин.8.12), как и «путь и истина и жизнь» (Ин.14.6), ведущие нас к Отцу.

Такой путь размышления о Боге также помогает нам понять, почему мы, христиане, являемся «светом мира». Мы все знаем, что значит искать дорогу в деревне ночью, когда нет никакого искусственного света. Это заставляет нас осознать, как мы зависим от солнечного света. Но не каждая ночь бывает темной. Свет полной луны, хотя и намного слабее света солнца, освещает ночной ландшафт и позволяет нам найти дорогу. Конечно, он не освещает все подробности ландшафта. Для этого нам надо ждать солнца. Фактически же луна просто отражает свет солнца. Своего света она не имеет. Сама по себе она только безжизненный, опустошенный, холодный шар. Не имея собственного света, собственного источника энергии, она может только бросать свет на землю, отражая яркость солнца.

Так и с нами, христианами, которые как «свет мира» отражаем славу «света миру». Мы как бы обладаем независимым источником освещения – наш свет основывается на внешнем источнике, который мы отражаем. Развивая дальше эту мысль, мы знаем, что луна имеет фазы, которые принято называть прибыванием и убыванием. Чем большая площадь луны освещена, тем больше света она отражает на землю. Количество отраженного света зависит от относительного положения солнца, земли и луны. Так и с христианами. Мы должны научиться найти свое правильное положение по отношению к Богу и людям, если хотим быть настоящими свидетелями.

5. БОГ КАК ТВЕРДЫНЯ

Ветхий Завет часто использует образ Бога, как твердыни, крепости, скалы прибежища (Пс.17.2; 77.35; 88.27; Ис.17.10). Во многих отношениях может показаться неправильным представлять себе Бога в образе неодушевленного предмета, как скала. Однако этот образ очень помогает передать одну простую и очень сильную мысль – безопасность и надежность. Пс.41.8 в очень живых красках описывает, как на псалмопевца обрушивается сильный шквал волн, постоянно угрожая потопить и погубить его. И все же, среди моря бушующих волн есть безопасное место – скала, которая есть Бог. Твердыня – это что-то твердое и непоколебимое, что может выдержать и бури, и волны, и жару. Это место убежища. Так Моисей осуждая израильтян за поклонение лжебогам, указывает им на тесную связь между Богом, твердыней и безопасностью: «Где боги их, твердыня, на которую они надеялись» (Вт.32.37).

Существует интересный рассказ об английском сочинителе гимнов XVIII в. Топледи. Однажды он гулял в Мальвернских горах, на юго-западе Англии, когда начался сильный ливень. Он бросился искать убежище, чтобы скрыться от сильной бури, и наконец нашел расщелину в скалистой горе. Укрывшись там, он подумал о параллели между спасением от ливня и спасением от сил греха, смерти и тления, и написал свой знаменитый гимн:

Твердыня веков, убежище мое,
Позволь мне спрятаться в Тебе.

Думая о Боге как о Твердыне, Мы можем представить Его как убежище от бурь жизни, Убежище от греха и зла.

Знаменитый гимн Джона Ньютона развивает эту мысль еще дальше:

Славное имя! Твердыня, на которой я строю
Свою защиту и убежище.

Как Ветхий, так и Новый Завет позволяют нам считать твердыню или скалу надежным основанием, на котором мы можем строить. Особенно сильно эта мысль развита в Нагорной проповеди, с ее знаменитой притчей о доме, построенном на камне. Основная идея здесь в том, что любое строение, будь то дом или наше отношение к жизни, должно стоять на надежном основании, чтобы сохраниться. Его надо строить не на песке, а на чем-то постоянном и крепком. Думая о Боге, как о Твердыне, мы начинаем понимать, что именно Бог, и только Бог неизменен и постоянен, несмотря на все перемены, происходящие вокруг нас. И только на Твердыне Божией должны мы строить наш дом веры, зная, что только так сможем мы выдержать все бури и тяготы жизни.

Итак, идея Бога как твердыни сообщает нам важный факт, что Бог – это что-то постоянное и надежное в быстро меняющемся и нестабильном мире: «Ибо кто Бог, кроме Господа, и кто защита, кроме Бога нашего?» (2Цар.22.32). Бог – это наше убежище, твердое основание, на котором мы должны строить нашу жизнь и нашу веру. И все эти идеи живо отражают образ Бога как твердыни.

В этой главе мы рассмотрели некоторые библейские образы Бога, чтобы показать, сколь полезны они могут быть. Повседневный мир дает нам «колышки», на которые мы можем нанизывать наши мысли о Боге, позволяя избегать необходимости говорить о Нем на абстрактном языке. Во многих отношениях образы – это притчи, но если притча является «земным повествованием с небесным смыслом» (как это знает каждый ученик воскресной школы), то образ берется в основном из повседневной жизни, которая дает нам видения Бога. Притча – это повествование о чем-то, а образ – это то, что имеется в окружающем нас мире.

Все мы знаем, как трудно может быть говорить о Боге и как трудно часто найти даже первые слова, чтобы правильно Его описать. Священное Писание позволяет избежать эту проблему, давая богатые и сильные образы, которые стимулируют наше воображение. Например, библейские писатели говорят нам, что Бог подобен крепости, и мы сразу же начинаем искать пути сравнения между ними. Эти простые, повседневные образы заставляют нас спросить, «Каким образом Бог подобен крепости?» Эти образы заставляют нас думать о Боге не абстрактно, а более конкретно. Они позволяют нам видеть смысл и проникнуть в сущность. Богословам, которые привыкли к концептуальному образу мышления, очень легко говорить о Боге в абстрактных выражениях. Библейские образы Бога возвращают нас в конкретный мир повседневных вещей и показывают нам, что мы прекрасно можем говорить о Боге, не употребляя глубоко концептуальных выражений. Вместо того, чтобы говорить о Боге, как о «созидательной и динамической силе» (что часто любят делать богословы), мы можем сказать, что «Бог подобен ветру» – а это гораздо более живой и творческий путь разговора, который сразу же заставляет нас начинать думать, в чем Бог подобен ветру.

В этой главе мы рассмотрели некоторые библейские образы Бога, пытаюсь понять, Кто Он и каким образом Он присутствует и действует в Своем мире. Может быть, читая эту главу, вы начнете глубже понимать этот вопрос, и если такое произойдет, то это только доказывает, сколь сильны и побудительны эти образы Бога. Конечно, здесь мы могли рассмотреть только ограниченное число образов. Вы можете подумать и о других образах, которых мы здесь не касались, как например: Бог, как царь; Бог, как друг; Бог, как судья; Бог, как огонь.

В следующей главе мы рассмотрим образ, который часто считается самым сильным из всех библейских образов Бога, – Бог, как личность. Что значит говорить о Боге, как о

личности? Что мы понимаем, когда говорим о «личном Боге»? Можем ли мы говорить о «личной связи с Богом»? Это вопросы, на которые мы постараемся ответить в следующей главе.

Личный Бог

Одним из самых важных христианских убеждений является то, что мы сотворены по образу Божию (Быт.1.26—27). Между нами и Богом имеется существенное сходство, которое позволяет Богу предстать перед нами в человеческом облике и вступить с нами в связь. Поэтому, как Ветхий, так и Новый Завет широко используют язык и идеи, взятые из нашей личной жизни, чтобы помочь нам понять, кто такой Бог. Личный язык является самым лучшим средством для выражения нашего понимания природы, характера в целей Божиих. Богословы часто называют такой образ мышления о Боге антропоморфизмом (описание Бога, основанное на человеческих аналогиях, например, «мышца Господня») (Ис.51.9) и антропоморфизмом (описание Бога, основанное на человеческих эмоциях, например, «любовь Божия»).

Некоторые считают такой образ мышления о Боге неприемлемым и примитивным, когда Бог изображается в виде старца, облаченного в белые одежды и восседающего на облаке, что для современного периода представляется слишком простым изображением. Они предпочитают говорить о Боге в более абстрактных выражениях, считая Его силой или энергией, действующей во вселенной. Хотя сначала такая критика может показаться правомерной, она фактически основана на неправильном понимании. Изображение Бога в виде старца, восседающего на облаке, это просто умозрительное представление о Боге, а не реальность Бога. Раньше мы уже говорили, что при использовании образов или моделей, будь то Бога или атома, самой элементарной ошибкой является отождествление модели с тем, что моделируется. Иными словами, образ старца, восседающего на облаке, это только путь нашего представления о Боге, как и образ гольфогового мяча – это только один путь нашего представления об атомах.

Главное же надо понять, что антропоморфные представления о Боге являются просто уступками нашей слабости. Иначе говоря, Бог знает, как нам трудно размышлять о Нем, и потому Он дает нам живые учебные пособия, чтобы помочь нам составить о Нем умозрительную картину. Во всяком случае нам часто говорят, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать! Библейский материал хорошо показывает, что человеческими словами невозможно передать все богатство и сущность Бога. Поэтому было использовано множество картин, моделей, образов и метафор, каждая из которых проливает свет на один-два аспекта сущности и природы Бога. Ни один из них даже отдалено не может адекватно описать, что такое Бог. Как мы видели в последней главе, огромную помощь нам могут оказать образы Бога, как пастыря или как скалы, но это не значит, что Бог есть пастырь или скала.

Для ясности приведем пример. Возьмем библейский образ Бога, как твердыни, и рассмотрим два пути его понимания. Человек, который полностью отвергает такой путь размышления о Боге, скажет например, так: «Вы предлагаете мне поверить, что Бог есть скала. Я не могу в это поверить. В моем саду много камней, но я не поклоняюсь им. Как можете вы отождествлять Бога со скалой? Я просто не могу думать так о Боге».

Этот человек сделал элементарную ошибку, отождествляя модель (скалу) с тем, что моделируется (Бог). Человек же, который понимает библейские пути разговора о Боге, скажет совершенно другое: «Итак, Бог подобен скале, не правда ли? Я думаю, что тем или иным образом скала помогает нам понять, кто такой Бог. И когда я думаю о скале, я представляю что-то постоянное и надежное, место, на котором можно построить здание. Подобно и Бог является местом надежности и постоянства, тем основанием, на котором я могу строить». Вы видите существенное различие между этими двумя подходами к библейскому пути понимания Бога.

Одной из самых важных вещей в библейском повествовании о Боге является то, что Он позволяет использовать самые простые отправные точки для создания исключительно сложной картины Бога. Так, мы можем начать с образа пастыря, с того, что берет корни в повседневной жизни людей и что не требует большого ума для понимания. Или же мы можем начать с образа ветра, либо отца или матери, или с любого из многих других образов Бога, взятых из повседневного опыта. Затем мы начинаем спрашивать, что нам дают эти образы о Боге, и постепенно начинаем понимать Бога. Хотя это понимание Бога ассоциируется с пастырем, скалой, ветром и т.д., это не значит, что они есть Бог.

Эту мысль можно развить и дальше. Возьмем, например, художника и его картину, скажем, Леонардо да Винчи и «Мону Лизу». Когда художник пишет картину, он накладывает на холст краски, так что в каком-то смысле написанная таким образом картина представляет собой не более чем сочетание красок. Однако образ, который создает это сочетание красок, передает нам загадочное лицо Моны Лизы. И мы видим именно этот образ и именно он очаровывает нас. Но за этим образом стоит женщина. Мы фактически ничего не знаем о ней. Она реальность, которая вдохновила образ, который интригует поколения зрителей. И вот, на основании этой аналогии мы можем увидеть два уровня изображения реальности. Во-первых, сочетание красок на холсте и, во-вторых, образ Моны Лизы, который создает это сочетание красок. И, в-третьих, это сама Мона Лиза, реальная женщина из плоти и крови, которая изображена на этом портрете. Это не она сама, а ее портрет, но он соответствует ей, напоминая ее, и передавая сходство с ней.

Такие же три уровня можно увидеть в образах Бога, о которых мы говорим. Во-первых, они представляют собой набор слов, а как могут человеческие слова адекватно передать величие Бога? Во-вторых, эти слова создают в нашем уме образы Бога, как пастыря, как отца, и т.д. И в-третьих, это сама реальность Бога. Но эти словесные картины не Сам Бог, они соответствуют Ему, напоминая Его и передавая сходство с Ним.

Поэтому мы можем дать простой ответ критику, который отвергает Бога, потому что не может поверить в старца, восседающего где-то на облаках. Все знают, что образ старца, восседающего на облаке, совершенно не адекватен Богу, но это не имеет никакого отношения к тому, существует или не существует Бог, или какой Он на самом деле есть. Тот же критик может отказаться поверить в атомы, потому что считает невозможным представить себе мир, в котором кружатся биллионы и биллионы гольфовых мячей. Он может отказаться поверить в то, что Мона Лиза существовала как реальное лицо, потому что реальные люди имеют три измерения, а не два, и двигаются, в то время как «Мона Лиза» никогда не изменяет выражения своего лица. Он может только обратить внимание на тот факт, что как атомы, так и Бога нельзя увидеть невооруженным глазом, и очень трудно увидеть, не используя каких-то моделей, и что эти модели иногда не так хороши, как нам бы хотелось. Вопрос существования Бога совершенно не зависит от того, что нам трудно понять и увидеть Его в правильном свете.

Помня все выше сказанное, перейдем теперь к идее личного Бога. Что значит говорить о Боге, как о личности? Прежде всего надо сказать, что мы не говорим, что Бог есть человеческое существо. Так, когда мы говорим, что Бог есть наш пастырь, мы не говорим, что Бог – это человек, который пасет овец, но мы говорим, что во многих отношениях Бог подобен пастырю. То есть человек – это хорошая модель для Бога. Но каким же образом Он похож на человека?

Самое важное, что предполагает идея личного Бога, это то, что Бог может иметь с нами личную связь. Иначе говоря, наша связь с другими людьми (наша личная связь) аналогична нашей связи с Богом. Мы связаны с Богом не абстрактным образом, как если бы Он был какой-то непонятной космической силой или нравственным принципом, а лично. Мы лично знаем Бога, наши личные связи позволяют нам понять нашу связь с Богом. Так, например, когда мы говорим о Боге, как о «любви», мы используем понятие, взятое непосредственно из области личных отношений. Этот факт вызывает трудности у тех богословов, которые отказываются верить в личного Бога на том основании, что

сомневаются в возможности современного мира понять этот факт. Так Джон Робинсон в своей когда-то знаменитой книге «Быть честным перед Богом» заявляет, что «с нашим представлением о личном Боге пора покончить», и все же он утверждает, что самым глубоким нашим личным знанием Бога является любовь!

Что же, тогда, говорит нам идея личного Бога? Как помогают нам личные человеческие отношения понять природу и характер Бога?

Как мы уже видели существует большая разница между знанием о человеке и знанием человека. Знать о ком-то или о чем-то, – это значит просто привести факты, которые мы о нем знаем, – цвет волос, рост, вес, семейную историю и т.д. Знать же кого-то, это значит знать его лично. Это значит иметь такие отношения с ним, в которых он знает нас и мы знаем его. Это взаимное личное знание друг друга. В центре здесь лежит понятие взаимности: личная связь предполагает, что «А» знает «Б» и «Б» знает «А», тогда как вполне возможно и то, что «А» знает очень много о «Б», а «Б» даже не знает о существовании «А». Например, я знаю кое-что о нынешнем президенте США, но это не значит, что он знает обо мне. Христианское понимание нашей связи с Богом означает взаимную связь; мы не просто знаем что-то о Боге, но мы знаем Бога и Он знает нас.

Во-вторых, личные связи устанавливают рамки, в которых такие слова, как «любовь», «надежность» и «верность» имеют свой смысл. Как в Ветхом, так и Новом Завете есть много утверждений, в которых говорится о «любви Божией», «надежности Божией» и «верности Божией». «Любовь» – это понятие, которое используется в личностных отношениях. Более того, великая библейская тема обетования и исполнения основывается на личных отношениях, когда Бог дает обетования – вечную жизнь, прощение определенным людям. Одна из великих тем, особенно в Ветхом Завете, – это завет между Богом и Его народом, которым они взаимно связаны друг с другом: «И буду им Богом, а они будут Моим народом» (Иер.31.33). Основная мысль здесь в том, что Бог лично предан Своему народу и Его народ лично предан своему Богу.

Этот контекст личной связи между Богом и Его народом позволяет нам понять библейские идеи, которые иначе могут показаться странными. Например, мы часто говорим о ревности Бога (Чис.25.11; Вт.4.24; 32.16; 3Цар.14.22; Пс.77.58; 78.5; Иез.8.3—5; Зах.1.14). Однако не странно ли думать, что добрый Бог ревнив? Но если учесть контекст, в котором употребляется это слово, то становится понятным его значение и уместность. Бог – это Тот, Кто любит Свой народ. Он Тот, Кто дал ему жизнь, освободив его из Египта и приведя в обетованную землю (Ос.11.1—4). Он так возлюбил Свой народ, что готов отдать за него Своего Единородного Сына (Ин.3.16). Как муж и жена клянутся любить друг друга и всегда быть рядом, что бы ни уготовило им будущее, так и Бог и Его народ заявляют в завете, что будут верны друг другу. Бог полностью отдает Себя ради безопасности и благополучия Своего народа. И эта любовная связь, несомненно, дорога Богу, она – все для Него.

Представьте себе, что вы полюбили кого-то и сделали все, что могли, для его благополучия и безопасности, даже рискуя своей собственной карьерой или жизнью. И этот человек, в свою очередь, полюбил вас, что привело к прочной связи между вами. Вы поклялись в любви друг другу. Сколько романов было написано на эту тему! Но затем кто-то другой приходит и соблазняет этого человека, который означал все в вашей жизни. Ваша связь рушится. Как вы будете себя чувствовать в этой ситуации? И опять же, как много романов было написано на эту тему! Одна из ветхозаветных книг, книга пророка Осии, подробно и глубоко развивает эту тему.

Осия проводит параллель между ситуацией человека и его неверной женой и ситуацией Бога и Израиля. Хотя Бог страстно и полностью возлюбил Израиль, но Израиль все же предпочел поклоняться другим богам, а не Ему. И Бог сказал: «Но Я Господь Бог твой от земли Египетской... Я признал тебя в пустыне, в земле жаждущей. Имея пажити, они были сыты; а когда насыщались, то превозносилось сердце их, и потому они забывали Меня» (Ос.13.4—6). Книга заканчивается радостью, которую испытает Бог, когда Он возвратит Свой совратившийся народ домой (Ос.14.4—7).

И именно в этом контексте мы должны понимать ревность Бога. Это не озлобленность, не оскорбленная гордость, а результат того, что взаимная преданность и верность нарушаются неверностью одной стороны, тогда как другая остается верной и преданной. Как постоянно подчеркивает Священное Писание, верность Бога не уничтожается нашей неверностью. Для ясности приведем два примера из области личных отношений. Первый – это разрыв связи между мужем и женой из-за нарушения супружеской верности. И второй – это отчуждение сына от отца, столь ярко описанное в притче о блудном сыне. В обоих случаях эта связь может быть восстановлена раскаянием и прощением. Говорить о ревности Бога – это не значит говорить, что Его гордость была оскорблена неверностью, а это просто подчеркивает всю меру Его любви и преданности нам. Бог сотворил нас для Себя, чтобы и Он и мы могли радоваться этой связью, и Он скорбит и за Себя и за нас из-за отсутствия нашей верности Ему. Ревность Бога – это выражение Его любви и преданности нам, Его страстности желая, чтобы мы принадлежали Ему, а Он нам.

Личные рамки, которые устанавливает значение слова «любовь», очень важны и в другом контексте, который очень часто не замечается. Учение об универсализме играет очень большую роль в некоторых более рационалистических ответвлениях христианской Церкви, главным образом, потому, что считается невыносимым, чтобы Бог любви не желал бы спасти каждого. Утверждается, что Бог спасет каждого, потому что Он любит Свой народ, но это отнюдь не так. Учение об универсализме фактически отрицает любовь Божию. Чтобы лучше понять, остановимся на этом более подробно. Любовь – это взаимное добровольное чувство двух людей. «А» любит «Б» добровольно, и «Б» любит «А» добровольно. Здесь нет места вынужденной любви. Сколько романов было написано на эту тему! «А» любит «Б», но «Б» любит «В» и «В» любит «Б». «А» узнает, что отец «Б» совершил какое-то страшное преступление и угрожает рассказать и погубить его, если «Б» не выйдет за него замуж. Так «Б» выходит замуж за «А», но продолжает любить только «В».

Проблема универсализма в том, что каждый, нравится ему это или нет, должен любить Бога и Бог, в свою очередь, должен любить его. Фундаментальная и Богом данная человеческая свобода полностью исключается. Сущность же Евангелия в том, что Бог возвещает и проявляет Свою любовь к нам тем, что посылает Своего Сына Иисуса Христа на смерть за нас, но не заставляет нас отвечать Ему тем же. Нам дается большая привилегия сказать «нет» Богу, если мы не хотим любить Его в ответ на Его любовь. Вера же говорит «да» любви Бога, позволяя развиться связи любви. Ни в каком смысле Бог не заставляет давать Ему положительный ответ.

Теперь предположим, что какой-то человек решает, что он просто не хочет любить Бога или не хочет чтобы Бог любил его: он хочет сказать «нет» Богу. Универсализм же заявляет, что он должен быть спасен: даже если он не хочет спастись, он все равно должен быть спасен. Его личная свобода и права, данные ему Богом, нарушаются во имя догмы. Универсализм заявляет, что не важно, хочет этот человек или не хочет, он должен спастись. Это создает ужасный и жестокий образ Бога, заставляющий этого человека отказаться от своих желаний, требующий от него только положительного ответа, не допускающий отрицательного. Это не христианское понимание Бога. Христианская религия считает, что Бог предлагает людям Свою любовь, чтобы они могли ответить на нее; универсализм же считает, что Бог навязывает Свою любовь людям независимо от их желаний. Любовь Бога предлагается, а не навязывается. Иными словами, христианство говорит, что Бог любит нас, а универсализм говорит, что Он насилует нас. Ни Священное Писание, ни христианское предание не знает столь вредного учения, которое совершенно справедливо отвергается как псевдохристианское и не достойное Бога, Которого мы знаем в Иисусе Христе.

В-третьих, представление о Боге, как о личности, помогает нам понять ту большую притягательность, которую всегда имело христианство и позволяет нам не допустить ее ослабления из-за неправильного толкования и понимания. Христианскую религию интересуют не интересные идеи, а личность. Если бы речь шла об интересных идеях, то мы бы столкнулись с большими проблемами. Христианство тогда было бы обращено к тем, кто

считает себя интеллектуалами, способными воплощать идеи. Оно было бы превращено в форму интеллектуального элитаризма, которое, как считается, не доступно для понимания большинства людей. А идеи, как это знают те, кто работает в области истории, обычно устаревают и часто так никогда и не возвращаются.

Было бы удивительно, если бы идеи, зародившиеся в палестинском мире I века, продолжали бы иметь силу в современном мире, который живет в совершенно иной культурной, социальной и интеллектуальной ситуации. Во всяком случае интересная идея может вызывать волнение, но это волнение быстро проходит. Я помню свое волнение, когда, будучи студентом, я впервые столкнулся с интересными идеями, включая квантовую теорию, но как только эти идеи потеряли свою новизну, они мне наскучили. Это напоминает чтение очень короткой книги: когда ее читаешь в первый раз, она интересна, но чем больше ее перечитываешь, тем меньший интерес она вызывает и в конце концов становится скучной. Нам надо иметь больше чем интересные идеи о Боге, чтобы никогда не забывать о Нем. Размышление о Боге, как о личности, сразу же устраняет эту трудность.

Предположим, вы встретились с каким-то человеком на вечеринке, назовем его Джон Смит. Поговорив с ним некоторое время, вы узнаете о нем, что ему 35 лет, что ему нравится французская кухня, что в прошлом году он ездил на каникулы в Швейцарию, что он играет на пианино. Но вы также узнаете самого Джона Смита, а не только о нем. Вы начинаете относиться к нему как к лицу, как к Джону Смицу, а не только как к мужчине, которому 35 лет, которому нравится французская кухня, который в прошлом году ездил в Швейцарию и который играет на пианино. Вы обнаруживаете, что он нравится вам и между вами завязываются отношения, для которых факты о нем постепенно теряют всякое значение, а большую важность приобретает сам Джон Смит. Все мы знаем это по личному опыту.

Теперь пойдем немного дальше. По мере того как вы лучше узнаете Джона Смита, вы обнаруживаете, что он оказывает на вас влияние. Вы начинаете серьезно относиться к его идеям. Конечно же, этот процесс может быть взаимным, когда и вы начинаете оказывать на него влияние. Мы меняемся под влиянием других людей – они воздействуют на нас. Иначе говоря, личные связи являются преобразующими: мы изменяемся под влиянием других людей. Так и с Богом.

Знать Бога и иметь с Ним связь означает измениться под влиянием Бога. Многие из нас знают по личному опыту, что наша жизнь меняется, когда мы встречаем Бога. Мы стараемся стать лучше, быть больше похожими на Самого Бога.

Не меньшее значение имеет проповедь. Предположим, что вы убеждены, что вашему другу будет очень полезно лично узнать Джона Смита. Вы стараетесь убедить его в этом. Как же вы будете это делать? Вы можете сказать, например, что Джону Смицу 35 лет, что ему нравится французская кухня, что в прошлом году он ездил в Швейцарию и что он играет на пианино. Иначе говоря, вы просто сообщаете факты о Джоне Смите. Вы помогаете своему другу узнать о Джоне Смите. Но на самом деле вы хотели бы ему рассказать не о Джоне Смите, но создать ситуацию, в которой они могли бы встретиться и познакомиться друг с другом, в которой ваш друг мог бы лично узнать его. Вы хотели бы сказать ему, где он может встретить Джона Смита, и что Джон Смит действительно приятный человек.

То же самое можно сказать и о проповеди о Боге. Мы могли бы рассказать другому человеку многое о Боге, даже дать ему почитать несколько книг о Нем, но на самом деле мы хотели бы указать ему правильное направление и помочь ему открыть для себя Бога. Фактически же мы говорим следующее: именно так я встретил Бога и могу заверить тебя, что я счастлив, что сделал это. Почему тебе бы не постараться таким же образом встретить Бога и посмотреть, что произойдет? Проповедовать Евангелие – это значит указать путь от себя к Лицу, Которое является основой нашей веры, и сказать, что это Лицо может найти каждый, кто ищет Его. Проповедник – это своего рода проводник, указывающий путь к Богу и показывающий, что Он намного ближе, чем мы могли бы подумать.

В Евангелии от Иоанна мы читаем, что Филипп рассказывает Нафанаилу об Иисусе и говорит, что наконец пришел долгожданный Мессия: «Мы нашли Того, о Котором писал

Моисей в законе и пророки, Иисуса, сына Иосифа, из Назарета» (Ин.1.45). Нафанаил возражает, считая это невозможным. Как мог Мессия прийти из Назарета? Филипп же избегает этой ловушки, в которую попадает так много проповедников, не находя ответа на такие тупиковые аргументы. Вместо того чтобы начать длинный и довольно бессмысленный разговор о том, откуда должен прийти Мессия, он просто говорит: «Пойди и посмотри» (Ин.1.46). И Нафанаил пошел и посмотрел и убедился: «Равви! Ты – Сын Божий, Ты – Царь Израилев» (Ин.1.49). Во многих отношениях это говорит об основной функции проповедника: он возвещает, что Бог доступен нам, затем приглашает слушатели «пойти и посмотреть», а потом предоставляет Богу управлять ситуацией. Его слушатели встречают живое лицо, а не безжизненную и абстрактную идею. Когда мы предлагаем нашим друзьям встретиться с Джоном Смитом, мы должны только указать им правильный путь к нему, а затем все остальное предоставить Джону Смицу потому, что мы знаем, кто и что представляет собой Смит. Так и наша проповедь должна создать условия, при которых наши слушатели могут встретить Бога, говоря, что они нуждаются в Боге и указав им правильный путь, чтобы они могли встретить Его.

Другим важным вопросом, на котором надо остановиться, это путь нашего познания людей. Когда умирает какой-то знаменитый человек, то по телевидению обычно показывают много интервью с людьми, которые знали этого человека. И одной из самых интересных вещей, которые обнаруживают эти интервью, это то, что все эти люди знали покойного с разных точек зрения, видя его в разном свете. Иногда трудно бывает поверить, что все они говорят об одном и том же человеке! Однако это был один и тот же человек, которого они знали, и в каждом случае они знали его по-своему. Есть что-то очень личное в их воспоминаниях. Они отражают тот факт, что покойный был связан с каждым из них в отдельности и связан по-разному. Они все могли знать о нем одни и те же вещи, как и когда он родился, из какой он семьи, чего он достиг, как он умер и т.д. И все же, знали они его каждый с разных сторон.

То же самое мы можем сказать и о Боге. Мы все можем знать о Нем, но знаем мы Его по-разному, потому что, Он встречается с каждым индивидуально. Бог – это не неодушевленный предмет, как например кусок дерева, который пассивен и статичен. Он активен и динамичен, и поэтому связан с каждым из нас по-разному. Может быть, это само собою разумеется, но оно имеет очень большое значение. Это то, о чем мы слишком часто забываем.

Когда мы говорим о Боге, мы отчасти говорим о пути, которым мы познаем Бога. И этот путь нашего познания Бога довольно личный. Мой путь отличается от вашего. Теперь, предположим, что я пытаюсь убедить кого-то, что для него было бы хорошо познать Бога. Я объяснил ему, каким путем я узнал и познал Бога, и посоветую ему такой же путь. Но Бог может быть связан с этим человеком совершенно иным путем. Я могу даже вызвать у этого человека нежелание познать Бога просто потому, что ему не нравится то, что лично меня привлекает к Богу. Его может привлекать в Нем совершенно другое. И именно поэтому проповедь должна указать путь от веры отдельного верующего к основе и содержанию этой веры – к Самому живому Богу.

Еще одним важным моментом, касающимся пути нашего знания других людей, – это путь, который отличает их от других вещей. Этот вопрос широко обсуждался в нашем веке, особенно такими философами, как Мартин Бубер. Мы начнем с аналогии. Противопоставим путь, каким мы узнаем другого человека и путь, которым мы узнаем стол или стул. В этом процессе стол или стул остаются статичными: они пассивны, а мы активны. Мы можем считать их предметами, и мы всегда сохраняем инициативу, когда изучаем их. Все, что мы знаем о них, можно выразить в таких утверждениях, как то, что «вес этого стола такой-то», или «размеры этого стула такие-то».

Но когда мы изучаем другого человека, ситуация оказывается совершенно иной. Другой человек активен, а не пассивен. Пока мы начинаем выяснять, что это за человек, ситуация может очень быстро измениться: он может отнять у нас инициативу и начать

задавать вопросы нам, прежде чем мы начнем задавать ему. Интервьюирование людей может быть очень простым, если они позволяют вам задавать им вопросы и соглашаются ответить на них. Таким путем вы можете выяснить, что они собой представляют, не давая им возможности много узнать о вас самих. Но иногда интервьюированный может изменить ситуацию и начать задавать вам вопросы и если вы не перехватите инициативу, ситуация может оказаться неуправляемой. Люди – это активные субъекты. Мартин Бубер делает различие между изучением (когда мы имеем дело с пассивным объектом, и активным субъектом, как другой человек). Мы изучаем стул, но мы встречаем человека.

Когда мы пытаемся описать, что мы знаем о человеке, мы обнаруживаем, что нам очень трудно это сделать точно таким же путем, каким мы описываем, что мы знаем о столе. Мы можем указать его вес и рост и дать его физическое описание. Но есть что-то в этом человеке, чего мы не можем описать, мы не можем низвести его до статистических и описательных выражений. Представьте себе близкого вам человека, который много для вас значит. Теперь подумайте обо всем, что вы знаете о нем: его возраст, его вес, цвет его глаз и т.д. (этот список может быть очень длинным), но вскоре вы обнаруживаете, что не можете полностью описать его. Предложите свой список кому-нибудь и спросите его, может ли он сказать, что он знает этого человека, исходя из того, что вы о нем сказали. И ответ его будет «нет», он многое теперь знает об этом человеке, но не знает его. Почему же? Отчасти потому, что вы просто не можете таким путем описать столь сложное существо, как человек. Но также отчасти и потому, что знание предполагает двухсторонний процесс, в котором нас узнает другой человек в той же мере, в которой мы узнаем его. Если «А» знает «Б», то «Б» знает «А». Это очень важный момент, который Бубер пытался выразить своей идеей «встречи», взаимной встречи двух людей.

То же самое можно сказать и о Боге, как о личности. Во-первых, мы можем рассматривать Бога как объект, то есть то, что мы можем изучать на досуге и по своему желанию. Многие богословы, особенно XIX в. считали Бога своего рода биологической моделью, которую они могли изучать любым путем, какой им нравится. После Первой Мировой войны такой подход к Богу потерял своих сторонников, так как стало ясно, что Бог должен быть признан Богом, и таким упрощенным путем Его нельзя рассматривать. Библия подчеркивает, что Он активен, Он отнимает у нас инициативу и находит нас, прежде чем находим Его. Библия постоянно подчеркивает эту Его инициативу и почти не уделяет внимания идее нашего поиска Бога. Мы поставлены в положение ответа Богу. Может быть, нам захотелось бы оказаться в положении интервьюера, который может задавать Богу все вопросы и держать инициативу в своих руках, но, напротив, именно Бог задает вопросы, в условиях, которые Он Сам выбирает. Инициатива принадлежит Богу, а мы должны научиться отвечать Ему, когда Он открывает нам Себя.

Философия Бубера (иногда называемая «диалогический персонализм») с ее идеей встречи между Богом и человеком по аналогии со встречей между двумя людьми, придает еще больший вес коренному различию между знанием о Боге, о чем мы уже говорили в этой книге. Любое понимание Бога, которое запрещает нам говорить о познании Бога, является неправильным, недостоверным и просто околехристианским. Христианская молитва, например, с ее акцентом на просьбе аналогична связи между двумя людьми, как мы это уже видели (Мф.7.7—11). Если понимание Бога не может объяснить, почему христиане таким образом молятся Богу, то его надо сразу же отвергнуть, как неспособное проникнуть в глубину христианской веры. Может быть рассуждения о Боге как «основе нашего бытия», «абсолютной реальности» или каких-то других подобных абстрактных представлениях, будут более понятны для современных философов, но для практики христианской молитвы они бессмысленны. Как можем мы познать «абсолютную реальность»? В лучшем случае мы можем только что-то узнать о ней.

Размышление о Боге, как о личности, следовательно, показывает и утверждает глубокое понимание природы и характера Бога. Наивысшее же проявление Бога, как

личности, надо искать в Его воплощении. В Иисусе Христе мы встречаем именно Бога в воплощении человеческой личности.

В следующей главе мы покажем, что признание Иисуса Христа Самим живым Богом, и подтверждает, и развивает идею Бога, как личности, и является основой сугубо христианского понимания Бога, выраженного в самом загадочном христианском учении – учении о Троице. Интересно, что через признание всех аргументов, показывающих, что Бог есть личность, мы становимся на путь, который приводит нас к признанию, что Бог – это Троица Личность.

Воплощенный Бог – Иисус Христос

Водной из предыдущих глав я просил вас представить себе, что вы всю свою жизнь прожили в темнице, ничего не зная о внешнем мире. И вот приходит человек, который знает этот мир, и он рисует его вам на бумаге. Хотя ваше знание этого внешнего мира становится фрагментарным и путаным, вы по крайней мере начинаете понимать, что что-то существует за стенами вашего жилища. Теперь представьте себе другую ситуацию. Вы живете в темнице, зная по слухам или намекам, что за этими стенами что-то существует. Долгое время вы представляете себе, как выглядит тот мир, лежа, может быть, по ночам без сна, и надеясь что когда-нибудь сможете видеть его. Затем вы что-то слышите, какой-то шум со стороны одной из стен. Сначала это только легкий шорох. Вы прислушиваетесь, желая выяснить, не обманывает ли вас слух. Затем он становится громче, и вы понимаете, что там что-то происходит. Внезапно в стене появляется дыра размером в вашу ладонь, и вы понимаете, что кто-то просверливает ее в стене. Когда пыль спадает, яркий луч света ослепляет вас. Вы так долго жили в темноте, что ваши глаза привыкли к мраку и теперь должны адаптироваться к новой ситуации. Вы подползаете к дыре и смотрите через нее. И там, за толстой каменной стеной вы видите внешний мир – мир света и цвета, движения и звука. Дыра не настолько велика, чтобы вы могли увидеть все, звук искажен, так как он доходит до вас, как эхо, через дыру в стене. Но перед вами внезапно предстает новый, неизвестный вам мир.

Вы были подготовлены к тому, что увидели, так как видели этот мир раньше нарисованным на бумаге, но теперь вы впервые осознаете все значение тех двухмерных рисунков. Вы видите дерево, слегка сгибающееся под ветром, зеленеющее на фоне голубого неба, и понимаете, что было изображено на этом двухмерном одноцветном рисунке. И, может быть, благоухание свежего воздуха с его ароматом цветов начинает проникать и освежать затхлый воздух вашей темницы. И внезапно перед вами начинает открываться новая перспектива вашего положения, когда вы понимаете, что за вашими стенами существует волнующий новый мир, манящий, призывающий и приглашающий вас участвовать в нем. Он там, а вы здесь, но каким-то образом он кажется вам намного ближе, чем вы могли себе представить.

Параллель между этой аналогией и христианским пониманием воплощения совершенно ясна. «Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках, в последние дни сии говорил нам в Сыне [Который]... сияние славы и образ ипостаси Его» (Евр.1.1—3). Из ветхозаветных пророков, закона и писаний мы узнаем, что Бог постепенно открывал Себя Своему народу. Подобно людям, попавшим в темницу, Его народ постепенно начинал понимать, что реальность, которую они могут видеть, гораздо шире. Рамки времени и пространства ограничивают описание реальности. Сначала они узнали «многообразно», что такое Бог, через словесные описания, которые им дали пророки. Каждая стадия этого откровения кладет основание для следующей стадии, пока, наконец, происходит великий прорыв. Но это не прорыв, сделанный людьми с их стороны стены, а прорыв, сделанный Богом с Его стороны. Ветхий Завет приготавливает путь для этого прорыва, давая нам намеки, что представляя собой этот мир по ту сторону стены, и побуждая нас ожидать и различать звуки пробиваемого отверстия в стене.

А затем, когда прорыв произошел, прежде данные словесные описания Бога предстают перед нами в их истинном свете. Мы смогли понять, может быть, впервые, в чем

их реальный смысл. Все те намеки на пришествие страдающего раба (Ис.53), те слухи об оправдании страдающего праведника (Пс.21), те обетования, что Господь внезапно придет в храм Свой (Мал.3.1) – все это предстает теперь в новом свете как реальность, о которой раньше свидетельствовали словом. Теперь мы уже не зависим от описаний Бога, которые передавались от поколения к поколению – Бог Сам «посетил народ Свой» (Лк.1.68). Бог Сам приходит к нам в лице Иисуса Христа. Не в славе, силе и величии приходит к нам Бог, а «презрен и умален», чтобы встретить нас там, где мы есть, в обличии, которое нам известно. Иисус отражает, отображает и воплощает то, что есть Бог. Иначе говоря, Иисус есть Бог во плоти, Бог воплощенный.

Отраженная реальность для заключенных в темнице, может быть передана двухмерным одноцветным описанием дерева, и мы можем сравнить его с трехмерным цветным изображением, которое увидели через дыру в стене, и изумиться: «Так вот что это такое! Теперь видим, что эти карандашные линии изображают ветки, а эти фигуры – листья, но не видя реальности, мы не были уверены, что точно они изображают». То, что было не совсем ясным раньше и даже загадочным, внезапно становится реальным. Так и для христиан – чтение Ветхого Завета позволяет увидеть в новом свете пришествие Бога в Иисусе Христе. Ветхозаветные закон и пророки предстают в новом свете, потому что то, о чем они говорят и на что указывают, внезапно становится нам доступным. Так, Матфей, указывая на пророчества (например, 1.22—23; 2.5—6,15,17—18,23; 3.3), как бы говорит: «Теперь мы знаем, о чем были все эти пророчества».

Через Иисуса Христа, Которого мы признаем воплощенным Богом, становится возможной непосредственная и личная встреча между нами и Богом. Тот, Кого великие ветхозаветные мужи знали косвенно и не до конца, берет инициативу в Свои руки и приходит к нам, как один из нас. Одним из самых сильных отрывков, описывающих связь между верой великих ветхозаветных героев и верой великих героев христианской эры в Новом Завете, является Евр.11.1; 12.2. Все эти люди знали, к чему подготавливают их обетования Божии, даже если сами они не доживут до их исполнения. «Все сии умерли в вере, не получивши обетований, а только издали видели оные» (Евр.11.13; ср. 11.39—40). Та же тема развита у Луки в повествовании о встрече между младенцем Иисусом и Симеоном (Лк.2.25—35). Здесь Лука описывает реакцию старца, который понимает, что наконец наступил момент, которого он и множество других людей так ожидали – пришествие Бога к Своему народу (Лк.2.29—32).

Почему же христиане верят, что Иисус есть Бог? (Об этом см. книгу: Алистер МакГрат. «Понимание Иисуса», стр.63—119). Надо подчеркнуть, что эта вера не была решением какого-то одного заблуждающегося первохристианского мыслителя, а была обдуманное суждением всей христианской общины, она основана на свидетельстве, которое они либо знали сами – жизнь, смерть и воскресение Иисуса Христа, – либо на свидетельстве очевидцев, записанном в новозаветных документах. В долгих дебатах ранней Церкви по этому поводу не было найдено другого объяснения личности и значения Иисуса Христа, которое могло бы адекватно оправдать христианское познание Бога через Иисуса Христа или свидетельство Нового Завета, чем признание, что ХРИСТОС – ИСТИННЫЙ БОГ. Это было коллективным выводом многовекового опыта христианской общины, а не односторонним решением какого-то одного богослова. В Иисусе Христе мы встречаем не кого иного, как живого Бога. Если бы Иисус Христос был просто человеком, то Его влияние на наше размышление о Боге было бы не большим, чем влияние любого другого человека, посвятившего себя этому вопросу. Но с другой стороны, Церковь также всегда утверждала, что столь прощенное отождествление Иисуса Христа с Богом, отрицающее или пренебрегающее Его человеческой сущностью, несовместимо с Его земной жизнью. Опасность считать Иисуса Богом, и только Богом, возникла, однако, лишь тогда, когда стали говорить, что Он был Богом.

И в наше время мы знаем некоторых противников идеи, что ИИСУС ХРИСТОС – ВОПЛОЩЕННЫЙ БОГ. Чаще всего мы слышим, что учение о воплощении просто

нелогично. По утверждению некоторых современных богословов, говорить, что Иисус Христос есть Бог, столь же нелогично, как говорить, что круг есть квадрат. Человечество исключает Божественность. Но так ли это? Остановимся на этом утверждении более подробно.

Круг и квадрат относятся к геометрическим фигурам и взаимно исключают друг друга. Иными словами, круг не есть квадрат, треугольник или какая-то иная форма. Говорить, что что-то является «как кругом, так и квадратом», это прежде всего говорить, что это «что-то» является формой. Когда мы затем спрашиваем, какого же рода эта форма, мы сталкиваемся с логическим противоречием: нам говорят, что это две разные и одновременно взаимоисключающие формы. Такая же ситуация возникает в мире красок. Красный и синий взаимоисключающие цвета в мире красок. Цвет может быть красным или синим или каким-то иным, но одновременно красным и синим, что опять приводит к простому логическому противоречию, если мы говорим, что такой-то и такой-то цвет является одновременно красным и синим.

Но к какому общему логическому миру относятся Бог и человек? Почему Бог и человек логически несовместимы? Круг и квадрат – это две разные формы; красный и синий – это два разных цвета; Бог и человек – это два разных..., два разных – что? Дело просто в том, что они разные, и при этом ни в коей мере логически несовместимы. Вернемся еще раз к цветам и формам. Что-то не может быть одновременно кругом и квадратом, но оно может быть красным квадратом. И в этом нет никакого логического противоречия. Эти две идеи относятся к разным логическим мирам. «Красный» и «квадрат» – это разные идеи, а идея, что что-то является красным и одновременно квадратом, конечно же, не предполагает никакого противоречия. Так и «Бог» и «человек» относятся к разным логическим мирам, и потому, утверждение, что Иисус является как Богом, так и человеком, не предполагает никакого логического противоречия.

Более углубленный анализ вопроса логической связи между «Богом» и «человеком» в воплощении был проведен, может быть, самым великим из всех английских богословов Вильямом Окхэмом. В XIV в. он показал, что идея воплощения не предполагает никакого логического противоречия и помогает нам лучше понять природу воплощения. И никак нельзя считать идею Божественности Иисуса Христа абсурдной на том основании, что она предполагает «логическое противоречие».

Некоторые современные богословы также говорят нам, что учение о воплощении неприемлемо для современной ситуации, и все, что надо сказать об Иисусе Христе, можно сказать без ссылки на идею воплощения. Однако, это отнюдь не верно. Приведем для ясности несколько примеров.

Во-первых, почему мы вообще говорим об Иисусе Христе? Почему христианство выделяет Его, и только Его, ставя Его выше всех людей? Традиционный ответ будет всегда то, что воскресение Иисуса Христа из мертвых указывает на Его Божественность и потому устанавливает Его уникальность среди других людей. Несомненно, есть и другие люди, поведение и личность которых выделяет их среди других, как, например, Сократ в древнем мире, или Ганди в современном мире, но мы уважаем этих людей исключительно как людей, а не как воплощение Бога. Поэтому уникальность Иисуса Христа для христиан заключается в том, Кто Он был, а не только в том, что Он сказал и сделал. Иначе говоря, христиане всегда считали важными учение и образ жизни Иисуса Христа, потому что знали, Кто Он был.

Если же исключить идею, что Иисус Христос был воплотившимся Богом, как это предлагают нам сделать некоторые современные мыслители, то как тогда можем мы оправдать Его уникальное положение, которое Он всегда занимал для христиан? Ответ будет прост: никак. Что могут дать нам учения палестинца I в. сегодня, в совершенно иной культурной среде? Между Палестиной I в. и Западом XX в. существует огромный разрыв, и тот, кто не понял этого, очевидно, даже не подошел к разрешению этой сложной проблемы. Например, многие феминисты утверждают, что учение Иисуса Христа скомпрометировано Его принадлежностью к мужскому полу, как и патриархальностью социального уклада, в

котором Он жил. Тогда почему же мы должны уделять внимание Иисусу Христу? Как можем мы оправдать Его уникальность, ссылаясь на Его учение? Очевидно, мы не можем сделать этого, если не признаем, что Иисус Христос полностью отличался от нас, и это отличие является очень важным.

Для традиционного христианства воплощение означает то, что Бог пришел к нам, как один из нас, обращаясь и призывая нас лично. Совсем не важно, когда это произошло в истории, но важно, что это произошло. И это говорит нам что-то очень важное о Боге. Но если исключить идею воплощения, то тогда это означает, что Иисус Христос был просто еврейским раввином в далекую от нас эпоху, учение и образ жизни Которого могли выделить Его в то время, но Который к нашему времени имеет мало отношения. Становится по крайней мере трудным (и многие даже скажут совершенно невозможным) оправдать уникальное положение Иисуса Христа, которое Он всегда занимал для христиан. Не будучи центром христианской веры, Он становится мертвым.

Многие критики воплощения готовы признать, что христиане просто не связывают Иисуса Христа с далекой личностью прошлого, но признают Его вечно живым Господом. Они не считают Его Учителем далекого прошлого, давно умершим раввином или гуру. Они знают Его как своего воскресшего Господа, как Того, Кому они поклоняются и через Которого они познают живого Бога. Учение о воплощении сохраняет глубокие проникновения, без которых Иисус Христос становится полузабытым историческим основателем религии, которая теперь может обойтись и без Него. Не верить в воплощение – это значит вообще не видеть центральности Иисуса Христа для христианской веры.

Вторым важным моментом является возникновение особой формы атеизма в XX в. Это движение иногда называется «атеизмом протеста» на том основании, что оно «протестует» против определенного понимания Бога. Двадцатый век был свидетелем человеческой жестокости и зверств, которые редко встретишь в мировой истории. Ужасы Второй мировой войны в Европе, сталинских гонений в Советском Союзе, нацистских концентрационных лагерей и программ геноцида в Юго-Восточной Азии – все это заставило многих людей задуматься над вопросом, какое место занимает Бог в этом мире страданий. Отказаться от идеи воплощения – это значит отказаться от основополагающего христианского проникновения, что во Христе Бог Сам подверг Себя жестокости и злу этого мира.

Это проникновение особенно сильно описано в небольшом очерке под названием «Долгое молчание».

ДОЛГОЕ МОЛЧАНИЕ

«В конце времени миллиарды людей собрались в большой долине перед престолом Божиим. Большинство из них отошло подальше от яркого света, исходящего от Него. Но несколько групп, стоящих возле престола, горячо спорили, но не раболепно, а воинственно. «Может ли Бог судить? Откуда Ему знать о страданиях? – резко заявила дерзкая молодая брюнетка. Она засучила рукав и показала вытатуированный номер нацистского концентрационного лагеря. – Мы испытали ужасы террора, побоев, мучения и смерть!» В другой группе негритянский мальчик расстегнул воротник и показал свою шею. «А что вы скажете об этом? – спросил он, показывая красный след от веревки. – Линчеванный, но не за преступление, а только за то, что я черный!» Еще в одной группе была беременная школьница с потухшими глазами. «Почему я должна страдать? – пробормотала она. – Это не моя вина».

Во всей этой долине были сотни таких групп. Каждая жаловалась на Бога за то, что Он допустил зло и страдания в Своем мире. Как хорошо жилось Богу на небе, где все было прекрасно и светло, легко, где не было слез и страха, голода и ненависти. Что Бог знал обо

всем, что должен был претерпеть человек в этом мире? Богу хорошо живется, – говорили они.

Так каждая группа выдвинула своего предводителя, выбирая того, кто из них больше всего пострадал. Еврея, негра, человека из Хиросимы, подагрика. В центре долины они советовались друг с другом. Наконец они пришли к решению. Оно было довольно мудрым.

Прежде чем Бог станет их Судьей, Он должен испытать то, что испытали они. Он должен быть приговорен жить на земле как человек!

«Пусть Он родится евреем. Пусть законность Его рождения будет подвергнута сомнению. Пусть Его работа будет так тяжела, что даже Его семья посчитает Его сумасшедшим, когда Он попытается ее выполнить. Пусть Его предадут Его лучшие друзья и родные. Пусть Ему предъявят ложное обвинение, пусть Его допрашивает предвзятый следователь, пусть приговор вынесет Ему трусливый судья. Пусть Его мучают. Наконец, пусть Он увидит, что значит быть страшно одиноким. И затем, пусть Он умрет. Пусть Он умрет так, чтобы никто не усомнился, что Он умер. И пусть множество свидетелей подтвердят это».

Когда каждый предводитель провозгласил свой приговор, среди собравшейся толпы раздались громкие слова одобрения. И когда последний вынес свой приговор, наступило долгое молчание. Никто не произнес ни слова. Никто не двинулся. Потому что они вдруг поняли, что Бог все это уже претерпел».

Вполне возможно, что мы можем принести свои извинения через кого-то другого. Однако посылать другого извиниться за что-то, выразить свое соболезнование, едва ли означает самому находиться в ситуации страдания. Учение о воплощении заявляет, что Бог пострадал в Иисусе Христе. Поэтому Бог знает Сам, что такое страдать. Он принял на Себя человеческие страдания, дав им значение и достоинство через Свое присутствие. Отказаться от идеи воплощения – это значит отказаться от идеи Бога, Который приходит в мир страданий и печали, это только значит вернуться к около христианскому представлению о Боге, которое является удобной мишенью для критиков атеизма протеста.

В первой главе мы говорили о действии, которое оказала публикация в 1963 г. в Англии книги Джона Робинсона «Быть честным перед Богом». Газетная статья, в которой рекламировалась эта книга, имела поразительный заголовок «С нашим представлением о Боге надо покончить!» И, видимо, этот заголовок, а не сама эта несколько претенциозная и отнюдь не оригинальная книга, оказал сильное действие. Представление о Боге, с которым, по мнению Робинсона, надо было покончить, был образ старца на небе. Мы уже видели, сколь упрощенной и поверхностной была эта критика. Но перед лицом беспощадной критики атеизма протеста, с образом Бога, Который стоит в стороне и не участвует в этом мире страдания, – действительно надо покончить, так как это образ невоплощенного Бога. Для традиционного христианства Бог пострадал во Христе на кресте на Голгофе: Он принял на Себя страдания и грехи Своего творения, чтобы искупить его. Беспощадные нападки атеизма протеста, которые столь легко развенчивают невоплощенного Бога модернизма, бессильны перед Богом, Который раскрыл нам Себя в Иисусе Христе, реальным Богом христианской веры, а не выдуманным Богом модернизма. Слова христианского поэта периода Первой Мировой войны Дж. Стаддерт-Кеннеди с большой глубиной передают это истинное понимание Бога:

«Бог, Бог, Которого я люблю и Которому поклоняюсь, Царствует в скорби на Древе, Сломанный, истекающий кровью, но непобежденный, Бог Богов для меня».

Представление о Боге, к Которому приводит отвержение воплощения, просто неприемлемо для XX в., и именно против этого представления о Боге направлены беспощадно резкие нападки атеизма. Если это такой Бог, заявляет это влиятельное движение, то мы не можем поверить в Него или воспринимать Его серьезно. Атеизм имеет понятную тенденцию выбирать легкие мишени, и мало найдется более легких мишеней, чем идея невоплощенного Бога. И не надо сетовать по поводу отказа от такого околохристианского представления о Боге, потому что вместо него появляется истинно христианское понимание

Бога, воплотившегося в Иисусе Христе. И это еще раз со всей очевидностью показывает огромную важность воплощения.

Не менее важным является толкование Креста. По мнению некоторых современных богословов, Крест надо рассматривать как не более чем проявление любви Божией. Идею воплощения надо отвергнуть, говорят нам, как логическое противоречие. Однако идея смерти Иисуса Христа на кресте (и заметьте, что современные богословы не считают, что смерть была побеждена воскресением), показывающая любовь Божию, считается приемлемой для «старого мира». И к сожалению, она зависит от идеи воплощения. Мы более подробно остановимся на этом аргументе.

Глубокое и истинное христианское проникновение в то, что смерть Иисуса Христа на Кресте показывает всю степень любви Божией к нам, основывается на признании того, что на кресте умирает не кто иной, как Сын Божий (Ин.3.16; Гал.1.4;2.20; Тит.2.14). Иисус Христос, воплощенный Бог, возлюбил нас и предал Себя смерти на Голгофском кресте. Хотя мы продолжали еще быть грешниками, Бог сошел на землю и отдал Себя на смерть – и все это ради любви к грешному человеку (Рим.5.8). Слова Вильяма Блейка в его стихотворении «Иерусалим» хорошо выражают эту мысль:

Иисус сказал: «Будешь ли ты любить того, кто не умер
За тебя, или не умрет за того, кто не умирает за тебя?»
И если Бог не умер за человека и не предал Себя
Навечно за Человека, То Человек не мог бы существовать
Потому что Человек есть любовь,
Как Бог есть любовь.

Но что же остается от Креста, если мы отрицаем, что воплощенный Бог был распят? Эти современные богословы говорят нам, что Иисус Христос – это не более чем прекрасный пример человека – человека более высокого порядка, чем мы, но тем не менее человека. На кресте, следовательно, мы видим умирающего человека. Он отдал Свою жизнь не вместо кого-то другого, за исключением, может быть, Варравы (Мф.27.15—26). Он был несправедливо казнен, как преступник, подобно очень многим до Него и после Него. Можно говорить, что Его смерть показывает любовь одного человека к подобным Ему людям. Но Бог здесь ни при чем. Это не Бог был распят на кресте. Это Его прямо не касается. Короче говоря, никак нельзя говорить, что крест показывает любовь Бога к человеку. В лучшем случае, он просто показывает один возможный путь (и, конечно, не единственный и не лучший), которым один человек может проявить свою любовь к другим. Но является ли этот путь действительно основанием веры, которая побеждает неверие мира? Легче поверить в это, чем поверить в воплощенного Бога, предавшего Себя за нас на кресте – но едва ли в это нужно верить.

Многие критики идеи воплощения, очевидно, полагают, что идея Иисуса Христа как Бога и человека является спорной и иррациональной догмой, изобретенной какими-то слабоумными мыслителями в период, когда процветало довольно примитивное мышление. Для большинства современных писателей требование веры в Божественность Иисуса Христос считается абсурдным условием для вступления в члены Церкви – разве не должно быть церковное членство доступным для каждого? Почему надо заставлять признать такое абсурдное и иррациональное требование, прежде чем вступить в Церковь? Христиане на это отвечают, что здесь имеет место просто элементарное непонимание. Приведем самый простой пример из обыденной жизни.

Предположим, вы собираетесь приготовить омлет. Вы идете на кухню и там обнаруживаете три указания, каждое из которых предьявляет условия, которые вы должны соблюсти, если хотите приготовить омлет. Во-первых, вы должны надеть черные кожаные туфли. Во-вторых, вы должны заложить одну руку за спину и читать наизусть Декларацию независимости, когда готовите омлет. В-третьих, вы должны, прежде чем приступить к приготовлению омлета, разбить яйца. Как же мы должны отнестись к этим требованиям? Первые два мы опускаем как абсурдные, выдуманные, возможно, производителями черных

кожаных туфель или глупыми патриотами – они не имеют никакого отношения процессу приготовления омлета. Третье же, однако, просто является признанием реальности приготовления омлета – вы не можете приготовить омлет, не разбив яйцо. Бессмысленно спорить по тому поводу, так как это просто задержит приготовление омлета.

Критики воплощения, по-видимому, относят его к тому же классу абсурдных требований, что и первые два для приготовления омлета. Но более просвещенные мыслители понимают, что это просто утверждение сути положения дел. Как связь между скорлупой, содержанием яиц и омлетом требует, чтобы яйца были разбиты, прежде чем приготовить омлет, так и связь между Богом, человеком и Иисусом требует признания, что Иисус Христос является как Богом, так и человеком. Это есть проникновение в природу вещей, утверждение природы реальности, как ее понимают христиане. Причины для такого утверждения очевидны и не могут быть отвергнуты на основании такой неосновательной критики. Христианская Церковь утверждает, что ее требование для членства основывается на признании Божественности Иисуса Христа, а отнюдь не является произвольным. Оно является существенным и основополагающим для существования Церкви.

Евангелие заявляет и утверждает, что Бог – живой Бог, тот Бог, Который сотворил вселенную и нас, – пошел на позорный крест во имя любви к нам, хотя мы и грешники. Воплощение дает и гарантирует значение креста, которое показывает любовь Божию к нам. Непризнание первого влечет за собой отказ от второго. Слишком уж часто многие современные критики христианства, по-видимому, полагают (потому что они не дают себе труда доказать), что могут устранить элементы христианской веры, которые они считают неуместными, оставляя то, что действительно является неприкосновенным. Они, по-видимому, полагают, что существует своего рода религиозный эквивалент хирургической операции, которая может вырезать маленькую часть тела, не повредив остальным. Но это возможно, если речь идет о таком органе, как аппендикс, который не служит никакой полезной цели, но что, если это мозг или сердце? Вырежьте их, и тело перестанет функционировать. Эти органы существенны для благополучия тела, ибо они тесно связаны с другими органами, которые в свою очередь зависят от них. И несомненно, что учение о воплощении подобно человеческому сердцу, а не аппендиксу. Исключите его, и распадется вся ткань христианской веры; электростанция веры перестанет действовать. Когда перестает биться человеческое сердце, наступление смерти – это просто вопрос времени. Этот момент можно отдалить путем таких искусственных средств, как жизнеподдерживающие системы, но это приведет только к временному оживлению, которое заканчивается в конце концов смертью.

Так и с любой формой христианства, которая отвергает веру в воплощение – это просто вопрос времени, когда она умрет. Она может некоторое время сохранить внешний признак, но необходимый и фатальный процесс ее конца все равно наступит. Одна из более курьезных черт критики учения о воплощении заключается в том, что она стремится к самозащите. Критики воплощения слишком часто, по-видимому, отвергают скучную, книжную форму христианства, которой не хватает реальной жизненности и интереса и которая не в состоянии никого обратить. Чистое и абстрактное богословие означает конец любого живого знания и полное отстранение от человеческого существования, как это столь убедительно показал русский мыслитель Николай Бердяев. Из истории мы знаем, что там, где христианство распространяется активно и энергично, оно это делает на основании твердой и убедительной веры в воскресение Иисуса Христа, воплощенного Бога. Отказаться от этой веры, став, например, унитарием, означает стать на путь, который исторически оказался духовно и богословски несостоятельным, ведущим в никуда.

В этой главе мы показали важность воплощения, признания, что Иисус Христос есть не кто иной, как Сам Бог. Это глубочайшее проникновение может быть оправданным как на основании новозаветного свидетельства, так и христианским опытом Бога в воскресшем Христе. Это также важно для структуры христианской веры. Устраните или отвергните это проникновение, и христианская вера, подобно шерстяной ткани одежды, начнет распадаться,

терять свою форму и потеряет свое значение. Альтернативы, предлагаемые теми, кто хочет заставить нас стать «современными», не только неоправданны, но и совершенно неадекватны, неспособны правильно передать христианское проникновение, которое даже многие «современники» признают существенным. Оно может вызвать интерес у интеллектуалов, которые читают Пруста или слушают Шостаковича, но оно недоступно, не обладает жизненностью и силой для огромного большинства людей, которые знают о необходимости своего спасения, но видят в «современном» понимании Иисуса Христа не более чем академического моралиста, не способного понять, не говоря уже, чтобы искупить их ситуацию. Но для христианства Бог встречает людей именно такими, какие они есть, потому что Он Сам уже был таким.

Учение о воплощении позволяет – в самом деле оно требует – признать, что единственно точную картину Бога, которую когда-либо дал нам мир, мы находим в Иисусе Христе. Одна из наших трудностей в признании Иисуса Христа Богом заключается в том, что мы склонны применять наши собственные готовые идеи Бога (где бы мы их ни взяли) к лицу Иисуса Христа и затем стараться приспособить Его к нашему понятию Бога. Но если мы отнесемся к идее откровения Бога в Иисусе Христе со всей серьезностью, которой она требует и заслуживает, то должны быть готовы изменить наше понимание Бога, даже революционизированное. Бог, как столь часто подчеркивал Льюис, – это Великий Иконоборец, Тот, Кто разрушает наши предвзятые идеи о Нем, чтобы Самому показать нам, что Он в действительности такое. И наше простое представление о Боге заменяется пониманием того, что ИИСУС ХРИСТОС ЕСТЬ БОГ.

Если Иисус Христос есть Бог, то не говорит ли это что-то важное о Самом Боге? Не означает ли это, что Бога следует отождествлять с Иисусом Христом? Как же тогда можем мы избежать предположения, что Иисус Христос является вторым Богом? В конце концов, разве Иисус Христос не молился Богу? И не пребывал ли Бог на небе во время земного служения Иисуса Христа? Задавая подобные вопросы, мы сразу же начинаем различать путь, который ведет к исключительно христианскому пониманию Бога – Троице. Нам предстоит еще долгий путь, прежде чем мы придем туда, но, признавая Иисуса Христа не кем иным, как воплощенным Богом, мы становимся на твердый путь, ведущий к самому загадочному из всех христианских учений.

В следующей главе мы начнем медленно и осторожно идти по этому пути, когда приступим к изложению концепта Бога, Который открыл Себя нам в Иисусе Христе.

Путь к Троице

Для многих людей учение о Троице представляет собой небесную математику, и притом плохую математику! Почему, сетовал великий рационалистический мыслитель, должны мы думать о Боге столь грубым и сложным путем? Почему бы просто не устранить весь этот бред о «трех в одном» и т.д. и вместо этого не говорить о Боге? В конце концов Новый Завет так не говорит о Боге: он говорит о Боге в красивых и простых выражениях. Джозеф Джефферсон, третий президент Соединенных Штатов, довольно хорошо выразил это чувство:

«Когда мы прекратим пользоваться непонятным жаргоном тринитарной арифметики, что три – это один и один – это три; когда мы разрушим искусственные леса, возведенные для того, чтобы замаскировать простую «структуру» Иисуса; когда, короче говоря, забудем мы все, чему нас учили после Его времени, и возвратимся к чистым и простым учениям, которые Он дал – только тогда мы будем истинными и достойными Его учениками».

Слова Джефферсона понравятся многим читателям, как это когда-то произошло и со мной. Конечно же, христианство – это очень простая религия: утверждение, что Бог любит нас и искупает нас через Иисуса Христа. Но у более критического читателя эти слова вызывают вопрос: действительно ли Бог так прост, что мы можем понять Его, можем представить Его себе в столь простых выражениях, которые предлагает Джефферсон? Здесь надо вспомнить мудрые слова Августина: «Если Бога можно понять, то это не Бог».

Приведем один пример. Представьте себе айсберг, возвышающийся на холодном полярном море, величественнодвигающийся к теплым широтам, чтобы растаять там. Его неровные очертания всем видны на фоне моря. И все же, когда мы смотрим на этот айсберг с парохода или аэроплана, очень легко можно чего-то не заметить – простого факта, что мы видим только часть всей его массы. Может быть, девять десятых его скрыты от нашего взгляда под водой. Он есть там, и это, несомненно, его часть, которую мы видим, но весь он скрыт под водой: нам видна только его верхушка.

Приведем еще один пример. Представьте себе холодную и морозную зимнюю ночь, и очертания ландшафта освещены светом Луны. Когда вы смотрите на Луну, вам хочется узнать, какая она. Каждую последующую ночь вы зарисовываете очертания, которые можете увидеть, пользуясь, может быть, полевым биноклем или телескопом. И вскоре вы обнаруживаете, что часть Луны всегда остается скрытой от вашего взора; только половину ее поверхности можно увидеть с Земли. Затем вы обнаруживаете, что это связано с одинаковым периодом вращения Луны вокруг своей оси и вокруг Земли, так что только одна сторона Луны видна с Земли и потому другая оставалась неизвестной, пока спутники не сфотографировали ее невидимые очертания и не передали на Землю. Но даже если эта обратная сторона Луны не была видна с Земли, было известно, что она существует, и спутники только показали, как она выглядит.

И, наконец, приведем еще один пример. Предположим, что вы посадили в землю семя, скажем фасоли. Затем вы следите, когда появятся признаки его прорастания. Сначала совсем ничего не происходит (ср. притчу о горчичном семени – Мк.4.26—29). Однако, даже если ничего и не видно на поверхности земли, семя скрыто произрастает. Если мы копнем землю в том месте, где посадили семя, то можем увидеть рост корня и черенка. И наконец на поверхности земли появляется побег. Но это еще не все растение. Под землей, скрытая от глаза, лежит корневая система – центральная часть растения, которая остается невидимой на поверхности земли.

Во всех этих примерах мы видели один общий признак: выгодная точка, с которой смотрит наблюдатель, не позволяет ему видеть все в целом. Иными словами, точка, с которой мы смотрим на что-то, определяет, что мы можем увидеть. Если вы находитесь в лодке на море, то можете видеть только верхушку айсберга, но есть еще многое в айсберге, чего вы не можете видеть. Если вы находитесь на Земле, то можете видеть только половину поверхности Луны, обратная же сторона ее остается скрытой от вашего взора. И если вы смотрите на растение с поверхности земли, то можете видеть только его маленькую часть над землей, а его корневая система остается скрытой. Так и люди, которые, подобно нам, живут на поверхности мира, могут только воспринять частичку реальности Бога. Просто многого мы не видим.

Вернемся еще раз к примеру с айсбергом. Кусок айсберга, который мы замечаем, который привлекает наше внимание, – это только его верхушка. Именно верхушка айсберга выступает над водой. Некоторые могут подумать, что это весь айсберг, тот кусок, который мы можем видеть. Но, как мы показали выше, почти вся масса айсберга скрыта от нашего взора. Так и то, что мы знаем о Боге, кажется очень простым, то великое утверждение – что Бог любит нас, встречает нас в Иисусе Христе и берет нас в Свою обитель. Но это только верхушка богословского айсберга. Если же мы начнем выяснять, что же такое Бог, если Он может действовать столь поверхностным и простым образом, то обнаружим, что то, что казалось очень простым на поверхности, на самом деле гораздо сложнее. Великое заявление, что «Бог во Христе примирил с Собою мир» (2Кор.5.19), оказывается верхушкой айсберга, а учение о Троице – это та часть, которая скрыта под поверхностью. Иными словами, «Бог во Христе примирил с Собою мир», это словно побег растения, корнем которого является учение о Троице. Но прежде чем говорить об этом учении, надо сделать четкое различие между керигмой и догмой.

Между чем? Возьмем их английское значение: «прокламация» и «доктрина», а по-русски – «благовестие» и «учение». Керигма – это греческое слово, которое часто употребляется в Новом Завете в значении «благовестие» – своего рода то, что возвещает вестник (греч. «керикс»). Но что же возвещается? В Ветхом Завете благовестие – это то, что сделал Бог в истории для искупления Своего народа. Прекрасный пример керигмы мы находим в следующем отрывке:

«Как прекрасны на горах ноги благовестника, возвещающего мир, благовествующего радость, проповедующего спасение, говорящего Сиону: «воцарился Бог твой!» Голос сторожей твоих – они возвысили голос, и все вместе ликуют, ибо своими глазами видят, что Господь возвращается в Сион. Торжествуете, пойте вместе, развалины Иерусалима; ибо утешил Господь народ Свой, искупил Иерусалим» (Ис.52.7—9).

«Благовестие» – это Благая Весть об искупительной жертве Бога в истории, и потому неудивительно, что в Новом Завете так много благовествуется о спасительной деятельности Божией в Иисусе Христе (Деян.5.42; 17.23; Рим.10.8; 15.19; 1Кор.11.26; Согласно Деяниям, апостолы «не переставали учить и благовествовать об Иисусе Христе» (Деян.5.42).

Учение же – это совершенно иное. Оно главным образом занимается установлением связи между всеми аспектами веры и соединением их в одно целое. Учение связано с благовестием, как мехи с вином – это то, что содержит его, дает ему форму и силу. Оно подобно решетке, на которой может расти вьющаяся роза, или железной арматуре для цемента – тому, что создает каркас, конструкцию, которая поддерживает еще что-то. Учение изучает последствия христианской веры, показывая, что все аспекты связаны друг с другом. Для развития этой мысли надо прежде всего рассмотреть связь между «учением» и «благовестием», между «догмой» и «керигмой».

Посмотрим, что можно услышать на проповеди от проповедника, когда он раскрывает важность христианской веры для слушателей: «Мы приходим к Богу через Иисуса Христа – Он есть путь нашего возвращения к Богу. Если вы хотите найти Бога, то здесь Его и надо искать – прямо перед лицом Иисуса Христа. Он здесь, проходящий встретить нас такими, как мы есть, здесь и сейчас. И через смерть и воскресение Иисуса Христа открывается путь

возвращения к Богу». Можно сказать и лучше, но эти слова показывают нам главное. Целью проповедника является «благовестие»: изложение значения и важности Иисуса Христа для его слушателей. А теперь посмотрим, что сказал бы богослов: «Иисус Христос является как Богом, так и человеком: Он есть воплощенный Бог».

Его слова будут менее привлекательными и волнующими, чем проповедника. Он как бы говорит: «Послушай, проповедник, то, что ты говоришь, зависит от признания, что Иисус Христос есть Бог и человек, т.е., воплощенный Бог. Если Он не Бог, то Он не имеет никакого отношения к нашим размышлениям о Боге; а если Он не человек, то Он никакого отношения не имеет к существованию человеческой жизни. Иными словами, благовестие, которые ты правильно изложил, подтверждает определенные представления об Иисусе Христе, которые мы можем и должны оправдать и защитить». И здесь мы видим основную связь между учением и благовестием, между догмой и керигмой. Учение рассматривает то, что подразумевает благовестие, и заверяет, что эти представления понятны для тех, кто должен защищать христианскую религию против ее критиков.

Это утверждение трудное, но важное. Если его понять, то открывается путь к пониманию роли, которую учение о Троице играет в христианском мышлении. Мы хотим просто показать, что благовестие – возвещает, что «Бог во Христе примирил с Собою мир», а учение – говорит, что Бог есть Троица. Или, возвращаясь к аналогии айсберга, верхушкой этого айсберга является благовестие – той незначительной частью, которую мы видим. Но при дальнейшем изучении мы обнаруживаем, что учение – это та часть, которая уже существует, но о которой мы не знали, пока не начали наше исследование.

Теперь подойдем к этому вопросу с другой стороны. Когда вы своим друзьям объясняете, что такое христианская религия, вам совсем не надо упоминать слово «Троица». Вы говорите им о Боге, о том пути, каким Он открыл Себя нам и примирился с Собой через Иисуса Христа. Но если бы вы сели и задумались над вопросом, «Что же такое Бог, если Он может действовать таким путем?», то вы придете к учению о Троице. Иными словами, учение о Троице является конечным результатом долгого процесса размышления о пути, каким Бог присутствует и действует в Своем мире. Это результат, а не отправная точка, длинного процесса размышления, который продолжался в первые четыре века христианской эры, когда богословы размышляли над самооткровением Бога и старались понять Его. Благовестие – это то, что Бог искупил нас в Иисусе Христе, а учение – это то, что Он, поэтому, должен быть Троицей. Оно не объясняет, почему Бог такой, да и не претендует делать это – оно просто утверждает, что Бог должен быть таким, если Он действует таким образом, каким христиане признают, что Он действует.

Приведем один пример для объяснения этого трудного, но важного вопроса. Много веков тому назад было замечено, что кусочки янтаря, если их потереть сухой тканью, внезапно начинают притягивать к себе пыль или маленькие кусочки бумаги. Никто не мог точно сказать, почему это происходит, но было несомненно, что это происходит. С течением времени, при изучении этого любопытного явления было выявлено, что здесь происходит образование статического электрического заряда благодаря процессу ионизации. Иными словами, наблюдение такого поведения янтаря привело к научным предположениям. Была сделано научное обоснование этого наблюдения. И теперь мы можем увидеть различие между двумя вещами:

- (1) Факт, что янтарь, если его потереть сухой тканью, притягивает к себе кусочки бумаги;
- (2) Общие принципы статического электричества, как мы их сегодня понимаем.

Первое – это наблюдение, второе – теоретические рамки, в которые заключено это наблюдение.

Применяя этот пример к учению о Троице, мы можем сделать различие между двумя вещами:

(1) Факт, что «Бог во Христе примирил с Собою мир»;

(2) Учение о Троице.

Первое – это благовестие о факте, что Бог действует таким специфическим путем; второе – это теоретические рамки, в которые заключено это наблюдение, понимание природы Бога, которое является результатом признания, что Он действует таким особым путем. Это проникновение также помогает нам легко разрешить эту проблему, что иногда подчеркивается некоторыми современными богословами, желающими дискредитировать учение о Троице. Если посмотреть на учение ранней Церкви в первые два с половиной века ее существования, то обнаруживается, что учение о Троице еще не было развито. Богословы того периода только подошли к нему, но определенной формы его еще не было. Его развитие относится к III – IV вв. И потому, утверждают критики этого учения, это доказывает, что оно не является основным элементом христианской веры.

Мы же ответим на этот довод совершенно просто. Как мы видели, учение о Троице является главным образом попыткой показать все богатство христианского понимания Бога. Это как бы дистилляция калейдоскопического христианского опыта познания Бога в свете его библейских оснований. Сначала было библейское свидетельство и христианский опыт познания Бога, а позже начались размышления о нем. В виду сложности этого опыта неудивительно, что церковным богословам понадобилось столько времени, чтобы дать обоснования своей вере и найти лучший способ описать Бога, Которого они представляли себе в совершенно ином свете. Основные факты (как библейское свидетельство действия Бога в истории) и фундаментальные опыты (как опыт встречи с Богом через воскресшего Христа), которые привели к развитию этого учения, всегда были известны. То, что находилось в первые несколько веков еще в процессе развития, представляло собой изучение того, к чему привели эти факты и опыты.

Приведем еще один исторический пример, на этот раз математический. Как вы станете вычислять площадь, обозначенную кривой, или объем, заключенный в неправильную форму? Классический период знал несколько геометрических методов. Однако в конце XVII в. Ньютон и Лейбниц, независимо друг от друга, развили математическую науку исчисления, которая позволяла разрешить эти проблемы непосредственно без сложной классической процедуры. Об этом знают почти все, кто когда-либо изучал математику. Но что же сделали Ньютон и Лейбниц? В основном, они нашли новый метод вычисления. Они смогли соединить в одном методе то, что в классический период рассматривалось как несколько проблем. Они нашли способ соединить и развить методы, которые были уже известны. Итак, старые методы не были неправильными, но эти ученые просто показали, что по сравнению с новым методом, старые были неудобными и несовершенными.

То же самое можно сказать об учении о Троице. Оно является способом, который позволяет соединить исключительно сложное библейское свидетельство о Боге в более утонченное целое. Это фактически единственный путь сделать понятным библейское свидетельство о Боге. Оно берет то, что уже есть, что уже известно, и показывает, как оно все связано в одном целом. Это способ, метод изучения калейдоскопа христианских утверждений о природе и характере Бога и сведения их в одно целое. А так как для развития метода исчисления потребовались тысячи лет, то едва ли можно сетовать, что христианской Церкви потребовалось только несколько веков для соединения в одно целое всего богатства христианского опыта познания Бога.

В следующей главе мы рассмотрим именно то, что представляет собой этот христианский опыт познания Бога, который приводит к вере в Троицу.

Бог как три и Бог как один

Некогда существовал комитет, в котором было три члена. Этот комитет принял решение построить новое здание. Это был сложный, долгосрочный проект, для осуществления которого потребовалось много времени. Наконец здание было построено, и комитет был доволен работой, которая проводилась в этом здании. Но здание было расположено далеко от конторы комитета, так что сообщение с ним было проблемой. Вскоре появилось и другие проблемы, и председатель стал ездить туда, снимая одних его директоров и принимая других. Но дела становились все хуже, и стало очевидно, что нужна более долгосрочная основа для управления работой в этом здании. Итак, трое из них решили, то один должен на некоторое время отправиться туда и навести там порядок. Но кто? «Не я!», сказал председатель. Тогда два других члена бросили жребий и он пал на мистера Дэвидсона. Итак, мистер Дэвидсон был послан, и председатель на прощание сказал ему: «Не забывайте держать нас в курсе дела, а по возвращении ждем от вас полного отчета».

Это довольно бессмысленный рассказ, но он очень хорошо показывает, как многие христиане думают о Троице! Они полагают, что Иисус Христос является одним из членов Божественного комитета, Тем, Кто был послан на землю, чтобы сообщить, как там идут дела и исправить их, если нужно. Раньше мы говорили о моделях Бога (гл.4), но нигде в Священном Писании Бог не сравнивается с комитетом. Идея старца, восседающего на небе, – плохая идея, но идея комитета где-то на небесах еще хуже! Чем же мог заниматься этот комитет? Как часто приходится председателю отдавать свой голос то в пользу одного, то в пользу другого? Все это смехотворно. Но откуда такая идея появилась? Почему некоторые христиане думают именно так? Ответ прост. Потому что учение о Троице преподносилось им так плохо, что это неизбежно должно было привести к такому искаженному, неправильному пониманию. В следующих главах мы рассмотрим, почему христиане верят в Троицу, и что есть Троица, в которую они верят.

С чего же нам начать? Может быть, самым верным будет начать с убеждения как ветхозаветных, так и новозаветных писателей, что **СУЩЕСТВУЕТ ТОЛЬКО ОДИН БОГ**, и это Бог Авраама, Исаака и Иакова. «Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь един есть» (Втор.6.4), и эта тема была развита новозаветными писателями (Мк.12.29; 1Кор.8.6; Еф.4.6; 1Тим.2.5; Иак.2.19). Четыре отрывка, в которых Бог говорит о Себе во множественном числе (Быт.1.26; 3.22; 11.7; Ис.6.8), обычно понимаются как «множественность величия» или «царское Мы», хотя многие христианские писатели, как Августин, видели уже в этих стихах намеки на тринитарный образ мышления. Нигде в Новом Завете ничто не предполагает, что существует иной Бог, чем Тот, Который сотворил мир, освободил Израиль и дал ему закон на Сионе. Бог, Который освободил Свой народ из плена в Египте, это один и тот же Бог, Который воскресил Иисуса из мертвых.

Новый Завет подчеркивает, что есть только один Бог (Мф.23.9; Мк.10.18; Ин.5.44; 17.3; Рим.3.30; 1Кор.8.4,6; Гал.3.20; Еф.4.6; 1Тим.1.17;2.5; Иак.2.19;4.12). Также ясно, что **БОГ НЕ ТОЖДЕСТВЕНЕН ИИСУСУ**: например, Иисус говорит о Боге как о ком-то другом, чем Он; Он молится Богу; и, наконец, Он предает Себя Духу Божию, когда умирает. Нигде в Новом Завете нет даже намека на то, что слово «Бог» перестает означать Того, Кто на небе, и относится исключительно к Иисусу Христу во время Его земного служения. Это может показаться тривиальным наблюдением, но оно очень важно.

Как мы видели, и Новый, и Ветхий Завет утверждают, что есть только один Бог, и что «Бога» надо отличать от Иисуса Христа. Пока все понятно. Раньше мы говорили о сетованиях Джефферсона по поводу «непонятого жаргона тринитарной арифметики», но пока мы не встретились ни с какими трудностями.

Трудности начинаются с признания основного христианского проникновения, что ИИСУС – ВОПЛОЩЕННЫЙ БОГ: что в лице Иисуса Христа мы видим никого иного, как Самого живого Бога. Хотя Новый Завет отнюдь не является учебником по систематическому богословию, в великих символах веры Церкви нет ничего, что бы не утверждалось на его страницах. Считается, что Иисус Христос действует как Бог и для Бога; кто видит Его, тот видит Бога; когда Он говорит, Он говорит властью Бога; когда Он дает обетования, Он дает их от имени Бога; когда Он судит, Он судит как Бог; когда мы поклоняемся, мы поклоняемся воскресшему Христу как Богу; и т.д. Новый Завет даже указывает, что Он участвовал в процессе самого сотворения (Ин.1.3). Иисуса можно называть Богом и Господом, Который действует как Творец, Спаситель и Судья, Кому поклоняются и к Кому обращены молитвы.

Итак мы подошли к реальной проблеме: в одном смысле, Иисус есть Бог; в другом – Он не есть Бог. Итак ИИСУС ХРИСТОС – ЭТО ВОПЛОЩЕННЫЙ БОГ, но Он продолжает еще молиться Богу, не давая даже малейшего намека, что Он говорит о Себе! ИИСУС ХРИСТОС НЕ ТОЖДЕСТВЕНЕН БОГУ потому, что Бог оставался на небесах во время земного служения Иисуса Христа, и все же Иисуса Христа можно отождествить с Богом потому, что Новый Завет, не колеблясь, приписывает Иисусу те функции, которые, строго говоря, принадлежат только Богу.

Один путь решения этой проблемы предлагает считать Бога «Отцом», а Иисуса «Сыном» и «Сыном Божиим» (например, Рим.1.3; 8.32; Евр.4.14; 1Ин.4.15), показывая тем, что они имеют один общий источник Божества, но их можно различить, считая Отца каким-то образом предшествующим Сыну.

Ситуация это не разрешается, а даже еще больше осложняется утверждением Нового Завета, что Святой Дух каким-то образом участвует в нашем опыте познания как Бога, так и Иисуса Христа, не являясь тождественным ни одному, ни другому (Ин.16.14; 20.22; Деян.5.9; 8.39; 16.7; Рим.8.9,26,34; 1Кор.3.17—18; 1Ин.4.2;5.8). В каком-то смысле Иисус Христос является источником Духа, но ИИСУС ХРИСТОС и ДУХ СВЯТОЙ НЕ ТОЖДЕСТВЕННЫ. Дух Божий, Который по утверждению Ветхого Завета присутствовал во время творения, теперь признается и понимается по-новому, как Святой Дух Божий.

Прежде чем идти дальше, надо более подробно остановиться на связи между Богом и Иисусом Христом. Итак, если Иисус Христос есть Бог, не означает ли это что Бог есть Иисус Христос? Иными словами, если Иисус Христос есть Бог, то не должны ли мы сделать вывод, что Бога надо полностью отождествить с Иисусом Христом? Однако, как мы видели выше, из собственного учения Иисуса Христа явно следует, что Бог находился на небесах! Этот парадокс, который нам предстоит разрешить, очень хорошо выражен св. Жерменом (XVII в.) в его знаменитом христианском гимне:

Слово стало плотью

И все же остается на небе!

Но подвергается ли при этом сомнению традиционное христианское утверждение, что Иисус Христос есть Бог? Приведем несколько примеров которые, может быть, прольют свет на эту основную проблему.

Предположим, что вы находитесь на пароходе, пересекающем Атлантический океан из Европы в Америку. Путешествие производит на вас сильное впечатление, когда вы видите, как волны великого океана бьются о ваш пароход и покрывают его солеными брызгами. Вы чувствуете неукротимую силу океана, когда он бросает корабль то в одну, то в другую сторону. Вы потрясены его необъятностью, когда много дней не видите земли. Но действительно ли вы теперь знаете, что такое Атлантический океан? Сначала вы сразу же скажете «Конечно!» Но подумав, вы начинаете понимать трудность, которая заключена в этом вопросе.

Подумайте, как необъятен океан: его невыразимые глубины, его огромное расстояние от Северной Америки до Европы, от одного полярного моря до другого. Подумайте об огромном количестве воды, которое он вмещает. Действительно ли вы испытали на себе и увидели всю эту воду? Ведь ваш корабль прошел только исключительно узкий и мелкий путь через этот океан. Учитывая безмерность океана, вы, возможно, испытали только бесконечно малую долю этого океана. И ваше заявление, что вы теперь знаете его, конечно же, вызовет сомнение. Вы узнали только мельчайшую его часть, а говорите, что узнали весь. Однако признавая это, вы все же имеете право утверждать, что вы действительно знаете теперь Атлантический океан. Вы знаете, что это такое, потому что сами его увидели. Вы никак не можете увидеть мельчайшую молекулу воды Атлантического океана, но вы сами испытали, что такое океан.

Возьмем другой пример. Как и многие, я хорошо помню тот момент, когда человеческая нога впервые ступила на Луну. Странно было думать, что история творится на наших глазах, когда мы смотрели телевизионный кадры, посылаемые с Луны, показывающие Нейла Армстронга, который впервые ступает по чужой почве. И этот же экипаж космического корабля «Аполлон» доставил тогда на землю образцы лунного грунта. И благодаря анализу этого грунта мы больше узнали о Луне. Конечно, это был только образчик Луны, но он позволил нам непосредственно увидеть лунное вещество. И это была действительно частица Луны, которая изучалась во всех лабораториях мира после полета «Аполлона».

Теперь вернемся к вопросу связи между Иисусом Христом и Богом. Догмат воплощения утверждает, что в Иисусе Христе мы реально встречаем Бога, но это не позволяет нам утверждать, что Иисус Христос и Бог тождественны. В приведенных нами примерах мы встречаемся с той же трудностью. С одной стороны, лунный грунт не тождественен Луне, с другой же стороны, он тождественен Луне в том смысле, что позволяет нам узнать, что такое Луна.

Разовьем эту мысль дальше. До 1950 г. мы только знали, что Луна это далекий от нас объект, который мы могли видеть только через телескоп. Но когда на землю были доставлены первые образцы лунного грунта, мы сразу получили новые и непосредственные сведения о Луне.

Подобным образом до пришествия Иисуса Христа наше представление о Боге было несколько отдаленным. И внезапно, благодаря воплощению Иисуса Христа, мы получили о Нем новые, прямые и волнующие сведения. Конечно, это было результатом не человеческого технологического достижения, а волей Божией стать плотью и явить Себя в Иисусе Христе. Подобно людям, испытавшим волнение, когда они получили первый лунный грунт – частицу той же Луны, которая освещает ночной небосклон, верующие люди также испытали волнение, получив возможность соприкоснуться с Тем, Кто был никто иной, как воплощенный Бог. (1Ин.1.1—4 хорошо показывает это чувство).

Теперь представьте себе, что вы студент и вас просят выяснить, какие газы содержатся в воздухе. Как вы это сделаете? Скорее всего вы возьмете колбу с воздухом и подвергните его химическому и физическому анализу. И на основании анализа этого образца вы можете сказать какие газы содержатся в воздухе. Но какова же связь этого маленького образчика воздуха с атмосферой? Очевидно они идентичны. Не вся атмосфера заключена в ваш сосуд. Но с другой стороны, этот образец – реальный воздух, и он позволяет вам сказать, что такое воздух. Он не исчерпывает всю атмосферу, но он позволяет вам выяснить, что такое воздух.

Иисус Христос позволяет нам познать Бога. Мы реально встречаем Бога, но это не значит, что место пребывания Бога ограничивается одним индивидуумом, Иисусом Христом. Так как Иисус Христос есть Бог, Он дает нам непосредственную встречу с реальностью Бога. Но так как Бог не полностью идентичен Иисусу, Он остается на небесах, точно так же, как атмосфера земли остается там, где она есть, несмотря на то, что мы взяли небольшую ее часть. И как мы уже подчеркивали раньше, Бог слишком велик и необъятен для нас, и,

потому приспособливаясь к нашей слабости (если употребить выражение Кальвина), Он делает Себя доступным для нас в виде, который мы можем воспринять. Догмат воплощения утверждает, что именно Бога встречаем мы в Иисусе Христе, как и то, что Бог остается всегда Богом. То же самое относится и к Святому Духу. Христианская религия справедливо утверждает, что в Святом Духе мы встречаем никого иного, как Самого Бога, но Бог не тождественен Святому Духу.

Как же нам тогда понять сложное новозаветное свидетельство о Боге, Иисусе Христе и Святом Духе? Для ясности постараемся ответить на два простых вопроса. Какого Бога мы имеем в виду, когда говорим о Боге? Как мы узнаем этого Бога? Оба эти вопроса помогают нам понять сложное библейское свидетельство об Отце, Сыне и Святом Духе. Начнем с первого.

Кто Бог Израиля? Конечно, можно ответить, что Он есть Бог, и нет никакого другого Бога. И все. Но можно ответить более определенно. Бог Израиля – это Бог, открывший Себя Аврааму, Исааку и Иакову; Бог, Который вывел израильский народ из Египта и привел в обетованную землю, давая великие знамения и творя чудеса.

То же самое мы могли бы сказать и о человеке. Ваш разговор о нем с кем-то другим мог бы быть таким: «Вы знаете Джона Брауна? Нет, не знаете. Тогда вспомните, что вы читали о человеке, который переплыл в прошлом году на лодке Атлантический океан. В одном месте лодка чуть не потонула. И после этот человек написал книгу об этом путешествии. Ага, теперь вы знаете, о ком я говорил». Вы здесь просто рассказываете историю о Джоне Брауне и таким образом говорите, кто он. Это рассказ о нем. Он является центральной фигурой в этом рассказе. Так и с Богом в Ветхом Завете. Ветхий Завет выделяет Бога из истории Его народа. Великие повествования об Аврааме, Исааке, Иакове, об исходе из Египта и т.д. рассказываются для того, чтобы выделить Бога, показать, что такое Бог. Бог Израиля – это Тот, Кто действовал таким именно образом.

Это хорошо показано в Ветхом Завете (например, Исх.19.4—5; Втор.26.5—9. Иез.20.5—26). Вопрос: Кто есть Бог? Ответ: Тот, Кто вывел нас из Египта. Конечно, Бог также имеет и имя, которое трудно поддается переводу, как например: «Яхве», «Господь», «Иегова». Но фактом остается то, что о Боге обычно судят по Его делам, а не Его имени.

Теперь обратимся к Богу, Которому поклоняются и Которого почитают христиане. Кто этот Бог? Ответом будет может быть, самое знаменитое в мире, новозаветное повествование, об Иисусе Христе. И когда это повествование доходит до своего кульминационного момента, – воскресения Иисуса из мертвых, для христиан это Бог, Который воскресил Иисуса. Вопрос: Какому Богу поклоняются и почитают христиане? Ответ: Тот, «Кто воскресил из мертвых Иисуса (Христа)» (Рим.4.24). Конечно, новозаветные писатели показывают совершенно ясно, что Тот Бог, Который «воскресил из мертвых Иисуса (Христа)», это Тот же Бог, Который вывел Израиль из Египта, но Новый Завет делает акцент на воскресении Иисуса.

Эту мысль можно без труда развить дальше. Воскресение Иисуса и сошествие Святого Духа в день Пятидесятницы рассматриваются новозаветными писателями в одном свете. Сложность их утверждений относительно связи между Богом, Иисусом и Святым Духом лишены четкой категоризации, но совершенно ясно, что «Бог» это Тот, Кто воскресил Иисуса из мертвых и теперь присутствует в Своей Церкви через Святого Духа. Во многих отношениях христианская формула «Отец, Сын и Святой Дух» (Мт.28.19, 2Кор.13.14) соответствует ветхозаветной формуле «Бог Авраама, Исаака и Иакова». Вопрос: О каком Боге вы говорите? Ответ: О Боге, Который воскресил Иисуса Христа из мертвых и теперь присутствует в Церкви через Святого Духа. Тринитарная формула точно определяет, о каком Боге мы говорим – это фактически имя собственное. Христианство вкладывает в эту одну точную фразу высочайшие моменты в истории спасения (воскресение и сошествие Святого Духа), когда Бог столь явно присутствовал и действовал в мире. Оно особо связывает Бога с этими событиями, точно так же, как Израиль связывал Бога и исходом из Египта. Оно

сосредоточивает наше внимание на событиях, в которых присутствие и деятельность Бога занимали центральное место и были всенародно показаны.

Учение о Троице является, таким образом, кратким повествованием связи Бога с нами. Оно повествует о том, как Бог сотворил и искупил нас. Оно выделяет основные события этой истории, утверждая, что это повествование об одном и том же Боге. Если бы вы рассказывали о каком-то великом современном государственном деятеле, скажем, Уинстоне Черчилле или Джоне Кеннеди, то вы бы сконцентрировали свое внимание на великих событиях в их карьере, на тех моментах, когда они вышли на сцену истории, чтобы изменить ее направление. Так и учение о Троице показывает те великие моменты в истории, когда Бог действовал и было видно, что Он действует. Оно утверждает, что Бог действует в Своем мире, что Он известен нам по Своим делам, и показывает, что сотворение, смерть и воскресение Иисуса Христа и сошествие Святого Духа являются поворотными моментами в Его связи с нами. Учение о Троице, таким образом, точно показывает, с каким Богом мы действительно связаны.

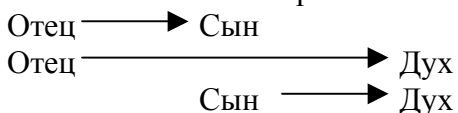
Второй вопрос вытекает из первого: как мы встречаем, как мы познаем, этого Бога? Где и как можем мы Его найти? Новый Завет дает два главных ответа на этот вопрос. Во-первых, Его можно найти в Иисусе Христе. И во-вторых, Его можно найти через Святого Духа. Как мы видели, Иисус Христос есть воплощенный Бог: видеть Его – это значит видеть Бога; встретить Его – это значит встретить Бога. Но мы можем справедливо спросить, как мы встречаем или познаем Иисуса Христа? Новый Завет отвечает: через Духа Святого. Дух Святой представляет нам Иисуса Христа, чтобы мы могли через Него иметь доступ к Богу Отцу.

Эта мысль особенно четко развита в Евангелии от Иоанна. Согласно этому Евангелию, Дух Святой был дан после воскресения с четкой целью прославления и откровения истины об Иисусе Христе (Ин.14.16—17; 16.13—14). Иисус Христос дает Своим ученикам Духа Святого, подчеркивая тесную личную связь между ними (Ин.20.22). Дух Святой ведет людей к познанию Иисуса Христа и к единству с Ним, и через это познание и единство с Иисусом Христом приходит познание и единство с Богом Отцом. Тесная связь между Отцом, Сыном и Святым Духом подчеркивается разными путями. Бог Отец посылает Сына (Ин.5.23), и Он же посылает Духа Святого во имя Сына (Ин.14.26). Или же, как говорится в другом месте Евангелия, Сын посылает Духа Святого (Ин.16.7). Это еще раз подчеркивается встречей между Иисусом Христом и учениками после воскресения, когда Сын ниспосылает на них Духа Святого (Ин.20.22). Сын исходит от Бога Отца (Ин.16.27), точно так же, как Дух Святой исходит от Бога Отца, посланный Сыном (Ин.15.26).

Эту сложную связь можно суммировать следующим образом:

- (1) Отец посылает Сына во имя Свое, и Сын подвластен Отцу.
- (2) Отец посылает Духа Святого во имя Сына, и Дух Святой подвластен Отцу.
- (3) Дух Святой посылается Сыном, и Он подвластен Сыну.

Графически это можно изобразить так:

Эта непрерывность связей между Отцом, Сыном и Святым Духом создает непрерывное звено между встречей или познанием Духа, Сына и Отца. Между Восточной и Западной Церковью ведутся давнишние дебаты (и, надо сказать, довольно безуспешные) по поводу того, исходит ли Дух Святой только от Отца или от Отца и Сына. Но этого спора мы не будем здесь касаться.

Важно также понять, что Новый Завет считает Святого Духа Духом Христа в той же мере, что и Духом Бога. Считается, что Дух находится в самой тесной связи со Христом, так что Его присутствие среди Христовых чад эквивалентно присутствию Самого Христа, точно так же, как присутствие Христа считается присутствием Самого Бога. Иными словами, встретить Сына – это значит встретить Отца, а не какого-то полубога или посредника. Это

утверждение очень важно: верующий наших дней может встретить живого Бога сам, а не через каких-то полубожественных или тварных посредников. Утверждение Божественности Отца, Сына и Духа не означает предположения, что существует три бога, но это просто означает, что встреча с этим Единым Богом может происходить разными путями, все из которых имеют одинаковую силу. Это значит, что Бог делает Себя доступным здесь и сейчас, прямо и лично. Нет ничего в истории, что не входило бы в спасительную цель Божию.

Учение от о Троице не объясняет, почему Бог может присутствовать таким особым образом, оно просто утверждает, что Бог присутствует и доступен таким путем. Любое представление о Боге, которое не допускает Его личного присутствия здесь и сейчас, не в состоянии оправдать богатства библейского свидетельства и христианского опыта познания Бога. Учение о Троице, как и о воплощении, не является произвольным и потерявшим силу предписанием какого-то собора. Оно является неизбежным результатом понимания богатства и сложности христианского опыта познания Бога.

Теперь мы видим, почему христиане говорят о Боге как о «триедином». Однако остается одна трудность, на которой следует здесь остановиться. Как может Бог быть одновременно в трех лицах и в одном? Это приводит нас к важному моменту, который часто остается не до конца понятным. Дело в том, что слово «лицо» изменило свое значение после III в., когда оно стало употребляться в связи с «триединством» Бога. Когда мы говорим о Боге как о лице, мы естественно думаем о Нем как об одном лице. Но такие богословы, как Тертуллиан, писавшие в III в., употребляли слово «лицо» в другом его значении. Слово «лицо» (латинское – «персона») означало сначала личину актера, т.е., роль, которую актер исполнял в пьесе.

Утверждая, что было три лица, но только один Бог, Тертуллиан утверждал, что все три главные роли в великой драме человеческого искупления исполняются одним и тем же Богом. Каждую из этих ролей Бог может раскрыть разными путями, но в каждом случае это один и тот же Бог. Итак, когда мы говорим о Боге как об одном лице, мы имеем в виду одно лицо в современном смысле этого слова, а когда мы говорим о Боге как о трех лицах, мы имеем в виду три лица в древнем смысле этого слова. Это единый Бог, Который составил и выполняет великий план спасения, кульминацией которого является Иисус Христос. Это Он присутствует и действует на каждой стадии его длинной истории. Путаница этих значений слова «лицо» неизбежно приводит к мысли, что Бог является комитетом, который, как мы видели, является совершенно неправильным, приводящим к путанице в представлениях о Боге.

Бог – Троица

Большинство христиан редко говорят о Троице, но они много говорят о Боге. Это простое наблюдение часто не замечается, потому что оно фактически касается цели и места учения о Троице. Потому что, когда христианин говорит о «Боге», понятие Бога, о Котором он говорит, оставаясь совершенно нераскрытым, оказывается тринитарным. Иными словами, христианская идея Бога подразумевает триединство, и дело богословов сделать ясным то, что уже подразумевается.

Приведем несколько примеров. Христиане молятся Богу почти что инстинктивно, это приходит к ним естественно. Когда они становятся на колени, чтобы помолиться, они осознают, что каким-то образом (что трудно выразить словами) Бог фактически побуждает их молиться. Бог как бы работает в них, создавая в них желание молиться, или обращаться к Нему коленапоклоненно и с любовью. Но этому же Богу они и молятся! Такая же ситуация возникает и во время богослужения. Мы осознаем, что Бог, Которого мы восхваляем, каким-то образом Сам побуждает нас изнутри восхвалять Его. Богословы выразили эту тайну (но, конечно же, не объяснили) в формуле «Отцу через Сына и в Святом Духе». В молитве и поклонении в равной мере мы как бы вступаем в присутствие Отца, через посредство Сына, силою Святого Духа.

Но зачем простому верующему становиться богословом, хотя некоторые действительно считают академическое богословие хорошей замечательной и необходимой вещью?

Обычный верующий хочет сохранить свою веру простой, и это его желание надо уважать. Но в основе этой веры лежит отнюдь не простое понятие о Боге! Когда богослов начинает раскрывать понятие о Боге, которое лежит в основе новозаветного свидетельства и христианского опыта, возникает исключительно сложная идея, которая требует больших усилий человеческого ума. Вспомним аналогию с айсбергом: только часть его видна на поверхности, а когда мы начинаем смотреть глубже, то оказывается, что многое остается скрытым от нашего глаза. Так и с Богом. Оказывается, что Бог, в Которого верующий, просто верит, обладает скрытыми глубинами.

Приведем еще один пример. Предположим, что вы включаете радио или телевизор. Он сразу же начинает получать передачи, улавливая радиоволны от передатчика и превращая их в звук и изображение. Вашим простым действием было просто нажатие кнопки. Но в основе этого простого действия, которое позволяет вашему приемнику получать эти сигналы, лежат теория электромагнитного излучения и технология интегральных схем, о которых большинство из нас ничего не знает. Но нам и не надо знать о них, чтобы использовать наши телевизоры. Если бы мы вникли в детали работы нашего телевизора, чтобы понять, что происходит, когда мы включаем его, то столкнулись бы с очень сложными вещами. Так и вера в Бога для учения о Троице является тем же, что нажатие кнопки для теории электромагнитного излучения и технологии интегральных схем. Мы можем сохранить нашу веру простой или же можем проникнуть в ее глубины, но если мы предпочтем последнее, то обнаружим, что учение о Троице уже существует и присутствует, возможно скрыто, в нашей простой вере в Бога, Который воскресил Иисуса Христа из мертвых.

Простого верующего может удовлетворить утверждение, что Бог искупил его через Иисуса Христа и что он молится и поклоняется Богу, Который искупил его таким чудесным образом. Но в основе этого обманчиво простого исповедания веры очень находится сложная идея Бога. И если упростить эту идею Бога, то останется не простая вера, а вообще никакой

веры не будет! Для ясности возьмем простую идею Бога, иногда называемую «классическим тезисом», которая считает Бога бессмертным, невидимым, всемогущим и вездесущим, сотворившим этот мир, однако, не участвующим в нем. Такого рода идея Бога лежит в основе греческой и римской богословской мысли, как и некоторых современных движений (как деизм и унитаризм). Такое представление о Боге не вызывает интеллектуальных проблем. Его легко понять, оно не включает в себя такие трудные идеи, как Божество Христа или учение о Троице. Именно такого рода представление о Боге было столь привлекательным для Джеймса Джефферсона, как мы это видели выше.

Но что предполагает такое представление о Боге? Оно предполагает Бога, Который находится вне пространства и времени и не может участвовать в них. Оно предполагает Бога, Которого мы должны найти, а не Бога, Который Сам открывает нам Себя. Он предполагает Бога, Который всегда находится вне нас, а не Бога, Который приходит и встречает нас повсюду, где мы есть. Оно предполагает статического, а не динамического Бога. Оно предполагает Бога, Который сотворил Свой народ, но не может искупить его. Короче говоря, это представление о Боге ничего не имеет общего с Богом, Который открывается нам через Священное Писание, через смерть и воскресение Иисуса Христа и через христианский опыт. И как мы знаем из истории, именно против этого представления о Боге ранняя церковь разработала свое учение о Троице, чтобы не допустить смешения «Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа» (1Пет.1.3) Это искаженное представление о Боге поставило христианскую Церковь перед выбором: либо признать, что Бога можно понять, но Он не мог искупить, либо же Бог мог искупить, но понять Его нельзя. И, как показала история, Церковь выбрала правильный путь, потому что третьего пути не было.

Понятие о Боге, которое мы называли «классическим теизмом», становится, таким образом, легче понять, но он совершенно не соответствует библейскому свидетельству и христианскому опыту познания Бога. Христиане знают Бога как живого, активного, как кого-то, кто жив, а не как статическую вещь «где-то там». Простая вера знает Бога живого, Который открывается нам и встречает нас – но легкого пути описать этого Бога не существует. Иными словами, когда мы пытаемся концептуализировать эту простую веру, то обнаруживаем, насколько сложно и богато христианское понимание Бога.

В XVI в. было много дискуссий по поводу идентичности и значения Иисуса (хотя эти идеи восходят к Евсевию Кесарийскому), часто называемым «триединым служением Христа». Идентичность и значение Иисуса можно выразить в тринитарной формуле «пророк, священник и царь». Пророческое служение включает в себя учение Иисуса и Его чудеса; священническое – Его жертву за грехи человечества на кресте и постоянное заступничество воскресшего Христа за Свой народ; царское господство воскресшего Христа над Своим народом.

Эти три категории считались удобным обобщением всего, что сделал Иисус Христос, чтобы искупить Свой народ. Иисус является Пророком (Мк.21.11; Лк.7.16), Священником (Евр.2.17; 3.1) и Царем (Мф.21.5; 27.11), соединившим в одном Своем лице три великих служения Ветхого Завета. Иисус есть Пророк, Который, подобно Моисею, видел Бога «лицом к лицу» (Втор.34.10); Он есть Царь, Который, подобно Давиду, установил Свое господство над народом Божиим (2Цар.7.12—16); Он есть Священник, Который очищает Свой народ от их грехов. Таким образом три дара, принесенные Иисусу волхвами (Мф.2.1—12), понимались как отражение этих трех функций.

Что же, тогда, понимается под словами, что Иисус есть «пророк, священник и царь?» Разве это три индивидуума, называемые Иисусом Христом? Конечно, нет! Это значит, что один индивидуум, Иисус Христос, Который принимает на Себя функции этих трех великих ветхозаветных служений. Эту идею можно изложить более точно, если употребить библейские модели Бога, о которых мы говорили выше. Когда мы говорим, что Иисус Христос является «Пророком, Священником и Царем», мы в сущности говорим о тех главных моделях, чтобы показать всю важность для нас Иисуса. Если взять только одну или

две из этих моделей, то это приведет к неполному и неправильному пониманию Иисуса Христа.

Например, если Иисуса Христа считать Пророком, но не Священником или Царем, то Его идентичность и важность умяются до религиозного учителя. Если считать Его Пророком и Царем, но не Священником, то Он становится авторитетным религиозным учителем, Который властвует над теми, кого Он учит, но Он не искупает. Только соединив все эти три модели, можно получить подлинно христианское понимание идентичности и значения Иисуса Христа: Он Тот, Кто искупает Свой народ, Кто наставляет его и Кто царствует над ним.

А теперь возвратимся к понятию Бога как «Отца, Сына и Святого Духа». И здесь три главных модели помогут правильно выразить всю глубину христианского опыта и понимания Бога. Ни одна из этих картин, образов или моделей, в отдельности, а только все эти три модели вместе могут правильно выразить и сохранить христианское понимание Бога.

Первая модель – это модель трансцендентного Бога, Который находится вне мира как его источник и Творец. Вторая – это модель человеческого лица Бога в образе Иисуса Христа; третья – это модель имманентного Бога, Который присутствует и активно действует во всем Своем творении. Учение о Троице утверждает, что эти модели вместе определяют существенное христианское понимание Бога, Который воскресил Иисуса Христа из мертвых. Ни одна из них в отдельности не может передать богатства христианского понимания Бога.

Здесь надо указать на различие, которое надо сделать, чтобы избежать признания в Иисусе Христе одного лица. Это различие между реальным Богом и путем, которым Он действует и открывает Себя в истории. В Священном Писании особое внимание уделяется пути, которым Бог действует в истории, как например, в сотворении, искуплении и ниспослании Святого Духа в день Пятидесятницы. У случайного читателя может создаться впечатление, что Бог является Отцом в этот момент времени (например, при сотворении) и Сыном в тот момент времени (например, на Голгофском кресте). Иными словами, может создаться впечатление, что Бог является Отцом до рождения Иисуса, Сыном до Пятидесятницы, а потом Святым Духом. Учение о Троице фактически утверждает, что все действия Бога отражают извечное самооткровение Бога в истории: Он есть Отец, Сын и Святой Дух в одно и тоже время. Можно подчеркивать в одних Его действиях, что Он Отец, в других – что Он Сын, но Он всегда действует как Троица. Так, даже при сотворении мы находим, что Он действует как Отец, Слово и Святой Дух (Быт. 1.1—3).

Если бы Бог был просто «Отцом», то мы должны были бы считать Его далеким по месту и времени Творцом этого мира, Который непосредственно не участвует в его делах. Он бы управлял этим миром с неба, подобно генералу, командующего своими передовыми войсками из далекого бомбоубежища. Но христиане знают, что Бог совсем не такой. Если бы Бог был просто «Сыном», то мы должны были бы считать Его идентичным Иисусу Христу: Иисус есть Бог, и Бог есть Иисус. Все от Бога сосредоточено в Иисусе, подобно миллиардам кварт в пинтовой кружке. Но христиане знают, что Бог совсем не то. Иисус Христос не обращался к Себе, когда молился. И Новый Завет особо подчеркивает это различие между Отцом и Сыном: Бога-Отца и Иисуса Христа нельзя отождествлять. Если бы Бог был просто Святым Духом, то мы должны были бы считать Его частью мира природы, участвующим в естественном процессе, или таким, каким Его представляют идеалистические философы XIX в. Но христиане знают, что Бог совсем не то. Он не является частью естественного процесса, а находится над ним и в нем.

Итак мы должны признать необходимость соединить эти три модели или представления о Боге в одно целое, если хотим правильно понять христианский концепт Бога, каждая из этих моделей является отправной точкой, а две другие добавляют перспективу и глубину этого понимания. Говорить о Боге как Отце, это значит говорить об одномерном Боге; говорить о Боге как Отце и Сыне – это значит говорить о двухмерном Боге; но говорить о Боге как Отце, Сыне и Святом Духе – это значит говорить о трехмерном

Боге, Боге, Которого мы встречаем в реальном мире. Отец, Сын и Святой Дух являются главными строительными блоками христианского понимания Бога.

Конечно, было бы проще, если бы мы могли описать Бога при помощи одной из этих моделей. К сожалению, христиане должны принимать Бога таким, как Он есть, а не каким бы им хотелось, чтобы Он был. Наши интеллектуальные схемы должны приложить большие усилия, чтобы вместить в себя Бога, подобно старым мехам, которые должны вместить в себя молодое вино. Мы уже показали, как трудно выразить словами Бога. Если человеческие слова не могут до конца описать аромат кофе, если применить здесь знаменитую аналогию Уиттгенштейна, то насколько труднее им описать Бога! Те, кто говорит о «нелогичности» учения о Троице, по-видимому, исходят из предположения, что если чего-то нельзя понять, то именно потому оно неверно. Они кричат: «Противоречие!» и надеются что все откажутся от того, что представляется в том или ином смысле противоречивым. Но реальность не такова.

Современная наука признает фундаментальную таинственность реальности, и в лучшем случае мы можем надеяться частично понять или представить себе, какова она на самом деле. Просто потому, что мы можем только частично понять, что из себя представляют вещи, неизбежно возникает то или иное противоречие. Приведем пример природы света. До начала XX в. было ясно, что свет ведет себя очень странно, иногда, как волна, а иногда, как частица. «Противоречие!», восклицали ученые, «это совершенно две разные вещи». Но благодаря развитию квантовой теории, оказалось, что это противоречие выражало трудность понимания истинной природы света. Иными словами, оно возникло не из-за света, а из-за наших трудностей понять что есть свет. Теперь возвратимся к моделям Бога. Природа света такова, что надо использовать две противоречащие модели для объяснения его поведения. Одной модели было не достаточно, и тогда использовали две – модель «волны» и модель «частицы». Трудность возникла в связи с тем, как мы «изображаем» или воспринимаем свет, а не в связи с самой природой света. Так и с учением о Троице. Как и свет, Бога очень трудно «изобразить». Трудность возникает просто в связи с тем, как мы думаем о Боге. И где необходимы были две противоречащие модели света, чтобы объяснить его поведение (до развития квантовой теории), то для объяснения, как христиане встречают и узнают Бога, потребовалось три «противоречащие» модели.

Пойдем немного дальше. Большинство из нас знает, что такое свет без необходимости думать о волнах, частицах или квантовой теории. Свет – это то, что нам нужно, чтобы видеть, выполнять свои повседневные дела, читать и писать. Он исходит от солнца и, в меньшей степени, от луны. Мы получаем его от включения электрической лампочки или дневного искусственного света. Если бы мы были физиками, то могли бы представить себе его более детально и вникнуть во все его сложности, т.е., начать говорить о волнах, частицах и квантовой теории. Но нам нет необходимости это делать, чтобы использовать свет или узнать его, когда видим его.

Так и большинству из нас, кто знает, что такое Бог, нет необходимости думать о Троице. Бог сотворил мир и нас. Он есть «Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа». Он воскресил Иисуса Христа из мертвых. Он стучится в дверь нашей жизни, смиренно прося впустить Его. Ему мы поклоняемся и Его мы почитаем и Ему мы молимся и т.д. А если бы мы были богословами, то могли бы размышлять о Нем более детально, что привело бы к учению о Троице, и тогда бы мы начали говорить об Отце, Сыне и Святом Духе. Но нам не надо делать этого, чтобы встретить и узнать Его, как и не надо нам быть исследователями природы света, чтобы включить автомобильные фары. Не учение о Троице лежит в основе христианской веры, а живой Бог, Которого мы встречаем через Иисуса Христа силою Святого Духа, – Бог, Который есть Троица.

Итак, как же нам соединить эти три модели Бога в одно целое? Может быть, потому что я ирландец, одним из самых почитаемых мною людей является св. Патрик, покровитель Ирландии. Он провел аналогию связи между Богом и Троицей с трилистником, несколько похожим на клевер и люцерну. Все три части листа составляют основную часть этого листа,

но сам лист больше своих частей. По этой аналогии Бог является листом, а три его части отдельными лицами Троицы. Такую же аналогию можно провести с треугольником, имеющим три стороны, с семьей, состоящей из двух родителей и их ребенка. Отдельные лица Троицы – Отец, Сын и Святой Дух – соединяются, создавая одно целое, в котором они, трансцендентно, создают более высокое целое. Так, когда мы думаем о Боге, мы не думаем о трех отдельных богах, а думаем о Едином Боге, Которого узнаем и встречаем в трех лицах одновременно.

Приведем еще одну аналогию. Представьте себе реку, может быть, большую, как Нил или Миссисипи, когда она впадает в море, может быть, через широкое устье. Вы хотите увидеть ее истоки и узнать, где они находятся. Предположим, что у вас есть маленькая лодка, которую вы вводите в устье и начинаете плыть вверх, чтобы проследить течение реки до ее истоков, подобно великим экспедициям прошлого века, которые отправились на поиски истоков Нила. Вы начинаете с того места, в котором река впадает в море, и плывете по ходу ее течения, пока, наконец, (может быть очень скоро!) не понимаете, что в большое озеро, в которое вы только что вошли, не впадают и из него не вытекают никакие другие реки. Вы проследили путь реки до ее истоков.

Что же из всего этого следует? Первое это то, что устье, течение и источник, все они являются частями одной и той же реки. Все вместе они составляют эту реку и отсутствие одной из них немыслимо. Река должна иметь устье, течение и источник, из которого она вытекает, или озеро. Богослов XIX в. Ансельм Кентерберийский использовал эту аналогию реки Нила для объяснения Троицы.

Однако второе более важно. Мы начали искать источник реки в том месте, где она встречается с морем, где ее течение, или поток, впадает в море. И именно это место позволило нам попасть в течение самого потока. И именно течение направляло нас к источнику и явилось местом, где лодка могла безопасно плыть. И наконец мы достигаем источника, здесь конец нашему путешествию. Разве вы не видите, что сама река – от устья до источника – направляла наш путь и явилась средством достижения нашей цели? В каждой точке нашего путешествия сама река помогала нам в наших поисках, указывая нам направление и предоставляя средство передвижения. Хотя целью нашего путешествия был источник реки, каждая точка на этой реке – будь то устье или ее течение – исходила из того же источника. Мы уже встретились с водой этого источника, когда вошли в устье реки. Может быть, не сразу поняли, что это была вода из источника реки, но несомненным остается, что это была та же самая вода.

Подобным образом и с учением о Троице. Оно утверждает, что даже когда мы начинаем искать Бога, именно Бог помогает нам найти Его. Именно Бог ставит нас на правильный путь, направляет нас и дает нам необходимое средство, чтобы найти его. Бог с самого начала и до конца участвует в наших поисках Его, нашей встрече с Ним. Может быть, мы не до конца узнаем, кто Он и что Он делает, но несомненным остается, что Он участвует в этом процессе. Бог является как целью, так и средством, которым мы находим Его. Мы приходим к Отцу через Сына силою Святого Духа. На каждой стадии Бог уже там. И именно такое понимание учения о Троице предохраняет нас от признания ложных представлений о Боге.

И в заключение надо сказать, что очень трудно найти аналогию учения о Троице – просто потому, что оно единственное в своем роде. Действительно, нет ничего, что могло бы дать правильное представление о Троице хотя мы надеемся, что пролили какой-то свет на нее, подходя к ней с разных сторон. Раньше мы говорили об опасности смешивания описания Бога с реальностью Бога. Всегда есть опасность впасть в то же заблуждение относительно Троицы, смешивая описание Ее (как лист трилистника или реки) с самой Троицей, отвергая, может быть, Троицу потому, что нас не убеждают приводимые аналогии с ней. И, может быть, надо еще раз подчеркнуть таинственность Бога, но не для того, чтобы охладить интерес к размышлениям о Нем, а просто чтобы показать, что мы никогда не сможем адекватно Его описать.

В этой книге мы пытались раскрыть христианское понимание Бога: как мы говорим и думаем о Боге, идею «личного Бога» и, наконец, учение о Троице. Несомненно, что о них можно еще много сказать, и бесспорно намного лучше. Однако, подходя к концу, нам надо сделать обобщение великих тем, рассмотренных в этой книге.

Всесильное имя Троицы

Однажды моя жена и я решили купить сыну какое-нибудь домашнее животное. Мы долго думали и наконец наш выбор пал на кроликов. С начала мы купили небольшую книжечку о кроликах. Оно оказалась очень полезной. В ней описывались разные породы кроликов, о которых мы никогда не слышали, включая фламандских. Читая об этих огромных кроликах, я обратил внимание на одну фразу: «Осторожно: эти кролики слишком большие для детей». И далее книга рекомендовала в качестве идеальных животных для детей карликовых кроликов, которые умещаются на ладони.

Разве не так мы часто думаем о Боге? Мы пытаемся сделать из Него то, с чем мы можем справиться, чем можем управлять, тогда как на самом деле Бог есть Бог, и мы не можем управлять Им. Так, Лютер однажды сказал: «Это Бог управляет нами, а не мы управляем Им!» Мы же пытаемся относиться к Нему, как к чему-то, что мы можем приучить.

В каком-то смысле и учение о Троице построено на нашем предположении, что мы можем вместить Бога в наши упрощенные системы. Но Бог не вмещается на ладони, так чтобы мы могли удерживать Его под своим контролем! Подобно дикому западному ветру в «Оде» Шелли, Он – неуправляем. Очень много философов рассматривали Бога как своего рода биологический экспериментальный экземпляр, который можно положить под микроскоп и изучать его как нам удобно и в условиях, которые мы выберем.

Мы уже говорили в этой книге, что богослов это не геолог, изучающий камни, или палеонтолог, исследующий ископаемые, – им надо пойти и найти свои камни и ископаемые. Богослова же можно скорее сравнить с исследователем редких бабочек. Ему надо найти и поймать свои экземпляры. В противоположность камням и ископаемым, бабочки очень быстрые и отнюдь не хотят быть пойманными! Богослов должен признать, что инициатива находится в руках Бога. Мы можем видеть намеки или слышать разговоры о существовании и природе Бога из окружающего нам мира, но полное самооткровение Бога происходит так, как Он этого хочет. Иными словами, Бог предстает перед нами особым образом, и мы должны принять Его таким как Он есть, и именно там, где Он открывается нам. Как мы сказали выше, Бог – это не идея, о которых мы можем рассуждать в университетских аудиториях, Он есть живой Бог, Который сотворил мир и нас и Который упорно отказывается лечь на наши богословские анатомические столы.

Учение о Троице является ответом христианской Церкви с первых веков ее существования, когда она приняла и старалась осмыслить самооткровение Божие. Всем нравятся простые религии, и всегда есть соблазн сделать христианскую религию как можно проще для понимания. Но всегда существует предел для упрощения чего-то сложного. Постарайтесь представить себе нечто очень сложное, вам хорошо известное, и подумайте, как объяснить его самым простым образом кому-либо другому. Вы почти несомненно сверхупростите свое объяснение и, может быть, подумаете: «Это совсем не то, о чем я говорю, но если я буду говорить иначе, вы просто не ничего не поймете». Гораздо легче думать о Боге в простых выражениях, как предположим, о великом властелине вселенной, далеко отстоящем от этого мира. Но это уже не просто сверхупрощение христианского понимания Бога, а серьезное искажение его. Действительно простые проблемы были фактически придуманы людьми.

Христиане же отвечают Богу, открывшему Себя в Священном Писании, в христианском опыте и в жизни, смерти и воскресении Иисуса Христа. Если бы христиане придумали идею Бога, то они, конечно же, могли бы сильно упростить ее, но дело в том, что они не придумали ее. Они не управляют ни Богом, ни путем Его самооткровения. Это то, что

«дается», что уже существует даже до того, как они начинают размышлять об этом. В XI в. Ансельм Кентерберийский выразил это в формуле «вера, ищущая понимания». Иными словами, сначала приходит вера, а потом мы должны стараться понять ее.

Представьте себе, что вы внезапно увидели айсберг, плывущий по направлению к вам. В каком-то смысле встреча с самооткровением Бога подобна встрече с айсбергом. Он уже существует, и когда мы встречаемся с ним, мы можем выяснить, какой он. Но мы не можем утверждать, каким он должен быть; мы должны принять его таким, как он есть. Также мы не можем придумать то, что уже существует независимо от нас. Образ Бога, который мы придумываем, это не более чем идол, и поэтому столь важно было для новозаветных писателей, что Иисус – это Богом данный образ Бога (1Кол.1.15) Иными словами, мы уполномочены Богом использовать этот Его образ. Это образ, который был дан нам Богом, а не придуман или построен нами.

Когда мы размышляем о Боге, мы можем сделать две вещи. Мы можем придумать образ Бога, заявляя каким Бог должен быть в свете сказанного о Нем в истории, либо мы можем принять Бога таким, каким Он Сам открыл Себя. Трудность первого пути в том, что он не реалистичен. Если посмотреть на идеи, которые люди имели в истории, то они действительно ничего не имеют между собой общего. Западная философия ставила акцент на идее Бога, которая иногда называется «классическим теизмом», но это не имеет ничего общего с идеей Бога индуизма, буддизма или африканских племенных религий.

Слишком уж часто западные философы исходили из предположения, что они точно знают, что такое Бог, исходя из своих представлений о вселенной и чтению платоновских диалогов, и потому они могут говорить обо всем, что говорят другие о Боге. Они как бы имеют доступ к своего рода непогрешимому источнику знания о Боге, который позволяет им критиковать всех, чьи взгляды не сходятся с их взглядами, как «философски наивные». Однако Бог всегда оказывался загадкой для человеческого ума. Все человеческие утверждения о Боге, будь то христианского верующего или профессионального философа, основываются на вере. И это одна из причин, почему самооткровение Бога является такой благой вестью.

Против тенденции людей придумывать или строить свои собственные идеи Бога и затем превозносить их (что является идолопоклонством) или заявлять, что они достойны признания (что является рационализмом), мы можем выдвинуть волнующее и глубоко проникновенное христианское понимание, что Бог взял инициативу в Свои руки, когда открыл Себя нам. Кто и что такое Бог – это вопросы, на которые Бог решил Сам ответить и сказать свое последнее слово. Христианские мыслители, таким образом, пытаются говорить о Боге как о том, Который Сам открыл Себя в Священном Писании, особенно в его свидетельстве об Иисусе Христе. И они имеют полное право не признавать критику тех, кто считает их «философски наивными». В конце концов, философы, которые даже не могут прийти к общему мнению относительно существования Бога, не имеют какого-то личного и непогрешимого источника, которого не могут иметь другие.

Для некоторых современных критиков совершенно очевидно, что учение о Троице основывается на ряде вопиющих ошибок, включая (если назвать самые очевидные) математическую путаницу и философскую неискусность. Некоторые из этих критиков, по-видимому, думают, что какой-то первохристианский собор сформировал свое понимание Бога и, будучи не в состоянии прийти к единому мнению относительно количества частей, из которых состоит Бог, остановились на числе между одним и десятью и решили, что число три будет самым разумным компромиссом. Подобно белой королеве из «Зазеркалья» Льюиса Кэрролла, которая верила в шесть невозможных вещей каждый день перед завтраком, они получали определенное удовольствие от абсурдности своих идей. По мнению этих критиков христианское понимание Бога, будучи как раз одной из таких вещей, умаляло Бога и, потому, было решено несколько увеличить число частей, составляющих Бога, чтобы подчеркнуть Его величие и превосходство над другими богами. Первохристиане, конечно же, были очень примитивными людьми, а как показали последние научные открытия,

примитивные люди могли считать только до трех. Иными словами, они понимали «три», как мы понимаем «бесконечность», так что утверждение, что «Бог триедин» на самом деле означало, что «Бог бесконечен». Так появилась идея триединства Бога как выражение бесконечного превосходства христианского Бога над другими богами.

Но наука продвинулась вперед после 1890-х годов! Было обнаружено, что примитивные люди умели считать гораздо дальше, чем до трех. И, во всяком случае, стало совершенно ясно, что учение о Троице не имеет никакого отношения к математике, а было попыткой выразить полноту и богатство христианского опыта и понимания Бога. Оно пытается понять тайну Бога в форме слов, чтобы выразить всю глубину ее понимания в формуле. Оно является «твердой пищей для философии, но молоком для веры» (Джон Донн). Для христианского опыта познания Бога учение о Троице это то, что грамматика для поэзии; оно устанавливает структуру, рамки, которые позволяют нам понять то, что далеко превосходит их. Оно является скелетом, поддерживающим плоть христианского опыта. Христианский опыт познания Бога уже существовал задолго до того, как было сформулировано учение о Троице, но это учение поясняет этот опыт и помогает нам понять, что мы познаем. Оно толкует наш опыт познания Бога как опыт познания Бога. Оно устраняет неадекватные и ошибочные идеи Бога, которые стоят на Его пути. Подобно прокапыванию канала для более свободного течения потока, учение о Троице прокапывает каналы в наших умах, устраняя препятствия (как околехристианские идеи Бога), которые встают на пути Бога, когда Он идет на встречу к нам.

Таким образом, учение о Троице является последним христианским словом об Боге. Мы не начинаем с него, а мы кончаем им. Когда вы пытаетесь объяснить кому-то христианскую религию, последнее о чем вы будете говорить, это будет о Троице. Вы начнете говорить об Иисусе Христе, о Его смерти на кресте и воскресении, либо же будете говорить о возможности встречи или опыте познания Бога здесь и теперь. Но даже если вы начинаете говорить о Боге таким образом, вы говорите о Нем в рамках, установленных учением о Троице. Можно сказать, что учение о Троице скрыто присутствует в вашем разговоре о Боге, а богословы только объясняют, то что уже существует. Учение о Троице не было придумано – оно было не раскрыто до определенного времени. Оно подразумевается в христианском размышлении о Боге, и богословы только делают его ясным. Это подобно составлению карты, которая показывает все черты местности, позволяя тем самым установить, как они связаны между собой. Эти связи уже есть; карта просто помогает нам яснее показать их.

Какова же, тогда, важность учения о Троице? Как-то Луи Армстронга спросили, что такое джаз. «Если вы спрашиваете, что это такое, то никогда не узнаете!», ответил он. И люди часто спрашивают, кто или что такое Бог и надеются получить более ясный ответ. Учение о Боге это резюме христианского ответа на вопрос, кто или что такое Бог. Оно подобно краткому изложению истории, рассказу о нашем искуплении через смерть и воскресение Иисуса Христа. Оно выделяет главные моменты в этой истории, рассказывая о нашем сотворении, нашем искуплении и нашем возрождении. Но это рассказ об одном и том же Боге, Который сошел с неба, чтобы встретить Свое творение, где оно есть, чтобы вернуть его к Себе. Это краткое изложение необходимости для нас Бога, того, что Бог делает для нас. Это заявление, что тот же Бог, Который таким чудесным образом сотворил нас, действовал даже более чудесным образом, чтобы искупить нас.

Одним из самых сильных христианских церковных гимнов является древнеирландский гимн, обычно приписываемый св. Патрику, покровителю Ирландии. В этом гимне верующему постоянно напоминает о богатстве и глубине христианского понимания Бога и о том, что именно этот Бог связан с верующим через веру:

Я исповедую сегодня
Всесильное имя Троицы,
Признавая Ее единой
Три в Одном и Один в Трех.

Именно сила и присутствие этого Бога позволяет христианину держаться на высоте в мире тьмы и греха.

Затем гимн описывает широкую панораму дел Бога в истории. Верующему напоминает, что Бог, Которого он дерзает делать своим через веру – это тот же самый Бог, Который сотворил землю, и когда верующий созерцает чудеса природы, он может понять, что Бог, присутствие и сила Которого действуют в мире природы, это тот же самый Бог, присутствие и сила Которого действует в его собственной жизни.

Я исповедую сегодня
Силу освещенного звездами неба,
Славный луч солнца, дающий жизнь,
Белезну луны на ночном небе,
Сверкание молнии,
Стихийные удары пронсящегося ветра,
Твердую землю, глубокое соленое море
Вокруг древних вечных скал.

Затем наше внимание обращается на работу Бога в искуплении. Тот же самый Бог, Который сотворил мир – землю, море, луну и звезды – действовал в Иисусе Христе, чтобы искупить нас. В истории Иисуса Христа, от Его воплощения до Его второго пришествия, мы можем видеть, как действует Бог, чтобы искупить нас. И это действие мы принимаем и делаем своим через веру.

Я исповедую сегодня и на всегда
Силою веры воплощение Христа;
Его крещение в Иордане;
Его смерть на кресте ради моего спасения;
Его восстание из помазанного миром гроба;
Его восхождение по небесному пути;
Его пришествие в день страшного суда:
Я исповедую сегодня и навсегда.

Верующий призывается подумать об истории Иисуса Христа: Его воплощении, крещении, смерти, воскресении, вознесении и окончательном пришествии в последний день. Все это, утверждает Патрик, является действиями того же самого Бога, Который сотворил нас, когда Он идет встретить нас через Иисуса Христа. Все это было сделано ради нас, грешных тварей, которых пожалел милостивый Бог.

И, наконец, Бог, Который сотворил вселенную и искупил нас через великую последовательность событий, кульминацией которых явился Иисус Христос, – это Тот же самый Бог, Который с нами здесь и теперь, который встречает нас и остается с нами до скончания века:

Я исповедую сегодня
Силу Божию меня держать и вести,
Его глаза следить за мной,
Его силу удержать меня,
Его ухо услышать мою нужду;
Мудрость моего Бога учить,
Его руку могущую направлять,
Его щит способный защищать,
Слово Божие, чтобы дать мне речь,
Его небесное воинство, чтобы меня охранять.

Именно об этом Боге свидетельствует Священное Писание и Его познает человеческий опыт – Бога, Который взрыхлил почву человеческого мышления, заставляя расширить наши идеи и категории до их возможного предела, чтобы хотя бы приблизиться к Нему. Это не тот Бог, Который заводит мир, подобно часовому механизму, а затем предоставляет его самому себе; это не тот Бог, Который спускает свои повеления с

олимпийских высот; это не тот Бог, Который растворился в естественном процессе и не отличим от него; но это тот Бог, Который открывает Себя нам и делает Себя доступным через смерть и воскресение Иисуса Христа, «Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа».

В этой книге мы дали основы для христианского понимания Троицы. Мы старались раскрыть учение о Троице, показывая пути, которыми христиане размышляют и говорят о Боге, Который встречает нас и предаёт Себя нам в Иисусе Христе. Читатель, который захочет узнать об этом учении больше, может прочесть книги, которые мы предлагаем с списке литературы в конце. Основы, которые были изложены в этой книге, могут быть развиты дальше, и можно сказать еще гораздо больше чем мы смогли это сделать в этой книге. Однако, мы надеемся, что у читателя появится желание глубже задуматься над этим трудным учением христианской веры.

Учение о Троице обобщает исключительно богатые и с трудом достигнутые проникновения христианских верующих в природу Бога. Для богослова оно является защитой против неправильного понимания Бога; для верующего же оно является напоминанием о величии и тайне Бога, предавшего Себя смерти на кресте. Оно помогает нам не то чтобы понять Бога, а позволяет избежать неправильных путей размышления о Нем. Встав перед выбором между придуманным Богом, Которого нельзя понять, Церковь без колебаний избрала второй путь. Верующему, конечно же, будет легче говорить о «Боге», чем о «Троице», и его не надо критиковать за это. Но когда этот верующий начинает размышлять о Боге, Которому он поклоняется и Которого почитает, его мысли обратятся к «все сильному имени Троицы». Именно здесь, заканчивается долгий процесс размышлений о Боге, когда мы начинаем понимать, что дальше мы идти не можем. И именно здесь размышления уступают дорогу поклонению и почитанию.

Свят, свят, свят Всемогущий Господь Бог!
Все Твои дела да восхвалят имя Твое
На земле, на небе и на море;
Свят, свят, свят Всемиловитый и Всемогущий,
Бог в трех Лицах, Пресвятая Троица!

(Епископ Реджинальд Хебер)

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Для введения к пониманию идентичности Иисуса Христа, которое заложено в учении о Троице, см.: Alister McGrath, «Understanding Jesus» (Eastbourne, Kingsway Publication, 1987).
Остальные предлагаемые книги имеют более академический характер, но они позволят интересующемуся читателю развить дальше аргументы, приведенные в нашей книге.
2. О дискуссии об аргументах за и против существования Бога см.: Hans Kung, «Does God Exist?» (London, Collins, 1980) Richard Swinburne, «The Existence of God» (Oxford, Clarendon Press, 1979).
3. О дальнейшей дискуссии о «моделях» Бога см: Ian T. Ramsey, «Models and Mystery» (Oxford, Oxford University Press, 1964).
4. Ed. F. W. Dillistone «Talking about God: Models, Ancient and Modern» «Myth and Symbol» (London, SPCK, 1966), pp. 76—97.
5. О замечательных дискуссиях об аспектах учения о Боге см.: J. I. Packer, «Knowing God» (London, Hodder and Stoughton, 1973). Ronald H. Nash, «The Concept of God: An Exploration of Contemporary Difficulties with the Attributes of God» (Grand Rapids, Mich. Zondervan, 1983).
О дальнейшей дискуссии об учении о Троице, где прекрасно излагаются основы этого учения. В этом кратком труде прекрасно излагаются библейские основы учения о Троице:
6. E. Calvin Beisner, «God in Three Persons» (Wheaton, Ill, Tyndale Press, 1984).
7. Eds. Carl E. Braaten and W. Jensen, «Christian Dogmatics» (Philadelphia, Penn., Fortress Press, 1984), vol. I, pp.83—191
Это важное эссе исследует место учения о Троице в систематическом богословии.
8. Royce Gordon Gruenler, «The Trinity in the Gospel of John», Grand Rapids, Mich., Book House, 1986).
Это глубокое размышление о Троице в Евангелии от Иоанна. Автор обещал дополнить эти размышления еще двумя книгами о Троице, появления которых мы с большим нетерпением ожидаем.
9. Alasdair Heron, «The Holy Spirit» (London, Marshall, Morgan and Scott, 1983).
Эта книга рассматривает разные подходы Восточной и Западной церквей к роли Святого Духа и Троице.
10. О дискуссиях XX в. об учении о Троице см:
Karl Barth, «Church Dogmatics I/1 (Edinburgh, Clark, 1936). Jurgen Moltmann, «The Trinity and the Kingdom of God: The Doctrine of God» (London, SCM, 1981).